

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт международных отношений, истории и востоковедения

Российское общество интеллектуальной истории
Казанское отделение

**ИМПЕРИИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И ПРЕПОДАВАНИЯ**

Сборник статей и сообщений

Казань
2025

УДК 94(075.8)
ББК 63.3(0)я73
И54

*Печатается по рекомендации
кафедры всеобщей и публичной истории Института
международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Редакционная коллегия:

Н.Ю. Бикеева, В.Е. Козлов, Г.П. Мягков (сост., отв. редактор),
Р.Р. Фахрутдинов, Д.В. Шмелев (сост., отв. редактор),
Л.М. Шмелева

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **В.Н. Ерохин**
(Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан)
кандидат исторических наук, доцент **В.А. Филимонов**
(Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина)

И54 Империи в мировой истории: проблемы изучения и преподавания: [Электронный ресурс]:сборник статей и сообщений – Электронные текстовые данные (1 файл:3125 Кб) / Казанский федеральный университет./ сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Д.В. Шмелев. – Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2025. – 268 с. Системные требования: Adobe Acrobat Reader. –Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-00245-486-0

В сборник статей и сообщений включены материалы Всероссийской научной конференции, состоявшейся в Казанском федеральном университете 28-29 марта 2025 года, посвященной проблемам изучения мировых империй Запада и Востока, их становлению и развитию на разных этапах исторического развития, дипломатической, политической, социальной и культурной истории.

Предназначен для специалистов-историков, преподавателей школ и вузов, аспирантов, магистрантов и студентов, всех тех, кто интересуется проблемами теории и истории империй.

УДК 94(075.8)
ББК 63.3(0)я73

ISBN 978-5-00245-486-0

© Кол. авторов, 2025
© Оформление РИЦ «Школа», 2025

Раздел 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВОСПРИЯТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ МИРОВЫХ ИМПЕРИЙ ЗАПАДА И ВОСТОКА

УДК 930.1

Агапов О.Д.

Категории «империя», «цивилизация», «федерация» в контексте современной философии истории

Методология философии истории и социально-гуманитарных дисциплин в начале XXI в. вышла на уровень сравнительной теоретической рефлексии важнейших категорий, институализирующих философско-гуманитарное познание, а именно «империя», «цивилизация» и «федерация». На наш взгляд, указанные исторические феномены могут рассматриваться: (1) как формы исторической энтелекии, (2) как результат успешной интеграции – колонизации народов, позволяющих им выйти на качественно новый уровень социокультурного развития, (3) как форма бытия уникальных субъектов истории (государств-цивилизаций).

Ключевые слова: империя, цивилизация, федерация, компаративистика, колонизация

В основе феноменологии как философского подхода лежит идея предстояния или взглядывания в то, что представляет собой феномен изучения как объект и предмет исследования. В этом плане важно узрение облика и образа России, ее стати, в понимании того, «Кто» и «Как» устроил мир России, «Что» представляет собой Россия как культурно-историческое явление на карте мира, в судьбе человеческого рода. Подобного рода всеобщность свойственна социально-философскому взгляду не только на динамику российской гражданской политической нации, но и на другие народы и государства мира. В частности, Ф. Бродель, отвечая на вопрос «Что такое Франция?», писал, что «дать ответ на этот вопрос – значит уловить самую суть проблемы, понять Францию с ее собственной помощью», увидеть, как рождается она из тех бесчисленных напластований, которые слой за слоем терпеливо откладывало ее прошлое, подобно тому, как мощная земная кора образовывалась из еле заметных морских осадков, накапливавшихся в течение мно-

гих веков. Одним словом, исследовать отстой, сплав, сочетания и смеси. Вникнуть в процесс, в нескончаемую борьбу страны с самой собой. Не будь этой борьбы, все бы рухнуло» [3, с. 13].

На наш взгляд, дальнейшее развитие модели российского государства-цивилизации должно привести к новому, отличному от гуманитарных парадигм XVIII – XX вв., пониманию связей между концептами «империя», «федерация» и «цивилизация». Ф. Бродель показал, что «...цивилизации выживают в контексте политических, социальных, экономических, а также идеологических волнений, которые скрыто, но иногда мощно управляют ими. Французская революция не оборвала полностью существование французской цивилизации, а Революция 1917 года – русской цивилизации, которую некоторые расширительно называют цивилизацией восточной ортодоксии» [2, с. 213]. Более того, «в течение пятидесяти, ста лет, даже двух-трех веков эти цивилизации, по всей вероятности, остаются примерно на том же самом месте карты мира, где более или менее благополучно они оказались в силу исторической случайности, или, как говорят экономисты, при прочих равных условиях, и, очевидно, выживут, если человечество со временем не покончит с собой, что, к несчастью, возможно при современных средствах» [2, с. 214]. Ярким примером длинного исторического эха выступает динамика политических институций в Евразии. С.А. Нефедов пишет: «В целом насчитывается семь периодов, когда на Русской равнине существовали относительно стабильные государственные или племенные образования – это скифский, сарматский, готский, хазарский, киевский, монгольский и московский периоды» [11, с. 309].

Необходимость в научном сравнительном анализе в этой междисциплинарной сфере назрела давно и является препятствием не только в плане научного социогуманитарного познания, но и при замедлении теоретико-методологической рефлексии чревато большими политическими конфликтами в современной геополитической обстановке XXI в. Например, часть интеллектуалов работающих в «фабриках мышления» на военно-промышленный комплекс коллективного Запада делают ставку на продвижение одномерного образа России как империи – «тюрьмы народов», призывают народы Российской Федерации к национально-освободительной борьбе. В мировоззренческо-идеологическом плане дискурс постколониальных исследований начинает выступать как инструмент военно-идеологического противостояния с Россией [см.: 8].

Виднейший представитель современной российской науки С.В. Перевезенцев утверждает, что, наоборот, «российская цивили-

зация – это многоцветие народов, сплоченных государствообразующим русским народом в общей исторической судьбе, решавших общие исторические задачи, сохраняющих при этом свои традиционные культуры и религии. Уникальное качество российской цивилизации – плодотворное переплетение традиций различных народов, религий и культур на основе русской культуры и традиционной православной веры. Это и есть сегодня наш Русский мир. *Мы едины, но неслиянны*» [13, с. 62].

Б.Н. Миронов исследуя специфику практик сохранения единства полиэтнической Российской империи в XVIII – начале XX вв., выделил как минимум «шесть общих принципов политики» имперского правительства: 1) предоставление коренным народам аннексированных территорий права быть гражданскими субъектами на равных с русскими основаниях; 2) сохранение статус-кво, использование косвенного непрямого управления, предоставление широкой автономии присоединяемым территориям и проживающим там этническим группам, в особенности на первых этапах интеграции; 3) широкое сотрудничество с местными элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства, включение их в систему управления империи, преобладание социальной ассимиляции над собственно этнической, важность прежде всего политической лояльности интегрируемых обществ и их элит; 4) толерантность, избегание по возможности правовой дискриминации по этническому или конфессиональному признаку; 5) создание некоторых преимуществ в правовом положении этнических меньшинств сравнительно с русскими; 6) гибкость, вариативность и pragmatizm политики, пластичная адаптация принципов к конкретным ситуациям, конфессиям и народам в соответствии с принципом *ad hoc* – смотря по обстоятельствам» [9, с. 182].

Таким образом, Б.Н. Миронов делает вывод: «Российская империя никогда не была колониальной державой в европейском смысле» по ряду причин: (1) *русские не были «господствующим» народом империи: они подвергались частичной дискриминации по сравнению с нерусскими и уступали ряду народов* (например, немцам, полякам и евреям) *по степени урбанизированности, уровню грамотности, экономическому развитию, по числу лиц, занятых в сфере интеллектуального труда*; (2) *этноконфессиональная политика России отличалась pragmatizmом и терпимостью по отношению к нерусским, ставила на первое место не экономические, а политico-стратегические задачи*. Религиозная и языковая ассимиляция и административно-правовая интеграция долгое время не входили в ее цели; «господствующий» народ не поглощал побежденных. Нерусские этносы к этому настолько привыкли,

что всякие попытки интеграции и модернизации вызывали у них бурный протест, который подрывал стабильность социально-политического порядка и заставлял центральное правительство скоро от них отказываться; (3) в социально-экономическом смысле русский центр несколько уступал западной периферии и превосходил большинство своих восточных и южных окраин. Сама Россия в период империи вследствие относительной культурной и экономической отсталости находилась в существенной зависимости от иностранного капитала, европейской науки и технологии; (4) *Российская империя держалась в решающей степени на династическом и сословном принципе, а не на этническом и религиозном самосознании русских*» [9, с. 495].

С позицией Б. Миронова согласен В. Багдасарян, утверждающий: «Россия никогда не была колониальной державой. Те земли, которые присоединялись к территории государства, становились частью Отечества. Народы, проживающие на этих землях, не теряли свою идентичность, свою культуру и свой язык. Они включались в сферу политики более сильного государства, но на равных правах. Они получали возможность развиваться... за счет доминирующих в экономическом и социальном плане регионов» [1, с. 540].

Сегодня развернулась борьба вокруг практик колонизации и колониализма. Важно их развести, поскольку стратегии коллективного Запада (понижающая демография, табуирование Православия и русского мира, уничтожение литературного языка как носителя большой традиции) являются примером деструктивности, если следовать анализу А.В. Щипкова [16, с. 117].

Российское академическое сообщество должно различать процесс колонизации и колониализма. В частности, А. Головнев показал, что в философско-антропологическом плане колонизация – это «дорога с встречным движением, и колонии по-своему колонизуют свои метрополии (через пленников, элиту, наемных солдат и рабочих), благодаря чему возникает эффект колонизации вспять» [5, с. 538]. Именно в режимах колонизации происходят социокультурные взаимодействия, диалог и создание новых этно-социокультурных синтезов, цивилизационных моделей. В социальной истории человеческого рода всем народам и странам приходилось быть метрополиями и колониями, во всемирной истории мы можем выявить динамику и миграцию метрополий, новые конфигурации по модели «метрополия – колония» [5, с. 538]. Другое дело, что необходимо осознавать множественность практик колонизации.

Кроме того, важно помнить вывод Г. Кеймена, специалиста в области истории империй: «любая империя – это предприятие совместное» [6, с. 11]. А. Головнев пишет о том, что энергия и практика русской / российской колонизации не сколько встречала сопротивление, сколько была *синергией*, где местные элиты в разных амплуа (проводников, противников, союзников, служильых, ясачных плательщиков) участвовали в колонизации, были ее *бенефициарами* [5, с. 535].

Следует согласиться с Б. Мироновым, что «Российская империя стала историческим этапом, формой и процессом, открывающим как русскому народу, так и нерусским народам путь в Современность / Модерн через формирование «общеимперской гражданственности через русский язык, русскую культуру, путем создания новых современных общероссийских институтов, с помощью единой российской системы образования на русском языке и всеобщей воинской повинности» [9, с. 250].

Российское государство в XV–XX вв. стало новой цивилизационной формой для развития народов Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока. Развитие российской цивилизационной формации, отношения внутри ее политических, социально-экономических, этнорелигиозных и социокультурных факторов не были однородными. «Цветущая сложность» (метафора К.Н. Леонтьева) российской цивилизации к началу XX века складывается, преодолевая различные формы устаревших политических, экономических и культурно-религиозных систем и предрассудков. Конкретнее, за XVI–XX века болезненно, но изживаются многие формы национально-религиозного гнета. Например, интеграция татарского народа в российское государство и общество происходит в военной сфере, в области науки, образования, культуры, экономики, религии. Для русской/российской цивилизации характерен универсализм, опирающийся на ценности христианства и Просвещения (с XVIII в.). Отечественный историк и культуролог С. Лурье была убеждена, что «специфический универсализм Российской империи выразился в том, что ее границы рассекали мусульманский, буддийский, католический и протестантский миры – регионы с разными вероисповеданиями, на общих основаниях входили в состав империи. Последняя как бы втянула в себя все разнообразие и все религиозные противоречия мира, стремясь «отыграть» их и победить внутри самой себя» [7, с. 58].

Ведущий архетип русской / российской цивилизации – это *первопроходец / пионер*. Особенно если учесть не только «движение встречь солнцу» XVI–XVIII вв., освоение Северного морского пути, открытие Антарктиды (1820 г.), но и открытие космического

пространства, где Юрий Гагарин (1961 г.) и Алексей Леонов (1965 г.) выступают в качестве Христофора Колумба и Магеллана. Казачий атаман Ермак, Иван Москвитин, Семен Дежнев и другие землепроходцы – это «соль земли» русской, ее персонифицированное воплощение, вне которых и помыслить Россию невозможно [10, с. 32]. Важно осознать, что колонизация была *всенародным делом*. В освоении природного космоса Евразии, Северного Ледовитого и Тихого океанов *формировалась русская / российская икономия (психея и полития, экономика и культура) и энтелехия*. Перво- и землепроходец в русской / российской культуре – не авантюрист, а *устроитель*. В великом деле созидания и украшения земли едины были и цари, и крестьяне. Например, решение о строительстве в 1891 г. Транссибирской магистрали (а затем и Туркенстанской линии) Александром III можно считать заделом на века вперед, это, выражаясь современным языком, было стратегией пространственного развития. «С постройкой Сибирской железной дороги полагается начало не только соединения западных и восточных берегов Российской империи..., но и северных, и южных окраин, ибо исследуется Карское море, устье Оби и Енисея, а в Алтайских и Саянских горах возникает, кроме Уральских, металлургическая деятельность. Эта великая дорога представляет завершение Русской земли...» – писал эксцентричный философ Николай Федоров, мечтавший соединить земную бескрайность и человеческое бессмертие в синтезе бесконечного общежития [10, с. 36]. В устроении земли, как пишет А.И. Неклесса, «география уживалась с метафизикой» и наоборот. «Крестьянин / пахарь – монах / инок – казак-воин» – это первая тройка *русской энтелехии*.

Иное дело **колониализм** как идеологически обосновываемое господство одного государства и/или народа над другими, основанное на завоевании, идее превосходства такого государства и декларируемом праве использовать ресурсы покоренных государств и народов. Колониализм в современном понимании сложился в ходе Великих Географических открытий. Он фактически обратная и темная сторона освоения мира человеческим родом. Испания, Португалия, Голландия, Англия, Франция заложили основу для формирования новых «морских» империй новой гегемонии, основанной на жесткой эксплуатации по расовому и иным признакам.

Полагаем, что концепты «империя», «федерация», «цивилизация» в рамках цивилизационной теории нач. XXI в. (С. Хантингтон, В. Цымбурский, С. Лурье, А. Неклесса), сохраняя свой объем и содержание, способны показать не только свою эпистемо-

логичекую несовместимость, но и обнаружить в метарефлексии цивилизационного подхода ряд моментов, позволяющих выявить отношения преемственности, историко-культурного родства.

На наш взгляд, указанные исторические феномены могут рассматриваться:

– (1) как результат успешной интеграции – колонизации народов, позволяющих им выйти на качественно новый уровень социокультурного развития (о чем, мы писали выше);

– (2) как форма *исторической энтелехии* бытия уникальных субъектов истории (государств-цивилизаций). С. Лурье, разрабатывая социально-философскую концепцию империи, пишет о важности значения имперских периодов в истории каждого народа на современном этапе. Знание об империи выступает социокультурным основанием для всех новоевропейских наций – республик – федераций, оно становится для современных граждан своего рода ««шестым чувством», порождая «ощущение целостности и последовательности государственного процесса» [7, с. 19], опираясь на которой важно творчески воплощаться в настоящем. Каждый этап суверенного политического бытия России самоценен и важен для понимания российской политии, так, начав свое бытие в качестве классического *потестарного государства*, Древняя Русь выходит на уровень политической институализации средневековой христианской политии, а затем новоевропейской модели империи, и уже в XX в. открыв для себя политическую форму *республики и федерации*. Особенно ярко все противоречия в политическом развитии России мы увидим при рассмотрении истории «больших геополитических игр» эпохи Великих Географических открытий (XV–XX вв.), где российское государство отстаивало свое право на суверенное творческое развитие от посягательств Речи Посполитой, Швеции, Англии, Османской и Персидской империи, в последующем Австро-Венгрии, Пруссии, Германской империи и т.д. Например, В. Цымбурский отмечает, что «с первых шагов геополитики Российского государства в XVI–XVII вв. ее сверхзадачей именно и было – гармонизировать эзотерику единственного Православного Царства с **экзотерикой игры** на полях международных систем, где это царство пребывало лишь одним из элементов силовых конфигураций, политически артикулирующих географию регионов» [15, с. 63].

Историк и политолог А. Миллер, задаваясь вопросом «Если бы Россия не была империей, то чем бы она была в XVIII–XIX веках?», отвечает на него таким образом: «она могла бы быть *периферией другой империи*». ...Империя была фактически универ-

сальной формой организации европейского (и не только европейского) пространства вплоть до начала XX века» [9, с. 123].

Более того, выход на политическое бытие империи – это событие, задающее субъекту истории новый социально-психологический уровень [7, с. 16]. Например, С. Лурье пишет, есть как минимум три признака имперского народа. Первый – состоит в новой «практике себя» в «завоевание самих себя (*не других*), встраивания себя, *по-рой ценой жестких самоограничений, в собственный идеальный образ*». Второй признак касается содержания мессианской идеи, ибо «она должна быть в принципе приемлемой для других. В противном случае, возникнет империоподобное экономико-политическое образование, а не империя в полном смысле этого слова. Далее, в-третьих, важно искусство или «умение транслировать свою правду другим народам», а это «является следствием наличия у имперского народа развитого культурного сценария межэтнического взаимодействия». Для народов бывших провинций Золотой Орды – Казанского, Астраханского, Сибирского ханств – вхождение в круг влияния российского государства-цивилизации был также шансом на развитие, на более ясное проживание собственной идентичности, ее обогащение [7, с. 16].

– (3) В методологической оптике философии истории термины «империя», «федерация», «цивилизация» – это пример универсалистской парадигмы мышления, в их содержании явлен христианский и просвещенческий универсализм. Однако следует учитывать, что сам дискурс цивилизаций имеет амбивалентный характер. В свое время А. Панарин показал, что «просвещенческий гуманизм в отрыве от христианского архетипа сострадательности превращается в идеологию сверхчеловека, претендующего на то, чтобы монополизировать современность и объявить большинство неполноценной расой традиционалистов» [12, с. 66].

В XIX–XX вв. наряду со становлением философско-научной парадигмы цивилизационного мышления происходил рост ее интеллектуального эрзаца, а именно цивилизационного расизма. Одной из форм цивилизационного расизма стала русофobia, славянофobia, «культура отмены России». Как показала с своем исследовании Н. Таньшина, термин «русофobia» появился в английской прессе в 1836 г. (до этого 1759 г. возникла «франкофobia», в 1793 г. – «англофobia»). Причем речь шла не о реальных планах России по завоеванию Индии и Константинополя, а об «опасениях англичан потерять Индию и увидеть Россию в Константинополе, о “страхах фантазии”» [14, с. 9].

Вместе с тем глобальные социальные потрясения XX в. существенным образом поколебали одномерную евроцентричную

идеологию цивилизации. Горьким лекарством от евроцентризма стала Первая мировая война (1914–1918 гг.), итогом осмысления которого стала работа О. Шпенглера «Закат Европы», пересборка Британской империи стала предметом рефлексии А. Тойнби в серии его исследований, получившим название «Постижение истории». Формирование российского национального сознания и самосознания в XIX в. происходит в горниле Отечественной войны 1812 г., в ответе на вызовы Крымской войны 1853–1856 гг. В лучших своих проявлениях российское цивилизационная парадигма опирается на христианский и просвещенческий универсализм (историософия Н. Данилевского, К. Леонтьева, Н. Страхова, В. Розанова, Ф. Достоевского, В. Соловьева, С. Булгакова, С. Франка и др.).

Завершая наш краткий экскурс, мы хотим напомнить, что дискурсы о «цивилизации», «империи», «федерации» развиваются по принципу взаимодополнения, обогащая друг друга, позволяя видеть исторического бытие более панорамно, стереоскопически, в динамике разнонаправленных и разноуровневых процессов. Например, история Римской империи может рассматриваться одновременно и как история федерализма, и республиканизма, и оцивилизовывания [4]. Если период древнего мира цивилизации, как правило, имели, по И. Валлерстайну, форму мир-империй, то в современном мире «текущего Модерна» это могут быть содружества (Британское содружество с 1931 г.), конфедерации и федерации.

Библиография

1. Багдасарян В.Э. Хаос как стратегия глобализма. М., 2023. 688 с.
2. Бродель Ф. Очерки истории. М., 2015. 223 с.
3. Бродель Ф. Что такое Франция? Т. 1. М., 1991. 405 с.
4. Власов В.И. Федерация и империя: взаимосвязь и взаимовлияние форм государственного устройства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 3. С. 18–24.
5. Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. 592 с.
6. Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М., 2007. 764 с.
7. Лурье С. Imperium: империя – ценностный и этнопсихологический подход. М., 2012. 272 с.
8. Малахов В.С., Летняков Д.Э. Колониальная аналогия: о пользе и вреде языка постколониальных исследований в постсоветском контексте // Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 113–127.
9. Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017. 640 с.
10. Неклесса А.И. Преодоление Евразии // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. С. 27–46.
11. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. I. С древнейших времен до Великой Смуты. М., 2010. 376 с.
12. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003. 541 с.
13. Перевезенцев С.В. Русское Преобразование. Историософские заметки // Тетради по консерватизму. № 1. М., 2024. 475 с.

14. Таньшина Н. Страшные сказки о России. Классики европейской русофобии и не только. СПб., 2024. 256 с.
15. Цымбурский В.Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков. М., 2016. 496 с.
16. Щипков А.В. Незавершенный нацизм. Генезис, трансформации и родственные явления. М., 2024. 134 с.

“Empire”, “civilization”, “federation” as categories in the context of contemporary philosophy of history

Methodology of philosophy of history and socio-humanitarian disciplines in the early 21st century has reached the level of comparative theoretical reflection on the most important categories institutionalizing knowledge in the humanities and philosophy, namely "empire", "civilization" and "federation". In my opinion, these historical phenomena can be considered: (1) as forms of historical entelechy, (2) as a result of successful integration – colonization of peoples, allowing them to reach a qualitatively new level of socio-cultural development, (3) as a form of existence of unique subjects of history (states-civilizations).

Keywords: empire, civilization, federation, comparative studies, colonization

Agapov Oleg Dmitrievich, Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova, Kazan, Russia; g.oleg2015@yandex.ru

УДК 94(492).03

Булычев П.М.

Образ Испанской империи в визуальном пространстве Нидерландов XVII века

Статья посвящена выявлению специфики восприятия испанской империи жителями Нидерландов в период Восьмидесятилетней войны, а также раскрытию путей формирования устойчивых образов испанцев в визуальной культуре Нидерландов данного периода.

Ключевые слова: Нидерланды, Испанская империя, Восьмидесятилетняя война, визуальное искусство, гравюра

Восьмидесятилетняя война явилась поворотным моментом в истории Нидерландов, поскольку именно она позволила создать здесь суверенное государство. Первые попытки объяснить восстание в Нидерландах в 1568 г. были предприняты практически сразу после начала войны, однако наибольшее развитие его исследования получили в XX веке, когда были сделаны первые шаги в осмыслении данного явления с точки зрения экономических причин, которые особенно интересовали как отечественных историков-марксистов, например А.Н. Чистозвонова, так и зарубежных, буржуазных, в представлении отечественных исследователей

историков, например Эрнста Бааша или, например, Де Брэ. Это спровоцировало дискуссии между двумя совершенно разными по своим подходам группами исследователей: между теми, кто рассматривал данный конфликт как буржуазную, то есть во многом экономическую революцию, и теми, кто видел в нем совокупность многих факторов, где экономические играли лишь определенную роль. Так или иначе, культурный пласт во многом выпадал из поля зрения исследователей обоих лагерей. Исходя из этого, и учитывая современные подходы, стремящиеся к рассмотрению любого исторического явления со всех возможных сторон, безусловно, необходимо пристально взглянуть на культуру Нидерландов периода Восьмидесятилетней войны, чтобы, в частности, выявить пути, которыми формировались представления противников, участвующих в конфликте, друг о друге.

Говоря об Испании как империи, необходимо отметить, что восстание Нидерландов против ее господства было, вероятно, неизбежным. Нидерланды того времени были неоднородны по своему религиозному составу, в то время как империя Габсбургов с ее абсолютистскими тенденциями [4, с. 60], предполагавшими унификацию и универсализм, что было свойственно европейским империям XVI–XVII веков, стремилась эту неоднородность минимизировать. Следствием этого стало своеобразное иконоборческое восстание 1566 г., которое нужно было каким-то образом подавить. И оно прологом к настоящей войне. Другой аспект имперской политики, которые неизбежно вел к восстанию в Нидерландах – экономическое давление центра. Именно этот фактор, по мнению представителей обоих исследовательских лагерей, и вызвал настоящую войну. Введение дополнительных налогов, что противоречило вольностям городов, вызвало резкую критику политики наместника Альбы. Подобная критика, в свою очередь, спровоцировала репрессии в отношении виднейших нидерландских аристократов Ламорала Эгмонта и Филиппа де Монморанси в 1568 г., что характеризует имперскую политику Испании как насилиственную.

Когда мы рассматриваем Испанию данного периода, к выше-описанным характеристикам «империи» следует прибавить и тот факт, что король Филипп II мыслил себя как «ответственный за своих подчиненных перед Богом» [2, р. 135]. На эту особенность восприятия королем своей позиции следует обратить пристальное внимание, поскольку она проливает свет на мотивы поведения и поступки Филиппа II, которые выражались через как минимум три указанных выше проявления имперской политики – борьбу с ересью (с протестантизмом), то есть стремление к религиозной

унификации, экономическое давление и насилие в отношении любой оппозиции.

В этой связи мы можем говорить о начале формирования своеобразного противопоставления Нидерландов как сообщества городов со своими вольностями, правами и привилегиями, что в дальнейшем переродится в представление о Нидерландах как «республике», и Испании, стремящейся к общеимперской унификации путем отъема прав и привилегий у Нидерландов и включения их в состав империи на общих основаниях [5, с. 110–114].

Этот конфликт нашел довольно широкое отражение и в культурном поле Нидерландов, которое, конечно же, не было однородным на протяжении всего конфликта. Тем не менее, можно выделить основные мотивы образа испанской империи в представлении нидерландской пропаганды, которые либо не изменились, либо изменились незначительно.

Весь конфликт условно можно разделить на две части: первая часть – до Двенадцатилетнего перемирия, вторая – после него, то есть с 1568 по 1609 гг. и с 1621 по 1648 гг. Для Нидерландов первый этап войны был крайне сложным, особенно в его начальный его период. Ввиду невозможности Нидерландов противопоставить Испании вооруженные силы, достаточные для того, чтобы переломить ход конфликта, военная борьба в этот период принимает вид осад и обороны, а в культурном плане разворачивается антииспанская пропаганда. Именно тяжелое военное положение выводит на первые планы в визуальной пропаганде фигуру испанского солдата как воплощение всех бед войны.

И главным источником, который транслировал этот образ и был широко распространен и доступен, стала гравюра. Образ испанского солдата на нидерландских гравюрах исследуемого периода присутствует практически всегда, причем, очевидно, трактуется в негативном ключе. Испанский солдат изображается практически всегда в связи с массовыми убийствами, грабежами, экзекуциями и другим насилием и без какого-либо сочувствия местному населению. И здесь необходимо отметить, что, отчасти, гравюры отражали реальное поведение испанских солдат, которые в 70-е гг. захватили и разграбили несколько нидерландских городов и в дальнейшем политика Испании в отношении жителей Нижних земель была довольно суровой [1, р. 82]. Следовательно, можно предположить, что негативный образ испанцев был широко распространен в нидерландском обществе и гравюры, визуально воплотившие его, быстро становились очень популярными. Классическим изображением бесчинств испанцев можно назвать гравюру Франса Хогенберга «Испанская ярость», 1579 г [3]. На этой гра-

вюре изображены испанские солдаты, стреляющие на улицах нидерландского города, а также пылающая ратуша. Последний сюжет особенно показателен, поскольку ратуша – символ самостоятельности города, его прав, которые фактически были уничтожены испанским солдатом. В данной трактовке, а работы подобного плана не единичны, испанский солдат, то есть олицетворение Испании – это грабитель и нарушитель городских прав, то есть своеобразной базы культурной идентичности и самоопределения нидерландских городов. Здесь усматривается и противопоставление республиканских порядков ненавистной империи. Так, насилие, которые визуально выражено через образы солдат, и которое в контексте имперской политики удержания территории воспринималось совершенно нормально, для Нидерландов представляется страшной несправедливостью и попиранием традиций.

Второй тип изображения испанцев – это изображения представителей власти. Особенно часто подобные изображения появляются в первый период войны, и главным героем там чаще всего выступает герцог Альба. Сюжеты с ним довольно разнообразны, но так или иначе они затрагивают все те же темы, что и в связи с образами солдат, поскольку и тот и другие выражают власть Испании на захваченных территориях. Зачастую герцог изображается вписаным либо в мифологический, либо в библейский сюжеты. Так, например, в ряде гравюр Альба выступает в роли какого-либо отрицательного персонажа Ветхого или Нового Завета, или в окружении чертей и даже в компании дьявола. И, конечно же, при этом он попирает законы, порядки и обычай Нидерландов. Его пособником в этих бесчинствах выступает католическая церковь, которая грабит население. И здесь мы снова видим сколь важным был экономический фактор в борьбе Нидерландов за независимость, наряду с законом «о десятом *пфенниге*» герцога Альбы, который обязывал отдавать десятую часть с каждой экономической транзакции, что было опасно для экономики, часто основанной на транзитной торговле.

В этой связи показательной является гравюра Виллема Якобса – «*Тирания Альбы*», 1622 г. [6], на которой можно найти массу важных деталей. Во-первых, сам герцог изображен в компании чертей, держащих корону, испанской аристократии и, конечно же, кардинала, держащего в руках меха для раздувания огня в печи, что в данном случае является метафорой разжигания войны. Присутствие на гравюре изображения кардинала подчеркивает особую важность в причинах конфликта религиозного вопроса. Хотя здесь нужно отметить, что Южные Нидерланды в итоге оказались в орбите влияния Габсбургов именно из-за того, что местное население

исповедовало преимущественно католичество, в то время как протестантский север, что довольно тесно перекликалось с экономической жизнью, до конца отстаивал свой суверенитет от империи. Образ католического монаха, пособника режима Альбы и, соответственно, Испании так же присутствует на гравюре. В правой части изображения мы видим сцену экзекуции, где солдаты вешают на дереве представителей гражданского населения, что можно определить по одежде людей, а внизу стоят монахи, также в типичных одеяниях, и благосклонно взирают на происходящее. Таким образом, католицизм и католическая унификация однозначно преподносятся как зло.

На данной гравюре также присутствует изображения разорванных привилегий городов и даже самих городов, которые традиционно воплощались в образах связанных женщин, стоящих на коленях перед герцогом.

Еще одни аспект имперской политики в отношении Нидерландов, аспект экономический, представлен образом Маргариты Пармской, штатгальтера Нидерландов, вылавливающей сетью из бассейна с надписью «кровь» богатства – сундуки и прочие предметы, стоящей позади герцога. Образ же насилия в отношении местного населения воплощен в сцене обезглавливания вышеупомянутых Эгмонта и Монморанси на площади в Брюсселе, расположенной в самом центре гравюры прямо над сценой с Маргаритой.

Таким образом, в данной гравюре представлены все ключевые аспекты, демонстрирующие классическое представление Нидерландов периода войны об испанской империи.

Эти два типа изображения Испании в визуальной культуре Нидерландов периода Восьмидесятилетней войны не единственные, но наиболее характерные, и, что еще более важно, они не претерпели существенных изменений за весь период войны. Причем образ врага-испанца оказался настолько стойким, что сохранился даже до ее окончания. Существует масса примеров, когда подобного рода изображения создавались уже в 70-е гг. XVII века, то есть образ, сформированный в начале войны, продолжил жить в сознании нидерландцев и был популярен практически до XIX века.

Библиография

1. Brugmans H. *Opkomst en bloei van Amsterdam*. Amsterdam, 1911. 286 p.
2. Kamen H. *Spain, 1469–1714: a society of conflict*. Harlow; Longman, 2005. 369 p.
3. Хогенберг Ф. Испанская ярость. – URL: <https://www.rijksmuseum.nl/en/collection/object/Spaanse-Furie-stadhuis-in-brand-1576--181bb27e6c>

92c228d74e6d99ddcbc066?query=Furie&collectionSearchContext=Art&page=1&sortingType=Popularity&facets[0].id=7958d1fd57720b58d32cd1ec9e10faec
(дата обращения: 20.04.2025)

4. Чернышов Д.В. Государственно-правовое развитие Нидерландов в XVI в.: Историко-правовое исследование: дис. ...к.ю.н. М., 2003. 204 с.

5. Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов: учеб. пособие для вузов М., 2007. 510 с.

6. Якобс В. Тирания герцога Альбы. – URL: <https://www.rijksmu.se/um.nl/en/collection/object/Tirannie-van-Alva--dd6af2ifdc535484f40fbe18e2329641?query=van+Alva&collectionSearchContext=Art&page=1&sortingType=Popularity> (дата обращения: 20.04.2025).

Булычев Павел Михайлович, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; pavelbulmop1@yahoo.com

The image of the Spanish empire in the visual space of the Netherlands of the XVII century

This article is devoted to the question of the perception of the Spanish Empire by the inhabitants of the Netherlands during the Eighty Years' War, as well as the formation of stable images of the Spanish in visual art.

Keywords: Netherlands, Spanish Empire, Eighty Years' War, visual art, engraving.

Bulychev Pavel Mikhajlovich, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; pavelbulmop1@yahoo.com

УДК 94 (430).06

Глухова А.С.

Социально-политический статус имперского рыцарства в свете данных юридических источников 1790-х гг.

В статье рассматривается специфика социально-политического статуса имперского рыцарства в сравнении со статусом имперских сословий, отраженная в юридических заключениях начала 1790-х гг. Автор выделяет основания сравнения статуса имперских рыцарей и имперских сословий, используемые юристами для аргументации правовых ограничений и правовых возможностей сословия.

Ключевые слова: юридические заключения, имперские рыцари, имперские сословия, Священная Римская империя германской нации, Рыцарский корпус

Имперское рыцарство Священной Римской империи, будучи дворянским сословием и частью Рыцарского корпуса, имело немало привилегий [12, р. 284]. По мнению некоторых историков, например, Вильяма Годси, эти привилегии в целом приравнивали

имперское рыцарство к имперским сословиям [6, р. 15]. С другой стороны, существовали и ограничения в деятельности имперских рыцарей, которые отличали имперское рыцарство от имперских сословий [11, S. 435]. Историография описывает привилегии имперского рыцарства лишь в общих чертах, уточняя, что положение рыцарей постоянно менялось, чем способствовали трансформации в правовой системе империи, а также итоги судебных разбирательств, участниками которых становились рыцари [10, S. 219]. В числе подобных разбирательств могли быть земельные споры или споры связанные с нарушением юрисдикции рыцарей имперскими сословиями [7, S. 41]. При этом исследователи зачастую упускают из вида детали изменений в положении рыцарства. Таким образом формируется необходимость в более подробном изучении статуса имперского рыцарства в 1790-е гг., то есть незадолго до разрушения рыцарской организации, которое стало следствием распада Священной Римской империи.

Под термином «статус» в настоящем исследовании понимается положение, которое имперское рыцарство занимало в социально-политической структуре Священной Римской империи. И если социальный статус имперского рыцарства предполагает определение места рыцарства в социальной иерархии [3, с. 277], то политический статус – в политической системе [1]. При этом, социальные и политические привилегии одной и той же группы могли не совпадать. В контексте данного исследования социально-политический статус рыцарства ограничивается пониманием «статуса» как положения имперских рыцарей в связи с социальной политикой государства в отношении данного сословия, а также как комплекса политических возможностей имперских рыцарей.

Наиболее массовым источником по истории имперских рыцарей являются юридические документы, регламентирующие отношения в правовом поле, и, так или иначе, отражающие государственную политику относительно социального и политического положения рыцарства. Подобного рода юридические источники, фрагментарно отражающие историю имперского рыцарства, крайне разнообразны: это реестры, постановления, указы [R.D.], акты [5, с. 4] и прочее. Данное исследование ограничивается юридическими заключениями – приложениям к постановлениям суда, в которых обосновывалось содержание постановления [8, р. 52]. Интерес к такому роду документов вызван тем, что в подобном заключении содержится обзор правовой ситуации, изложенный должностным лицом, отвечающим за корректность отраженных сведений. В таких заключениях отражены законы, указы, постановления, сегодня не сохранившиеся полностью и существующие

только фрагментарно. В некоторых случаях постановления и заключения объединены в одном документе [S.V.] и заключение содержит протокол судебного заседания. Из анализа таких юридических заключений можно почерпнуть информацию о позиции имперского рыцарства в различных спорах, о правовой специфике рассмотрения дел с участием имперских рыцарей, а также о содержании рыцарских привилегий. Широкий перечень вопросов, рассматриваемых в судах по делам имперского рыцарства, позволяет предполагать наличие в юридических постановлениях информации и о социально-политическом статусе имперского рыцарства.

Социальный статус имперского рыцарства определялся сословной политикой государства. В рамках этой политики на вершину сословной иерархии помещалась фигура императора, ниже находились привилегированные сословия и еще ниже основная масса населения [2, с. 18]. К привилегированным сословиям относились имперские сословия и имперское рыцарство, которые при этом имели не равный статус. Нельзя также утверждать, что социальный статус имперских сословий был выше социального статуса имперских рыцарей [9, S. 51] в силу особенностей социального-политического положения последних, проявляющихся в праве высшей юрисдикции на своих территориях [9, S. 74], которое было подобно праву имперских сословий.

С другой стороны, уплата налогов в имперскую казну и обязанность пополнять имперскую армию воинскими контингентами – обязанности имперских сословий, открывавшие им доступ в Рейхстаг – отсутствовали у имперских рыцарей [4]. Однако рыцари, субсидировавшие непосредственно императора, для достижения своих политических целей имели возможность прямого воздействия на него, минуя рейхстаг, [10, S. 206]. Именно подобного рода неформальные пути влияния имперских рыцарей на социальную и политическую жизнь общества усложняют определение их точного статуса.

В юридических заключениях 1790-х гг. практически не прослеживаются значительных изменений в социально-политическом статусе имперского рыцарства. Однако определить параметры этого статуса на основании информации, представленной в данном источнике, возможно. Так, юридическое заключение по делу имперского рыцарства Рейнского рыцарского округа против Пфальцского герцогства, касающемуся вопросов налогообложения, датируемое 1790 г. [A.D.] дает ценную информацию по вопросам статуса имперского рыцарства. При этом документ фиксирует наличие противоречий в законах и указах, что усложняет решение

разбираемого дела. Так, в юридическом заключении сказано, что в определенный момент рыцарские привилегии были расширены, при этом закон не ограничил параллельно княжескую юрисдикцию. Соглашение об изменении статуса имперских рыцарей было достигнуто между рыцарями и императором, а заключение князей в этом вопросе не требовалось [A.D., S. 3]. Таким образом мы видим, что имперские рыцари находили в юрисдикции императора и под его покровительством, что, помимо прочего, подтверждает тот факт, что имперское рыцарство в социальной иерархии находилось не ниже имперских сословий.

Основные вопросы, по которым между рыцарями и имперскими сословиями возникали споры, касались налогообложения, земель (приобретение и изменение статуса территорий) и судо-производства. Документ отражает пример, связанный с уплатой рыцарских налогов герцогами и попыткой рыцарей заявить о себе как об имперском сословии. Но этот прецедент преподносится не как стремление рыцарей реализовать свои амбиций и повысить свой статус или как соперничество имперских князей с равными себе по статусу, а в лишь случай превышения полномочий [A.D., S. 13]. При этом, несмотря на наличие столь подробной характеристики содержания споров рыцарей и князей, привилегии первых никак не конкретизируются, также, как и не определяется их социальное-политическое положение.

Проблема равенства в статусе между имперскими сословиями и имперским рыцарством поднимается и на страницах юридического постановления 1790 г. по делу о «заседателях» [E.U.]. Документ содержит ценнейшую информацию по вопросу о близости статусов имперского рыцарства и имперских сословий. В тексте присутствуют заявления, что еще в XVI в. существовали такие прецеденты, как включение имперских рыцарей в Имперские реестры, императорские приглашения рыцарей на рейхстаг [E.U., S. 20]. Таким образом в источнике подчеркивается, что на этапе формирования имперского рыцарства как сословия, оно могло претендовать на положение сословия имперского. Соответственно, и в XVIII в. имперские рыцари могли претендовать на подобный статус [E.U., S. 17].

В этом источнике подчеркивается основное различие в политическом статусе между имперскими рыцарями и имперскими сословиями, которое заключалось в используемых ими политических практиках контактов с императором. Если для имперских сословий механизмом реализации подобных взаимодействий был рейхстаг, то рыцари предпочитали прямые контакты с императором. При этом документ объясняет запрет для рыцарей на заседа-

ние в рейхстаге традицией, ставшей политической практикой, поскольку в XVI в. сословия находились в процессе формирования и в рейхстаг могли попасть только желающие [E.U., S. 27]. Таким образом, можно проследить, что изначально запрета имперскому рыцарству заседать в Рейхстаге не существовало, поскольку этим правом потенциально могли пользоваться все привилегированные сословия. Со временем сословия, выражавшие желание заседать в Рейхстаге, закрепили свои права на юридическом уровне, а имперские рыцари, принимавшие участие в политической жизни общества через прямые контакты с императором, не нуждались в подобного рода закреплении, что в итоге привело к формированию их специфического политического статуса.

Подобная близость в статусах имперского рыцарства и имперских сословий обнаруживается и в других юридических заключениях, например, в заключении 1791 г., касающемся неуплаты налогов рыцарями [S.V.]. Здесь важным является упоминание практики «немедленного зачисления в Рыцарский корпус» [S.V., S. 26], когда имперский князь мог приобрести рыцарские земли и таким образом приобрести статус имперского рыцаря. Сам факт подобной практики, практики приобретения статуса имперского рыцаря, свидетельствует о наличии для данного сословия привилегий недоступных другим имперским сословиям.

На страницах юридического заключения 1792 г., касающемся вопросов необходимости проверки древности рода имперского рыцаря при назначении его на руководящую должность в рыцарского организации [I.Z.], поднимается о критериях подхода к отбору людей на руководящие должности. В документе отмечается, что ранее проверка древности рода при назначении на должность была необходимостью, но со временем перестала быть актуальной [I.Z., S. 6], а значит любую должность теперь может занять не только представитель старинного рода, что значительно расширяет рамки выбора. При этом важно отметить, что подобные изменения не снижают статус сословия, ни социальный, ни политический.

Таким образом мы видим, что в юридических источниках начала 1790-х годов социально-политический статус имперского рыцарства четко не обозначен. При этом тексты юридических заключений содержат некоторую информацию о положении имперского рыцарства в сравнении со статусом имперских сословий. Имея ввиду тот факт, что имперские сословия в имперской иерархии стояли на одну ступень ниже императора и считались наиболее привилегированными, сравнение их положения с положением имперского рыцарства позволяет определить статус последнего.

Ключевой вывод, который можно сделать исходя из данных, представленных в исследуемых юридических постановлениях, заключается в том, что имперское рыцарство и имперские сословия имели не одинаковых статус, но рыцари находились в социальной иерархии не ниже имперских сословий.

Библиография

Источники

A.D. – Anzeige Der aus dem Reichs-Hofrathlichen Verfahren erwachsenen gemeinen Beschwerde In Sachen Der Niederrheinischen Reichs-Ritterschaft entgegen Die Herzogliche Pfalz zweibrückische Regierung und Consorten // München: Bayerische Staatsbibliothek, 1790. 58 s.

E.U. – Etwas über die Fragen: Wie liesse sich des Kammergerichts Personale auf schickliche Art zur merklichen Förderung der Justiz mehren? // München: Bayerische Staatsbibliothek, 1790. 36 s.

I.Z. – Ist zu Erlangung einer reichsritterschaftlichen Direktorialstelle eine gewisse Anzahl adelicher Ahnen erforderlich? // München: Bayerische Staatsbibliothek, 1792. 48 s.

R.D. – Rudolf II. Decretum, daß die gefreyste Reichsritterschafft in Erkennung der Process soll in acht genommen werden // Leipzig: Das Deutsche Reichs-Archiv, Bd. 3, 1713. 338 s.

S.V. – Speyer A. Von Gottes Gnaden Wir August, Bischof zu Speier, Probst der gefürsteten Probsten Weissenburg, des heiligen römischen Reichs Fürst, Graf von Limburg-Stirum [...] // München: Bayerische Staatsbibliothek, 1791. 86 s.

Литература

1. Абальмаз В.В. Теоретические аспекты в современных политических системах // Экономика и социум. 2016. № 11 (30). С. 17–23.
2. Александров А.А. Дворянство Центральной Германии перед началом Наполеоновских войн // Ярославский педагогический вестник. 2005. С. 17–23.
3. Гревцева Е.В., Типунова А.С., Холодная Е.А. Теоретические аспекты социального статуса // Вестник науки. 2022. № 12 (57). Т. 4. С. 277–280.
4. Трачевский А.С. Германия накануне революции // Вестник Европы. 1897. № 6. 476 с.
5. Brandis J.F. Ueber das reichsritterschaftliche Staatsrecht und dessen Quellen: Einladungsschrift zu seinen Vorlesungen. Göttingen, 1788. 40 s.
6. Godsey W.D. Nobles and nation in central Europe. Free Imperial Knights in the Age of Revolution, 1750–1850. Cambridge, 2004. 320 p.
7. Kerner J.G. Allgemeines positives Staatsrecht der unmittelbaren freyen Reichsritterschaft in Schwaben und am Rhein. B. 2. 1788. 482 s.
8. Kerr O.S. How to Read a Legal Opinion: A Guide for New Law Students // The Green Bag. 2007. V. 11. № 1. P. 49–64.
9. Mader J. Reichsritterschaftliches Magazin // Frankfurt und Leipzig. 1780. B. 1. 689 с.
10. Press V. Adel im Alten Reich: Gesammelte Vorträge und Aufsätze // Tübingen: Bibliotheca Academica. 1988. 472 s.
11. Rotteck C., Welcker C.T. Das Staats-Lexikon. Encyklopädie der sämmtlichen Staatswissenschaften für alle Stände // Auflage: Leipzig. 1865. B. 12. 770 s.
12. Zmora H. The Formation of the Imperial Knighthood in Franconia: A Comparative European Perspective // Oxford. 2011. 302 p.

Глухова Анастасия Сергеевна, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; gluhovaanastasia27@gmail.com

Socio-political status of imperial knighthood in light of information from juridical sources of the 1790s

The article deals with the specifics of the socio-political status of imperial knighthood in comparison with the status of the imperial estates, reflected in the legal opinions of the 1790s. The author identified the grounds for comparing the status of imperial knights and imperial estates, used by lawyers to argue the legal restrictions and opportunities of the knightly class.

Keywords: legal opinions, imperial knights, Holy Roman Empire of the German Nation, Knight's Corps.

Glukhova Anastasiya Sergeevna, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; gluhovaanastasia27@gmail.com

УДК 94(44).05

Артох Г.Ю.

«Повсюду царил дух праздника». Коммеморативная практика во Франции в 1805 г.

В статье рассматривается поездка Наполеона в апреле 1805 г. из Парижа в Милан на коронацию как короля Италии. Путешествие было не только привычным официальным визитом, но и актом презентации власти. В каждом городе, который посетил Наполеон на своем пути, составлены проекты встречи монарха и заранее подготовлены коммеморативные сооружения. Было выявлено, что произошла трансформация презентации власти. Вместо республиканской скромности выступает имперская роскошь. Это выражалось в триумфальных арках, построенные к приезду императора, например в Лионе. Особое внимание отводилось церемониалу встречи главы государства. Эта церемония должна была напоминать римский триумф. Появление главы государства преподносилось как праздник. Заметную роль здесь играла супруга императора – Жозефина. Своим появлением она усиливала ощущение единства общества и власти.

Ключевые слова: Наполеон, коммеморативная практика, античность, триумфальная арка

Официальные поездки не были для Наполеона, по крайней мере, об этом можно смело говорить для эпохи империи. При консулате Наполеон был в разъездах по стране всего несколько месяцев за весь период. Эти путешествия по стране позволяли Наполеону составить собственное мнение о реформах, которые он проводил, а также узнать о настроениях в обществе. Каждый официальный визит тщательно готовился. Префекты регионов были предупреждены за несколько недель, потому что они организовы-

вать встречу главы государства. Эти приемы имели церемониал, вдохновленный практиками Старого Режима, хотя последние короли мало путешествовали, например Людовик XVI за все свое правление предпринял поездку лишь в Шербур. Создание всего церемониала поездки была задачей префекта дворца Тюильри Жерара Дюрока, который сохранил эту функцию и при Империи. Кортеж был внушительным, маршрут тщательно изучался. Каждый раз, когда император приезжал в департамент, его встречали на границе префект, окруженный советом префектуры и местными властями, включая епископа и командира воинского подразделения. Для этой церемонии создавалась почетная охрана из сыновей местных уважаемых людей, ответственных за сопровождение императорского кортежа. Каждое прибытие в город сопровождалось ритуальными действиями: вручением ключей и произнесением речей, мэр в окружении совета приветствовал императора. Вдоль маршрута возводились триумфальные арки и вывешивались таблички в честь Наполеона, а также императрицы, если она присутствовала. Жозефина играла в этих церемониях, возможно, даже большую роль, чем Наполеон. Ее появление – символ взаимодействия народа и правящей семьи, что создает видимость близости власти и общества.

Коммеморативная практика в нашем представлении не является только лишь способом запечатления важного события, например визит главы государства, но также важным инструментом мобилизации коллективной памяти, в том числе, с целями чисто практическими [5, р. 25].

В нашей статье мы хотим рассмотреть поездку Наполеона в Италию, где в мае 1805 г. состоялась его коронация как короля Итальянского королевства. Это путешествие было выделено и изучено нами, поскольку оно является показательным в изучении темы репрезентации власти в эпоху Первой Империи. Эта поездка интересна в ключе изучения трансформацииластной структуры, совершившая переход от элективной республики к наследственной монархии. Нас интересуют в первую очередь античность как часть коммеморативной практики и презентации власти в торжественных приемах, будь эти практики продиктованы из Парижа или же по собственной инициативе.

Путешествия Наполеона, а также Жозефины длилось с 3 апреля по 12 июля 1805 г. Было посещено множество городов: Труа, Бриенц, Семюр, Шалон, Макон, Лион, Шамбери, Модан, Турин, Асти, Александрия (итальянская), Маренго, Павия, Милан, Брешия, Верона, Мантуя, Нови, Болонь, Модена, Плэзанс, Генуя, Турин, Лион, Роан, Мулен, Невер, Монтаржи [6, р. 212]. Территори-

ально наше исследования ограничиться только французскими историческими регионами. Это ограничение обусловлено тем, что исследование итальянской практики коммеморации и ее сравнение с французской является темой отдельного исследования.

Античный компонент в символике власти, литературном или политическом нарративе был все еще также значителен, как и при революции. Для примера, приведем статью из журнала «Монитёр» от 18 июля 1804 г. под названием «Исторические рассуждения о морских империях древности и современности». Автор статьи, к сожалению, неизвестен. Актуальность текста, а также его явная политическая ангажированность очевидна. Она обусловлена подготовкой к морскому вторжению Франции в Англию. Автор текста ссылается на Искрата, который писал о том, что люди, доминирующие на море ненавистны всем, ибо их жажда завоевания превратила их в тиранов. «Несомненно, что народы, доминирующие благодаря морской торговле, являются самыми жадными и самыми несправедливыми из всех народов; это исторический факт, подтвержденный опытом» [Moniteur universel, 18 juillet 1804], соглашается автор статьи с древним историком. Аналогии из древности автор приводит следующие: борьба Рима и Карфагена за морскую гегемонию, вторая – противостояние эллинов и Персии, а затем Спарты и Афин. Автор хотя и не ссылается напрямую на конфликт между Францией и Англией, но это вполне ощущается в слоге. Он как будто намекает читателю на справедливость свержения «морского тирана».

В самом первом городе на пути, в Труа, к приезду Наполеону построили триумфальную арку, о чём мы можем прочитать в газете Монитер за 4 апреля 1805 г.: «Император въехал в Труа через ворота Санса. Была возведена триумфальная арка, увенчанная императорской короной. Этот монумент, простой и элегантный, был украшен несколькими надписями, среди которых были такие как:

“pande triumphales adites, urbemque beatam
Porta, viro francis unus qui restituit rem”
«раскинь триумфальные пути, благословенный город
Врата, один из французов, восстановивших порядок».

Мы не можем судить о размерах арки, поскольку ее габариты не отмечены, но есть более подробное описание других коммеморативных сооружений в центре города. Колонна и пирамида украшают две главные городские площади, на первой читаем: Imperatori, Regi, Napoleoni felici ac invicto ararum, artium, legumque instauratori, Augusta bona (старое название Труа), grato animo hoc monumentum posuit.

«Императору, королю, Наполеону, счастливому и непобедимому, восстановителю культа, искусств и законов, городу Августе (старое название Труа), с благодарным сердцем этот памятник воздвигнут». Второй содержит в себе тоже замысловатый символ. Франция с честью поднесла бюст императора жителям Труа, а как будто обращается к ним со словами, написанные на четырех гранях памятника:

«Под ясным руководством живите счастливо
Под благодатным отцом живите с благодарностью
С великим защитником живите в безопасности
С справедливым судьей живите правильно».

[*Moniteur universel*, 5 avril 1805].

В письме архиканцлеру империи Камбасересу Наполеон выражает свое удовлетворение регионом следующими словами: «...я прибыл в Труа вчера в четыре часа после полудня. Я был очень доволен дорогами, сельским хозяйством и, прежде всего, духом народа. Это один из департаментов, через которые я прошел, которым я больше всего доволен. Сегодня утром я уже увидел все, что хотел увидеть» [*Corrrespondance générale*. Р. 9765]. Хотя Наполеон не отмечает триумфальную арку, мы предположим, что обращение к античности пришлось ему вполне по вкусу.

5 апреля 1805 г. Наполеон писал архиканцлеру: «Я был очень доволен духом народа земли, которую я проезжал. Я приехал из Труа сюда под триумфальной аркой, а флаги соседних деревень выстраивались вдоль главной дороги» [*Corrrespondance générale*. Р. 9784]. Наполеон отмечает в письме также и некоторые детали, которые не отметили в газетах. Флаги вдоль дороги выражают поддержку местных сообществ императору, подчеркивая единство страны и обществ. В письме И. Мюрату Наполеон пишет чуть больше: «... Я прибыл в этот город (Макон – А.Г.) в 7 часов вечера. Я очень доволен духом жителей тех мест, которые я проехал; мне было приятно видеть их добрые лица вдоль дороги. Я увидел множество триумфальных арок, которые они возвели, и надписей, которыми они их украсили, и лишь в них была истинная выраженность чувств, которые их вдохновляли» [*Corrrespondance générale*. Р. 9785].

Семюр также подготовился к встрече Наполеона, построив триумфальную арку. Наполеон был в Семюре 6 апреля 1805 г. В газете «Монитер» от 10 апреля была написана статья о торжественном приеме императора местной администрацией: «Их Величества прибыли сюда (в Семюр – А.Г.) вчера в восемь часов вечера и остановились в доме мэра, где они разместились. Его Величество Император пригласил мэра на ужин и в это время обсуждал

с ним различные проекты города. Иллюминация нашего города и триумфальная арка, возведенная на возвышенности, составляли очень красивую картину. Усердие и проявления радости огромной толпы, собравшейся из различных коммун округа, должны были убедить Их Величества в любви и привязанности народа этой местности» [Moniteur universel, 10 avril 1805].

10 апреля 1805 г. в 15:00 Наполеон прибывает в Лион, второй по величине и один из самых главных индустриальных городов Франции, поскольку именно здесь производилась большая часть текстиля в стране. Вечером этого же дня будет заложен первый камень в фундамент моста, который затем назовут «Тильзитским» [4, р. 227]. Приготовления к приезду императора были грандиозными и начались задолго до его приезда. Один из авторов в газете Монитер даже выразил свои чувства накануне приезда правящей четы: «Сначала их (Наполеона и Жозефину – А.Г.) ожидали только в пятницу 22-го, затем в четверг 21-го. Наши сограждане радуются тому, что Император приехал раньше срока, как будто, чтобы удовлетворить наше желание видеть его. Единственное, что могло бы омрачить радость, которую эта новость вызывала, – это страх, что подготовка к встрече Их Величеств была не завершена и не соответствовала стремлению города проявить себя и его жителей» [Moniteur universel, 16 avril 1805].

В этом же газетном номере описано, что в четверти лье от Лиона, на дороге к городу Букль была возведена триумфальная арка дорического ордера. Архитектором памятника был уроженец Лиона – Жозеф Шинар, известный скульптор стиля неоклассицизма. Эта арка была одной из самых впечатительных по своим размерам и по блеску точно превосходила все предыдущие, которые Наполеон мог увидеть на своем пути. Бронзовые колонны, львы и знамена представляли собой верность лионцев «институтам Империи». Вокруг бронзовых колонн были кресты Почетного легиона с вензелями монарха. Возле двух входов были поставлены два барельефа, один знаменовал собой единство Империи и свободы. Второй – мудрость в образе Минервы вручает кресты Почетного легиона солдатам, артистам и ученым. На вершине арки орел римского образа, держащий бюст Наполеона в небесах. Эти представления сочетали символы чести императора в сочетании с величием города Лион. Надпись внизу гласила «Наполеон I», а рядом:

«Из древнего Лиона величие и богатство
возрождаются под голосом этого могущественного героя.
Он видит свое несчастье, исправляет беды,
а вид счастливого народа станет его наградой.
Поля Италии свидетельствуют о его мужестве.

Анархия предана забвению; храмы восстановлены;
добродетели, таланты и изящные искусства почитаются:
в величайшем воине восхищает мудрость»

[*Moniteur universel*, 16 avril 1805].

На образе Минервы стоит остановиться подробнее. Минерва здесь – это не просто отсылка на античное божество, а вполне уместное сопоставление. Минерва олицетворяет собой как Победу, так и Мудрость, музыканта и защитника ремесленников. Здесь мы видим выстраивание аллегорического образа не между Наполеоном с Цезарем или Александром, а с древнеримской богиней. В мозаике «Гений императора» выдающегося мозаиста того времени Франческо Беллони изображен Наполеон в виде довольно необычной аллегории с Минервой, стоящей в колеснице, запряженной двойкой лошадей. В этом образе выражается в определенной степени парадоксальный напор и ритм, присущий Наполеону в выполнении военных, гражданских и политических свершений. К сожалению, триумфальная арка Лиона не сохранилась до наших дней.

Кроме перечисленного, были проведены праздники в честь супруг, а в городе установлены мраморный бюст Наполеона и мраморная статуя Жозефины. В городе были установлены бюсты Антонию и Марку Планку, основателю Лунгудума (старое название Лион). Аллегорические изображения, олицетворявшие Францию, Италию и славу императора всегда дополнялись элементами античности, в том числе надписи на парадных лентах. Например, в тронном зале Лион, на одной из ленточек возле трона была вышита надпись на латинском языке: «Высоко вознесусь и достигну звезд» [*Moniteur universel*, 23 avril 1805]. Артист М. Фэй исполнил песню, написанную на манер легенд Оссиана. Эта песня – панегирик Наполеону как «спасителю франкского народа». Также песня сопровождается словами, выражющие агрессивные намерения Англии как «тирана морей» [*Moniteur universel*, 23 avril 1805].

Во многих даже небольших городках департамента Изер были возведены триумфальные арки, поскольку администрация точно знала маршрут Наполеона. На арки были нанесены оригинальные надписи. «Повсюду царил дух праздника», заключает автор статьи от 21 апреля 1805 г. [*Moniteur universel*, 21 avril 1805]

Действительно, царил дух праздника, но не только потому, что так подумал автор статьи в газете «Монитер». Превращение официального визита в праздник было важной задачей (если не основной) как для церемониймейстера, так и для администрации города. День приезда главы государства сделан выходным днем. Прерывается повседневная деятельность, проводятся балы, спек-

такли, запускаются фейерверки, а улицы украшаются и освещаются. Визуальный контакт между главой государства и населением, иногда и прямое взаимодействие, например вручение петиций, делают первого человека государства осозаемым, как и его супругу, которая тоже играет здесь важную роль, а возможно и ключевую. Жозефина присутствует на всех важных поездках и мероприятиях Наполеона.

Через практику приемов императора в городах Франции становится очевидным, что идея того, что Наполеон, «защитник франкского народа» не только ведет справедливую войну, а что он обязан положить конец владычеству Англии на морях.

Главное, на что делали упор во всех приведенных примерах применения античности в репрезентации власти Наполеона было в идее того, что Наполеон – спаситель отечества. Эта идея не была плодом фантазии местных администраторов чтобы подчеркнуть свою лояльность или польстить «спасителю франков», который, как Цезарь в Риме, остановил анархию во Франции и сохранил право на собственность. Во время визита Наполеона в Лион в апреле 1805 года мэр Богрене просит встречи с Наполеоном, «...с этим универсальным человеком, который сделал больше за пять лет, чем другие за несколько веков». Он особенно благодарен за то, что Наполеон: «погасил огонь вулкана, который должен был нас поглотить», намекая на Французскую революцию [2, р. 47-49]. Образ «спасителя» был создан самим Наполеоном. Она была очень удобна для Наполеона как минимум в нескольких аспектах. Самый главный из них заключается в укреплении легитимности власти Наполеона, которая имела очень нестабильную основу. Идея транслировалась в первую очередь на французов. Не раз подчеркивается идея мести Англии, укрощения ее тиранического правления на море. Сравнения с древними и богами античности могли быть самыми разнообразными, от Цезаря, Ганнибала, Александра, до менее очевидных – Иисуса Христа и Минервы. Также во всех обращениях подчеркиваются победы Наполеона. Вся церемония встречи императора напоминают триумфы. Выстраиваются памятники, арки, вдоль улиц обилие цветов, мозаика, драпировка, гирлянды, одним словом, все в подражании римлянам. Можно говорить о настоящем народном культе. Наполеон обычно останавливается в префектуре департамента, члены его свиты занимают дома значимых людей. Это не обязательно самое красивое здание в городе, но это способ утверждения непрерывности государства на всей территории, префект и, следовательно, его резиденция олицетворяют государство там, где находится Наполеон.

Библиография

1. Bonnet J.-C. L'Empire des Muses: Napoléon les Arts et les Lettres, sous la direction de Jean-Claude Bonnet. P.: Belin. 2004. 496 p.
2. Boudon J.-O. Napoléon le dernier romain. P.: Belles lettres. 2021. 133 p.
3. Correspondance générale: 9765, 9784, 9785.
4. Garros L., Tulard J. Itinéraire de Napoléon au jour le jour. 1769–1821. P.: Tallandier, 1992. 666 p.
5. Huyssen A. Twilight memories: making time in a culture of amnesia. New York 1995. Routledge. 292 p.
6. Lentz T. Nouvelle histoire du Premier Empire. T. 3. P.: Fayard, 2007. 836 p.
7. Moniteur universel. 1805. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4416395d/f1.image> (дата обращения: 15.03.2025).

Артюх Глеб Юрьевич, аспирант, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия; Gleb.artyuuh@yandex.ru

“The spirit of celebration reigned everywhere”. Commemorative practice in France in 1805

The article examines the trip of Napoleon in April 1805 from Paris to Milan for his coronation as king of Italy. The trip was not only a routine official visit, but also an act of presenting authority. In every city that Napoleon visited on his way, projects for the monarch's meeting were drawn up and commemorative structures were prepared in advance. It was revealed that there was a transformation in the representation of power. Instead of republican modesty, imperial luxury stands out. This was reflected in the triumphal arches built for the arrival of the emperor, for example in Lyon. Special attention was paid to the ceremonial meeting of the head of state. This ceremony was supposed to resemble a Roman triumph. The appearance of the head of state was presented as a holiday. The emperor's wife, Josephine, played a prominent role here. By her appearance, she reinforced the sense of unity of society and power.

Keywords: Napoleon, commemorative practice, antiquity, Arc de Triomphe

Artyukh Gleb Yur'evich, graduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; Gleb.artyuuh@yandex.ru

УДК 94(44).072

Шмелев Д.В.

«Луи-Наполеон Великий» Ф. Сегэна и начало ревизии истории второй империи

В статье рассматривается важный этап изучения истории Второй империи во Франции, связанный с пересмотром оценок, новым осмысливанием ряда процессов и фактическим «возвращением» периода правления Наполеона III в длительную историю французской модернизации. На эту ревизию повлияла книга Филиппа Сегэна «Луи-Наполеон Великий», которая стала катализатором дискуссий во французской историографии, а также политической контекст, связанный с борьбой голлистов (наследников бонапартистской культуры) с левыми и процессами

европейской интеграции. В рамках новых размышлений появилась возможность отказатьься от упрощенного понимания истории Второй империи как авторитарной диктатуры в пользу интерпретации как масштабного проекта социально-экономического и политического обновления французского общества.

Ключевые слова: Франция, Вторая империя, Луи-Наполеон, Филипп Сегэн, бонапартизм

Вторая империя во Франции и Наполеон III как личность и политик в течение долгого времени являются предметом серьезных споров среди историков и политиков. Обстоятельства падения Второй империи, пропаганда левой оппозиции и республиканская историография Третьей республики, не отрицая некоторых достижений эпохи, все же формировали о нем довольно критичное мнение, равно как и о самом императоре, считая империю формой авторитарной власти с опорой на армию, бюрократию и католическую церковь, воплощением личных амбиций Наполеона III, не имевшей серьезной социальной поддержки. В XX веке под влиянием деградации и падения самой Третьей республики и наступления «юбилеев» проявились попытки более объективного взгляда на биографию и деятельность последнего французского императора [1; 2; 6]. Большой вклад в этот процесс также внесли политические события – возвращение к власти генерала де Голля в 1958 году и доминирование бонапартистской политической культуры с ее культом национальных героев и «спасителей» отечества. Впоследствии политическая борьба между левыми и правыми, процесс политического обновления (*rénovation*) среди самих правых в немалой мере подтолкнули к актуализации дискуссий. По всей видимости, не случайно Наполеон III привлек внимание Филиппа Сегэна (1943–2010), одного из лидеров обновленческого движения в рядах голлистов и активного защитника национального суверенитета Франции перед лицом углубления европейской интеграции и наступления эпохи неолиберальной глобализации.

Получивший прекрасное образование и к середине 1980-х годов ставший одним из влиятельных представителей молодого поколения голлистов в окружении Ж. Ширака, Филипп Сегэн был одним из горячих противников наднациональной Европы и подписания Маастрихтского договора. В 1989–1990 годах он возглавил обновленческое течение в рядах голлистской партии (М. Барнье, Ф. Байру, Ф. Фийон, Ш. Паскуа, Д. Боди, М. Нуар, Ш. Мийон, Ф. де Виллье и др.), но проиграл Шираку борьбу за лидерство партии. Тем не менее, с 1993 по 1997 годы занимал почетный и влиятельный пост председателя Национального собрания.

В 1990 году выходит его исторический труд «Луи-Наполеон Великий», опубликованный в издательстве Grasset в разгар дискуссий по Маастрихтскому договору [5].

Необходимо отметить, что дискуссии о ревизии истории Второй империи к тому времени уже начались в англо-американской историографии. Можно упомянуть работу У. Смита, посвященную истории Второй империи [4], или «Исторический словарь Второй империи», подготовленный исследователями из университетов Англии, США и Канады [3]. Работы англоязычных историков стали результатом глубокого исследования проблем истории, экономики и культуры Второй империи. Авторы призывали воспринимать бонапартизм не как бюрократическую, военно-клерикальную диктатуру, а как обширную социальную программу, основанную на идеях сенсимонизма, прудонизма и необходимости решения рабочего вопроса, которая была не понята современниками. Бонапартистский режим оказался со всех сторон окружен врагами: республиканцами, орлеанистами, легитимистами, католиками. Даже интеллектуалы и художники критиковали его за пошлую буржуазность. Наполеон III оказался героем-одиночкой, взявшим на себя груз ответственности и воплотившим рискованный и смелый проект под названием «Вторая империя». Он имел столь широкий размах, так глубоко пронизал все сферы общественной жизни, что времена правления его автора можно смело назвать «веком Наполеона III».

Хронологически работы англоязычных историков предшествовали публикации Ф. Сегэна, но в силу разных причин имели определенное влияние на содержание его труда. Обосновывая свой подход, он писал: «Его жизнь была более чем исключительной: необычной, невероятной, ошеломляющей. Это была жизнь, полная приключений, крайне насыщенная и наполненная разными событиями. На первый взгляд, между подростком-изгнаником, иногда нелепым заговорщиком, искусственным политиком и всемогущим правителем, а также между офицером швейцарской армии, мятежником Форли, узником форта Гам и почитателем лондонских кварталов, не так много общего. И все же это был один и тот же человек, одна и та же жизнь. Жизнь, которая силой воли превратилась в судьбу» [5]. Если Наполеону Бонапарту было необходимо не только творить, но и управлять преемственностью и разбираться с наследием революции, то Луи-Наполеон продвигал собственные идеи управления, которые он тщательно обдумал и развел в период изгнания. Он был полон решимости донести их до своего скептически настроенного окружения и различных мнений, никогда не поддаваясь искушению комфорта и конформизма.

К своему несчастью, Луи-Наполеон оказался зажатым между двумя республиками: одной, которую он якобы сверг, другой, которая была выстроена на обломках его правления.

Обращает на себя личностный подход к фигуре Луи-Наполеона, но вместе с тем глубоко осовремененный, даже политизированный. Поскольку Сегэн смотрит на Вторую империю с позиции политика-голлиста, вовлеченного в политические баталии своей эпохи. Но в этой эпохе он как раз находит параллели. При этом книга хорошо документирована свидетельствами современников и историков. Ф. Сегэн писал: «Что делает Луи Наполеона одновременно привлекательным и достойным уважения человеком, так это не только его дело, которое одновременно впечатляет и остается непонятым, не только его мастерство и сила характера, проявленные в переходе от ссылки к власти, но и прежде всего его верность своим убеждениям. Любой общественный деятель рискует забыть о причинах и идеалах, которым он был привержен, из-за множества мелких и скрытых проявлений трусости, каждое из которых имеет лишь незначительный видимый смысл. Однако в случае Луи Наполеона Бонапарта ничего подобного не происходит. Даже когда обстоятельства иногда заставляют его отклоняться от намеченного пути, он вскоре вносит более или менее радикальные исправления, так что время, когда кажется, что он сбился с пути, на самом деле оказывается воссоединением» [5].

Как отметил Ф. Сегэн, Луи-Наполеона часто воспринимали как человека из прошлого, неудачную попытку повторить успех своего знаменитого дяди, роль которого он исполнял с гораздо меньшим талантом. Это напоминало один из тех римейков, которые нам часто навязывают из-за недостатка воображения у кинопродюсеров. Однако это было бы неправильно. Луи-Наполеон не был бледной копией своего дяди и не пытался подражать ему. Он был человеком, устремленным в будущее, и использовал прошлое лишь для того, чтобы обрести в нем легитимность, благоприятствующую его смелым и изобретательным проектам. Пальмерстон образно сказал, что «голова Наполеона была местом, где идеи копошились, как кролики». Также впечатляет, так это его непоколебимая верность великим целям, которые он для себя выбрал. Для своего племянника Наполеон I был одновременно шансом и бременем. Шанс, потому что ссылка на орла, несомненно, способствовала целям Луи-Наполеона, хотя можно предположить, что его талант и мастерство могли бы обеспечить ему большую политическую карьеру и без этого. Бремя, потому что ссылка на дядю искала глубокий и реальный смысл его действий и скрывала

богатство и оригинальность его личности. Это породило некоторые иллюзии среди его интеллектуального и семейного окружения [5].

Общественный деятель должен подстраиваться под обстоятельства. Если не удается проводить политику, которую хотят его сторонники, то хотя бы двигаться в этом направлении достаточно далеко, чтобы у них была хоть какая-то надежда. Луи Наполеон придерживался этого принципа. Однако ему платили гораздо меньше, чем другим чиновникам, которые в подобных ситуациях могли рассчитывать на поддержку доверенных лиц, друзей и союзников, понимающих их дело и готовых идти с ними на конфликты. В случае с Луи Наполеоном такого не было.

В книге несколько частей: человек (психологический портрет молодого Луи-Наполеона), идеология (краткий анализ его социальных и политических идей, но и восприятие их историками и людьми бонапартистской культуры), политик (период 1848 года и отношения с политическими оппонентами), государственный переворот (авторство и механизм переворота), император (провозглашение империи, имперская повседневность, брак и т.п.), мондиалист (анализ его внешней политики как мондиалистского проекта), обновление (модернизация страны: промышленность, финансы, социальная политика, уровень и качество жизни французов), либерал (период «либеральной империи»), проигравший (падение империи как следствие внешних обстоятельств, а не как неизбежность; Наполеон – военнопленный, отказавшийся подписывать мир с Бисмарком), отверженный (последние годы жизни).

Интересна трактовка Ф. Сегэном внешней политики Луи-Наполеона. Здесь чувствуется влияние современных ему дискуссий о будущем национального государства и глобализации («император-мондиалист»).

Луи-Наполеон стал первым главой государства, который по праву заслужил звание глобалиста, считает Сегэн. Он сам косвенно утверждает это, восклицая: «Это был гениальный человек, который осознал, что европейское равновесие больше не определяется Альпами, Пиренеями, Вислой или Понтом Эвксинским, но охватывает весь мир» [5]. Луи-Наполеон стремился сделать внешнюю политику Франции инструментом, способствующим организации и развитию мира. Его позиция была оригинальной и даже радикально новой, за что его неоднократно обвиняли и за что он заплатил высокую цену. Эта позиция ознаменовала разрыв с эгоцентричной концепцией международных отношений, основанной исключительно на национальных интересах. Никогда раньше, даже во времена Революции, Франция не признавала за собой такого мессианского предназначения. Было ли у импера-

тора твердое намерение вернуть Франции ее естественные границы? Его усилия по возвращению Ниццы и Савойи могут вызвать такую мысль. Несомненно, он мечтал о левом береге Рейна и даже о Бельгии, пытаясь вернуть Люксембург. Однако все указывает на то, что это не было его главной целью. Луи-Наполеон никогда не упускал возможности использовать Францию в своих интересах. Его политика была направлена на это, но перспектива территориальных завоеваний оставалась второстепенной по сравнению с основной целью – защита национальностей [5].

Хотя его и считали посредственным полководцем, он достаточно хорошо разбирался в военном деле. Он не был ни великим стратегом, ни настоящим завоевателем, хотя и стремился создать некую иллюзию этого, поскольку понимал, что в этом деле он никогда не сможет соперничать с воспоминаниями о своем дяде. По его мнению, война – это лишь временное решение, от которого следует отказаться как можно скорее, даже если в конкретный момент она кажется эффективной. Отсюда стремление решить все через созыв конгресса или конференции.

Во внешней политике Луи Наполеон не был тем, кем мы его часто представляли. Он понимал, что для того, чтобы изменить старый порядок, необходимо создать новый. Он прилагал усилия к этой задаче. Чтобы возглавить движение, которое считал необходимым и неизбежным, он предлагал альтернативу как наследственному абсолютизму, так и революции. Его решение, соответствующее его внутреннему выбору, – это плебисцит и всеобщее избирательное право, с помощью которых постепенно Европа должна перестроиться. Мечтал ли он о Европейском союзе? Вероятно. По крайней мере, о проекте организации с преобладанием Франции. Луи-Наполеон действительно прочитал в «Мемориале», что не может быть «иного возможного равновесия, кроме объединения и конфедерации великих народов».

Он вынужден проводить свою внешнюю политику в одиночку, противостоя своим дипломатам, министрам, большей части своего окружения, законодательному корпусу, который стремится только к сокращению военных расходов, и, безусловно, общественному мнению.

Режим личной власти Наполеона III – с жесткой вертикалью, цензурой в печати, преследованиями оппозиции, фактическим слиянием и концентрацией законодательной и исполнительной власти – одновременно включал прогрессивные тенденции и в ряде положений был одной из самых успешных эпох в истории Франции нового времени. Император объявил о политике возрождения страны, едва оправившейся от хаоса революции 1848 г.,

назвав приоритетами экономическое возрождение и модернизацию, социальное примирение общества, активную поддержку и сотрудничество рабочего класса и буржуазии. В работе Филиппа Сегэна как раз обозначены вышеупомянутые аспекты, которые вызвали наибольшие споры и разногласия у историков.

Действительно, жизнь экономическая и жизнь политическая являли собой драматичный контраст. Переворот 2 декабря 1851 г. ограничил почти анархичную свободу, возникшую после революции 1848 г. Требование «стабильности» стало ключевым в политической практике Наполеона III на фоне социально-экономических и международных проблем. Он понимал, насколько раздроблено и ожесточено общество в ходе революции, насколько оно ощущает нехватку прочной, сплачивающей, авторитетной власти. Общество в целом еще не было готово к республиканскому строю, недостаточно созрело для самоуправления. По мнению императора, французам следовало оставить лишь одну единственную свободу – всеобщее избирательное право, с помощью которого они смогут выражать свое отношение к политике власти. Как заключил Ф. Сегэн, Луи-Наполеон оказался одиноким и непонятым человеком. Его верность своим принципам достойна уважения. Поэтому для историка речь идет не о том, чтобы осудить, а о том, чтобы ответить на его призыв к истине, который он, должно быть, не преминул бы высказать на суде истории: речь идет просто о том, чтобы понять его.

Библиография

1. Dansette A. Louis-Napoléon à la conquête de pouvoir. P., 1961. 419 p.
2. Dansette A. Naissance de la France moderne. Le Second Empire. P., 1976. 399 p.
3. Historical Dictionary of the French Second Empire, 1852–1870. Ed. by W.E. Echard. London, 1985. 950 p.
4. Smith W. Napoleon III. P., 1982. 394 p.
5. Séguin Ph. Louis-Napoléon le Grand. P., 1990. 447 p.
6. Tulard J. (dir.). Pourquoi réhabiliter le Second Empire? P., 2001. 240 p.

Шмелев Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; DVShmelev@kpfu.ru

“Louis Napoleon le Grand” by F. Seguin and the beginning of the revision of the history of the Second empire

The article examines an important stage in the study of the history of the Second Empire in France, associated with a revision of assessments, a new understanding of a number of processes and the actual “return” of the reign of Napoleon III to the long history of French modernization. This revision was influenced by Philippe Seguin’s book “Louis Napoleon le Grand”, which became a catalyst for discussions in French historiography, as well as the political context associated with the Gaullist struggle (the heirs

of Bonapartist culture) with the Left and the processes of European integration. As part of the new reflections, it became possible to abandon the simplified understanding of the history of the Second Empire as an authoritarian dictatorship in favor of interpretation as a massive project of socio-economic and political renovation of French society.

Keywords: France, the Second Empire, Louis Napoleon, Philippe Seguin.

Shmelev Dmitry Viktorovich, Doctor of History, professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; DVShmelev@kpfu.ru

УДК 94(430)

Гафуров С.О.

**Представления о борьбе немецкого народа
с мировыми империями в немецкой публицистике
XIX в.**

Статья посвящена анализу представлений о противостоянии немецкого народа и универсальных империй в немецкоязычной публицистике второй половины XIX в. Данный дискурс характеризовался выстраиванием немецкой национальной истории через призму борьбы с мировыми империями, начиная с античности и заканчивая событиями Франко-прусской войны. При анализе текстов немецких историков, публицистов и политиков того периода было выявлено, что природа данного противостояния заключалась в антагонизме порабощающего романского и свободолюбивого германского начал. Также сделан вывод о важности разбираемого сюжета в формировании немецкой национальной идентичности. Немецкий народ, согласно рассматриваемым текстам, играл ключевую роль защитника европейской свободы перед лицом универсальной власти.

Ключевые слова: Германская империя, универсальная империя, Отто фон Бисмарк, Леопольд фон Ранке, национальная история

К началу XVII века для большинства европейских политиков понятия, связанные идеями о мировом господстве и универсальной империи носило выраженную негативную коннотацию [12, р. 87; 3, с. 22–23]. В раннее Новое время в Священной Римской империи обвинения в намерении создать универсальную власть в мире применялись преимущественно по отношению к католикам. Подобная риторика была нацелена преимущественно против Габсбургов и Франции. В XVI–XVII вв. представления о достижении состояния безраздельного доминирования ограничивались христианскими странами. Позднее понимание вселенской власти было расширено до пределов всей планеты в XVIII–XIX вв. Необходимо было соблюдать осторожность, обвиняя кого-либо в универсализме, так как это демонстрировало страх перед завоеваниями соперника, что воспринималось как удар по престижу [6, с. 155]. Поэтому подобная полемика на длительном временном отрезке

была не характерна для крупных держав, но закрепилась среди, например, сословий Священной Римской империи.

В протестантской среде Германии формировалось устойчивое представление об опасности, которую в себе несут соседствующие державы, стремящиеся к гегемонистской власти. Причем для немцев борьба с универсализмом имела патриотическое значение. Так, во время Тридцатилетней войны бытовало мнение, что и испанцы, и французы хотят нарушить основы государственного устройства страны и установить Всеобщую монархию [15, с. 168]. Имперские сословия позиционировали себя как оплот свободы, что выражалось в особом конституционном устройстве Империи [7, с. 21]. Подавление германских свобод интерпретировалось как посягательство на независимость всех европейских государств. Исторический фактор был одним из важнейших в «антиуниверсалистской» риторике. Например, Габсбургов в XVII в. обвиняли в стремлениях установить мировое господство, основываясь на универсалистских претензиях императора Карла V [7, с. 76-77].

Определенный тренд на рассмотрение проблемы универсальной монархии на рубеже XVIII–XIX вв. задал Иоганн Готлиб Фихте, который в Речах к немецкой нации, предостерегал немцев от становления будущего немецкого государства в форме универсальной монархии, так как такая организация власти должна была бы изгнать разумное желание мира, чувство благожелательности, сострадания, заглушить разумный вопрос о цели всякой предпринятой войны [2, с. 2-3].

Просвещенческий дискурс, которому были свойственны описания политических процессов через призму географии и экономики, к середине XIX в. был практически полностью вытеснен исторической аргументацией. К примеру, в резонансном споре о сущности внешней политики Священной Римской империи между Генрихом фон Зибелем и Юлиусом фон Фикером, оба полемиста были согласны, что: «Для наших политических партий было бы большим шагом вперед, если бы они основывали свои тенденции на исторических основаниях и объясняли свои представления и надежды в соответствии с продолжением великого прошлого» [10]. Исторические основания имели ключевое значение в выстраивании национальных нарративов, имеющих большое значение в формировании собственной идентичности. Борьба с универсальными империями оставалась важнейшей темой, пришедшей в немецкоязычную публицистику XIX в. из эпохи Реформации и во многом определившая формирование представлений о национальной истории.

В исследованиях, посвященных представлениям, проблема препрезентации источникового материала становится зачастую ключевой. Для данной работы были отобраны тексты авторства деятелей, проявивших себя в политической жизни и писавших на исторические темы. Среди них следует выделить политиков и общественных деятелей протестантской Германии, таких как Отто фон Бисмарк, Эрнст Мориц Арндт, Генрих фон Зибель. А также, проявляющих себя в политике, профессиональных историков так называемой Барусской (Прусской) школы: Людвиг Гейссер, Леопольд фон Ранке, Юлиус фон Фикер, Иоганн Густав Дойзен и Генрих фон Трейчке.

Если попытаться кратко охарактеризовать немецкий национализм и историческую политику, нужно сказать, что данные идеологические концепции работали на самоизоляцию Германии, подчеркивали враждебность со стороны внешних соседей. «Положение Австрии, Франции, Швеции, Дании и Польши основывалось на бессилии Германии и Италии, равно как и военно-морское превосходство Великобритании и независимость Швейцарии и Нидерландов. Тихий заговор всех зарубежных стран удерживал центр материка в пределах границ. [...] Никогда прежде соседи не вызывали такого глубокого презрения к этой нации [...] Но политическая ситуация, вызвавшая это позорное падение репутации Германии, восхвалялась во всем мире как твердая гаранция европейского спокойствия» – писал Г. Трейчке [17, с. 22-23]. Из этого положения следовало, что суть существования немецкого народа заключалась в преодолении внешнего давления и построения своего нового государства. Как указывал И.Г. Дойзен: «Наш народ боролся за то, чтобы разорвать оковы, замкнуться внутри себя и принадлежать лишь себе» [9, с. 4].

К моменту объединения в 1871 г. национальная история Германии делилась на несколько периодов, увязывающихся с ключевыми сюжетами в существования немецкого народа. Всего можно выделить 8 периодов разной продолжительности, которые определялись немецкими историками [4]. Первый этап охватывал историю германских племен до формирования государственности, что обычно связывалось с правлением Людовика Немецкого. Далее период с IX по XIII вв. по своему содержанию рассматривался через призму правления германских императоров Саксонской и Штауфеновской династий. Третий этап затрагивал темы распада домена Гогенштауфенов, кризиса Священной Римской империи и междоусобных войн в XIII–XV веках. XV–XVII вв. рассматривались как эпоха Реформации и Контрреформации, что зачастую также выделяли как «первую немецкую революцию» [17, с. 4; 9. с. 3].

С приближением современности, выделяемые периоды становились более короткими. Следующей важной темой стало возвращение Пруссии от Великого Курфюрста до начала правления Фридриха II Великого. Отдельно выделялось время правления Фридриха II в Пруссии, что рассматривалось как первый триумф возрожденного германского духа. Седьмой этап германской истории был посвящен событиям Наполеоновских войн и национальному пробуждению немцев в 1813 г. Наконец, последний период современных на тот момент событий включал в себя процессы, связанные с существованием Германского союза, франко-пруссской войной и, как следствие, объединения Германии в национальное государство.

Если рассмотреть данную периодизацию через призму выделяемых мировых держав, противостоящих немцам, можно заметить прямую взаимосвязь. Первая универсальная империя была Римской, которая вторглась в земли свободолюбивых германцев еще в античные времена [13, с. 55]. Только одолев римлян немецкий народ сумел создать свое первое государство. Вскоре немцам стали угрожать не легионы Рима, а папа и универсальная власть католической церкви [4, с. 70-72]. В противостоянии с римским понтификом были повержены германские императоры Средневековья, а Империя пришла в упадок. Далее, когда немцы попытались сбросить с себя оковы римской церкви, что выразилось в реформации, появилась новая опасность в лице габсбургской Испано-австрийской державы [9, с. 14-15; 8, с. 91]. На смену Габсбургам пришла новая католическая сила с запада – Франция.

Новый виток борьбы с мировой империей произошел во второй половине XVII – начале XVIII вв., когда амбициозный король Людовик XIV намеревался подчинить протестантские княжества Священной Римской империи [14, с. 10-11]. Поражение Франции подарило наконец возможность Германии дышать. Торжество немецкой культуры, необремененной какое-то время столкновением с новой империей, было основой для появления героя Фридриха II Гогенцоллера, который заложил основу зарождающего немецкого государства [14, с. 27-28]. Вскоре Германии был нанесен новый удар со стороны наполеоновской Франции. Несмотря на поражение Австрии и Пруссии, немецкий народ сумел пробудить собственное национальное чувство в борьбе с Францией [17, с. 410-418]. Объединенная германская нация стала главным противником универсальной власти Наполеона III, чья империя была разгромлена в этом столкновении [16, с. 78]. В борьбе с империями немцы стали независимой, единой и самодостаточной силой, способной отстаивать свои интересы и принадлежать лишь себе.

Рассматривая сюжеты об универсальных империях, можно выявить три основные концептуальные идеи, которые определяли нравственное наполнение темы и способствовали формированию немецкой идентичности.

Важнейшей темой, раскрывающей характер отношений немцев с универсальными державами, является дихотомия романского юга и германского севера. Романское начало, проявляющее себя в выстраивании иерархии, имплицитно провозглашало тягу к порабощению и завоеванию соседей в противовес германского свободолюбию [4, с. 163]. Все отмеченные выше мировые державы представляли собой силы романского юга, который представлял большую опасность для германской цивилизации. В лекциях об «Эпохах Новой истории» Л. фон Ранке рассматривал события германской истории через призму влияния романского начала [4, с. 36]. Другой историк Г. фон Трейчке указывал на противостояние немцев и народов южной Европы, описывая события Реформации: «Имперская власть, которая когда-то была лидером немцев в борьбе с папством, отказалась провести церковную и политическую реформу. Империя Габсбургов стала Римской, повела народы римской южной Европы в бой против немецких ересей и с тех пор оставалась врагом всего немецкого до своего бесславного упадка» [17, с. 4]. О. фон Бисмарк также воспроизводил данный топос о противостоянии германского и чуждого романского: «Всюду, где немецкое национальное чувство вступает в борьбу с партикуляризмом, я вижу все же большую силу в первом: ведь сам партикуляризм, и прусский также, возник из возмущения против все-немецкой общности (das gesamtdeutsche Gemeinwesen), против императора и империи, путем отпадения от обоих, при поддержке папы, а впоследствии французов – в общем при чуждом романском содействии, неизменно и одинаково вредном и опасном для всенемецкой общности» [1, с. 213-214].

Нравственно-этические основы борьбы с универсальной монархией заключались в отстаивании мировой свободы, оказывавшейся под угрозой. Теоретически данную тему в работе «Великие державы» разрабатывал Л. фон Ранке: «Решительное преобладание одного государства – смерть всем остальным» [14, с. 43]. Для Ранке смешение всех государств, разрушило бы сущность каждого. Истинная же гармония – в разделении и развитии каждого государства и его народа [14, с. 43].

В XIX веке опасения немцев в первую очередь были связаны с Францией. Именно французы в первую очередь обвинялись в стремлении создать мировую монархию, которая отнимет, поставит под угрозу свободу всех народов Европы. Э.М. Арндт связывал

эти стремления с национальными чертами французов: «Эта мечта о приоритете и господстве над всеми народами делает еще более печальным то, что большинство из них [французов] верят, что они не только освежились и помолодели в результате потрясений, за которые им и всем нам пришлось так дорого заплатить, но и стали народом, искупленным от всякого рабства и всякого зла, что они достойнее самого благородного, самого свободного человеческого состояния, и только по вине немногих обманщиков и тормозителей они не могут делом показать всему миру своего достоинства. Они, ведомые тщеславием, беспокойны, честолюбивы, жадны, падки на всякую пышность и великолепие больше всех других народов, все еще мечтают о лучшей, самой свободной республике. Они вызывают из могил призраки старых и новых времен, чтобы показать великой нации путь и пример. Что принесут их ухаживания и волнения остальным европейцам, когда и как они снова начнут бунтовать, кто знает?» [5, с. 240-241]. Г. фон Трейчке, рассматривая процесс установления французского мирового господства в эпоху Наполеона, отмечал, что французская империя достигла больших успехов в покорении народов Европы.

В разбираемых событиях баланс между нациями заменялся властью одной империей, которая вовсю пыталась поработить и Германию: «Богатая история тысячелетия должна была быть уничтожена гигантской по своим масштабам авантюрией, а разнообразный культурный мир Запада должен был подчиниться власти одного человека. Эта новая, совершенно не французская, в сущности, политика завоевания мира стремительно приближалась к своим целям без тени сомнений. [...] Старый баланс сил был разрушен новым мировым господством. Не гений Наполеона, а добровольная беззащитность Германии привела ее к гибели, и великий вопрос будущего заключался в следующем: должна ли Германия стать тем, чем уже являлись Голландия, Швейцария, Испания и Италия?» [17, с. 16].

В том же духе расценивалась политика Франции накануне франко-пруссской войны. К примеру, Г. фон Зибель схожим образом описывал стремления Наполеона III устраниТЬ независимое состояние европейских наций и построить новую империю: «Сам монарх [Наполеон III], движимый стремлением к славе своего народа, неправильно понял все предпосылки своего реального положения. В то время, когда великие нации Европы естественным образом развивались в направлении единства, независимости и свободы, он искал всеобщего ослабления через мировую империю, которую его великий предок построил на руинах наших раз-

рушенных феодальных государств в буре всеразрушающей революции» [16, с. 78-79].

Значение сопротивления Германии универсальным империям во многом следует раскрывать через представление об угрозе независимости народов Европы. Немецкий народ имел важнейшую миссию – препятствовать распространению власти мировых держав. Свободолюбивые немцы, таким образом, защищали европейскую свободу от «романской» универсальной власти античности, средневековья и нового времени. Так, Германия сумела отстоять независимость европейских народов от торжества католической универсальной империи. В «Истории прусской политики» И.Г. Драйзен указывал, что определяющий момент борьбы с католической реставрацией настал во время Тридцатилетней войны: «Австрийская политика встала перед вопросом: с помощью Валленштейна объединить Германию или же уступить требованиям иезуитов. Благодаря императору церковь приобретала большое значение и в конечном итоге император отказался от решения германского вопроса. Римская империя германской нации должна была стать просто римской, а католическая реставрация должна была принести в жертву интересы германского народа. [...] Испано-австрийская держава перешла в наступление по всем направлениям это был вызов принципу баланса сил. Германия могла стать провинцией испано-австрийской державы, тогда и с остальными державами было бы кончено» [9, с. 14-15]. Схожим образом через Германию лежал путь к порабощению европейских наций в случае французских завоеваний.

Данное представление препрезентативно отразил описывающий завоевание Пруссии французами в 1807 г. Г. фон Трейчке: «Нигде произвол завоевателя не был более жестоким, чем в Пруссии. Вот почему великий смысл потрясшей мир борьбы нигде не ощущался глубже, сознательнее, страстнее, чем среди немецких патриотов. На фоне авантюрных планов наполеоновской мировой империи возникла идея свободы государств, та самая идея, за которую некогда боролся основатель прусского государства [Фридрих Вильгельм] против Людовика XIV. Космополитическим урокам вооруженной революции противостоял национальный дух, любовь к отечеству, национальности и местным особенностям. В борьбе против гнетущего государственного всемогущества бонапартизма возник новый, живой взгляд на государство, который видел моральную опору наций в свободном развитии» [17, с. 271-273].

Универсальная империя была ключевым понятием в построении национальной идентичности немцев на международной арене. Германия провозглашалась той самой силой, что на протяжении

своей истории сдерживала романскую тягу к завоеванию и подчинению европейских народов. Таким образом, стремящиеся к универсальной власти неминуемо преступали через Германию на пути к мировому господству. В некоторых ситуациях, как в случае с Наполеоном I, мировые империи достигали небывалых успехов, основывая свою власть на порабощении немцев. Однако немецкий народ раз за разом наносил ответный удар захватчикам, возвращая себе собственную свободу и свободу других европейских наций. Роль Германии среди европейских народов заключалась в установлении справедливого миропорядка, основанного на свободе и независимости. Поэтому сюжет о борьбе с универсальными империями имел следующие назидательное значение: сильная, едина и обособленная Германия будет залогом свободы и равноправия европейских наций.

Библиография

1. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940. 383 с.
2. Бузескул В. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX-го столетия: к происхождению современной германской идеологии. СПб., 1915. 72 с.
3. Монтецкие Ш.Л. Размышления об универсальной монархии в Европе. Избранные мысли / сост. Н.Ю. Плавлинская. М., 2021. 120 с.
4. Ранке Л. Об эпохах Новой истории. Лекции, читанные баварскому королю Максимилиану II (в 1854 г.); предисл. проф. П.Г. Виноградова. М., 1898. 192 с.
5. Arndt E. M. Versuch in vergleichender Voelkergeschichte. Leipzig, 1844. 436 s.
6. Bosbach F. Angst und Politik in der europäischen Geschichte. Dettelbach, 2000. 233 s.
7. Bosbach F. Monarchia universalis: ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit. Göttingen, 1988. 184 s.
8. Droysen G. Gustav Adolf. Leipzig, 1870. Bd. 2. 666 s.
9. Droysen J.G. Geschichte der Preußischen Politik: Dritter Theil. Leipzig, 1870. 368 s.
10. Ficker J. Deutsches Königthum und Kaiserthum: zur Entgegnung auf die Abhandlung Heinrichs von Sybel: Die Deutsche Nation und das Kaiserreich. Innsbruck, 1862. 125 s.
11. Frankreich und das Reich im 16. und 17. Jahrhundert / H. Lutz, F.H. Schubert, H. Weber. Göttingen, 1968. 64 s.
12. International Law and Empire: Historical Explorations / ed. M. Koskenniemi, W. Rech, M.J. Fonseca. Oxford, 2017. 395 p.
13. Löhr J. A. Kleine Weltgeschichte für den ersten Anfang. Leipzig, 1825. 176 s.
14. Ranke L. Die grossen Mächte: Politisches Gespräch. Göttingen, 1955. 91 s.
15. Schmidt G. Geschichte des alten Reiches: Staat und Nation in der Frühen Neuzeit; 1495–1806. München, 1999. 459 s.
16. Sybel H. Napoleon III. Bonn, 1873. 80 s.
17. Treitschke H. Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert. Bd. 1. Leipzig, 1879. 792 s.

Гафуров Сергей Олегович, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; maiasters@mail.ru

The conceptions of the German nation struggle against world empires in 19th century German publicism

The article is devoted to the theme of the confrontation between the German people and universal empires in German-language journalism of the second half of the 19th century. This discourse was characterized by constructing German national history through the prism of struggle against world empires, starting from antiquity and ending with the events of the Franco-Prussian War. Analyzing the texts of German historians, publicists, and politicians of that period revealed that the nature of this confrontation lay in the antagonism between the enslaving Roman and the freedom-loving German principles. A conclusion is also drawn about the importance of this theme in the formation of German national identity. The German people, according to the texts under consideration, played a key role as the defender of European freedom in the face of universal power.

Keywords: German Empire, Universal Empire, Otto von Bismarck, Leopold von Ranke, national history

Gafurov Sergej Olegovich, graduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; maiasters@mail.ru

УДК 316.323.82

Самигуллин Н.Э.

Этические вопросы освещения действий правительств Родезии и Великобритании в контексте расового неравенства второй половины XX – начала XXI века

Статья посвящена анализу этических вопросов в политике правительств Родезии (Зимбабве) и Великобритании в период второй половины XX – начала XXI века. Статья фокусируется на анализе наследия колониального периода, включая неоднозначные действия метрополии и бывшей колонии, а также актуальные обсуждения вопросов расового неравенства, увековечивания в памяти и вопроса ответственности в ретроспективе. Используя данные из различных научных публикаций и источников личного происхождения, были выделены основные этические проблемы: нахождение баланса между суверенитетом государства и правами человека, двойные стандарты в действиях метрополии (Великобритании), селективная политика памяти современного Зимбабве. В статье указывается, что действия обоих государств способствовали развитию проблем расового характера. Потому изучение данных событий в открытом и академическом пространстве до сих пор окрашены в контрасты колониального периода.

Ключевые слова: деколонизация, расовое неравенство, холодная война, историческая память, этика

В конце XIX века британская Южно-Африканская компания под управлением Сесила Родса начала процесс колонизации территории, которая впоследствии стала известна как Родезия (ныне Зимбабве). Восстания местных племен, а именно Мдебеле (матабеллы) и Шона (машона) были подавлены, что привело к практике

сегрегации. К 1930 году принятый Land Apportionment Act (закон о разделе земли) [2, с. 94] утвердил ограничения в распределении земельных наделов: 50 тысяч белых фермеров получили в свое распоряжение половину наиболее плодородных угодий, в то время как около 5 миллионов африканцев были ограничены в правах на землю. Законы Industrial Conciliation Act (Закон о промышленном примирении) [2, с. 94] 1934 года и система паспортов лишили африканцев возможности создавать профсоюзы, и, по сути, превратил их в дешевую рабочую силу.

После окончания Второй мировой войны, когда белые составляли всего 5 % населения, они обладали контролем над 80 % экономической базы государства, основываясь на добыче полезных ископаемых и аграрном секторе. Правительство Яна Смита (1964–1979) использовало антикоммунистическую риторику для легитимизации одностороннего провозглашения независимости в 1965 году (UDI), что лишь укрепляло положение белого населения. Западные государства, в числе которых была и Великобритания, с неохотой поддерживали международные санкции, наложенные ООН, видя в Родезии «столп против левых идей» [4, с. 11] в рамках холодной войны.

Экономическое благополучие было ключевым фактором, объясняющим лояльность части африканского населения к власти: рабочие на фермах европейцев получали более высокую заработную плату по сравнению с остальными. К середине 1970-х годов, однако, безработица среди чернокожих превысила 30 % [6, с. 17], а их средняя продолжительность жизни была лишь 45 лет, в то время как у белых она достигала 68 лет.

Что до Великобритания, то она как бывшая метрополия Родезии, проводила противоречивую политику. Хотя она официально заявляла о приверженности правам человека, на практике она сохраняла тесные экономические и стратегические связи с режимом Яна Дугласа Смита. После того, как Родезия провозгласила свою одностороннюю независимость в 1965 году, Лондон формально поддержал введенные ООН санкции, но их фактическое исполнение было весьма условным. Многие британские компании, такие как Shell и Anglo American Corporation, продолжали тайно снабжать Родезию топливом и финансировать добычу полезных ископаемых, в то время как банки, например, Barclays [4, с. 51], нарушали эмбарго, предоставляя кредиты режиму.

В 1979 году в Ланкастер-Хаузе [4, с. 201] были достигнуты соглашения, которые ознаменовали собой окончание конфликта. Согласно договоренностям, белому меньшинству было гарантировано 20 % мест в парламенте, а также была обеспечена защита их собственно-

сти. Однако многие расценили это решение как предательство интересов африканского большинства. Великобритания тем не менее обосновала свою позицию необходимостью сохранения стабильности и предотвращения потенциальных радикальных преобразований, которые могли бы иметь непредсказуемые последствия.

Лондон идеологически поддерживал Смита, воспринимая его как столпа защиты западных идеалов в холодной войне. Консервативные деятели, среди которых был и Алек Дуглас-Хьюм, характеризовали родезийский режим как «менее жесткий» [5, с. 49] по сравнению с другими африканскими государствами. Запад, включая Соединенные Штаты, видел в Родезии союзника в борьбе с марксистскими идеями, что ослабляло критику ее расовых ограничений.

Внутриполитический климат Великобритании был поделен пополам из-за ситуации с Родезией: представители Лейбористской партии настаивали на принятии решительных шагов, в то время как консерваторы призывали к переговорам с режимом Смита. К 70-м годам XX века усиление числа террористических актов (Взрыв бомбы в торговом представительстве Родезии в Лондоне) [4, с. 188], осуществляемых африканскими националистами, склонило общественное мнение к поиску компромисса.

С начала 80-х годов XX века Великобритания выступала в роли обеспечивающей мирную передачу власти в Зимбабве, однако ее участие в поддержании привилегий белого населения привело к усилению социальной напряженности. Земельная реформа, инициированная в 2000-х годах Робертом Мугабе и сопровождавшаяся актами насилия, в некоторой степени стала ответом на нерешенные вопросы, наследованные от соглашений, заключенных в Ланкастер-Хаузе.

Современные исследования акцентируют внимание на двойственности политического курса Великобритании: с одной стороны, она признает важность процесса деколонизации, с другой – не стремится отказаться от стратегических и экономических преимуществ. Это противоречие продолжает оставаться центральной темой для обсуждения в рамках постколониальных исследований, вызывая дискуссии о моральной ответственности метрополии за последствия ее экспансионистской политики.

Противоречивые действия правительств Родезии и Великобритании в контексте расового неравенства показывают сложное взаимодействие между идеей суверенитета, нормами международного права и этической составляющей вопроса. Правительство Родезии, объявившее о своей независимости в 1965 году, опиралось на принцип самоопределения, зафиксированный в Уставе ООН

[4, с. 39] (статья 1). Тем не менее международная ассамблея не приняла этих утверждений, исходя из резолюции 216 (1965), которая осуждает расовую сегрегацию как нарушение фундаментальных принципов права. Этот диспут подчеркнул разрыв между формальным признанием суверенитета и его фактическим содержанием, предполагающим равенство всех слоев населения в рамках самоопределения.

В период с 1966 по 1979 годы ООН ввела экономические санкции против Родезии в качестве уникального метода борьбы с расовой сегрегацией [6, с. 68]. Однако эти меры ослаблялись двойными стандартами ведущих стран Запада: США и Великобритания тайно поставляли нефтепродукты [5, с. 93] режиму Смита через ЮАР и Мозамбик. Великобритания, которая формально оставалась ответственной за Родезию как бывшая метрополия, отдала предпочтение прагматизму.

Современные академические исследования акцентируют внимание на том, что конфликт в Родезии стал уникальным случаем использования международного права для борьбы с расовой несправедливостью. Но в то же время неоднозначная реакция на подобные ситуации, такие как апартеид в ЮАР, заставляет задуматься о беспристрастности этих правовых механизмов. Позиция Великобритании, которая на словах поддерживает права человека, но на деле оказывает поддержку режиму Смита, показывает типичный этический конфликт: необходимо ли предпочесть «меньшее зло» (обеспечение стабильности через компромисс) или же «большее зло» (радикальные изменения).

Что до современности, то в Зимбабве вопросы исторической памяти продолжают оставаться важным аспектом политической повестки дня, формируя национальную идентичность и оказывая влияние на социальные противоречия. С момента обретения независимости в 1980 году власти Зимбабве создали официальную версию истории, в которой главная роль отводится героизму борцов в войне за освобождение (Чимуренге), что способствовало укреплению авторитета новой власти. Тем не менее неполнота и предвзятость в освещении истории – игнорирование этнических столкновений (как, например, репрессии в Матабеленланде в 1980-е годы) – способствуют сохранению напряженности в обществе.

Зимбабвийское правительство прибегает к использованию антиколониальных аргументов для обоснования своей авторитарной политики. Реформа «земельных отношений», проведенная в 2000-е годы под лозунгом исправления колониальных несправедливостей, стала причиной экономического спада и концентрации зем-

левладений в руках узкой группы лиц. В то же время режим Мугабе и его наследники уклоняются от признания своих преступлений, накрывая текущие социальные проблемы (бедность, коррупция) красной полосой героического прошлого.

Тема памяти переплетается с дискуссиями о деколонизации. Зимбабве выдвигает претензии к Великобритании по вопросу возмещения ущерба, нанесенного в колониальный период, включая геноцид начала XX века, в то время как европейские страны инициируют возвращение культурных ценностей. Тем не менее критические замечания со стороны Запада по поводу авторитарных тенденций внутри страны приводят к обвинениям в «неоколониалистической» позиции со стороны властей.

В то время как в Южно-Африканской Республике комиссия по установлению истины и примирению открыла путь к диалогу, в Зимбабве такие инициативы не нашли поддержки. Стремления по достижению национального согласия не увенчались успехом из-за отсутствия решимости со стороны политиков. Сейчас, можно уверено констатировать, что власти Зимбабве выбрали стратегию использования антиколониальной риторики для укрепления своего влияния, а не для поиска истины и правосудия.

Завершая, можно констатировать, что действия правительства Родезии и Великобритании отражают сложность этических решений, связанных с колониальным прошлым и эпохой холодной войны. Родезия, чья политика была направлена на поддержание порядка и защиту от внешних угроз, и Великобритания, пытавшаяся найти баланс между принципами права человека и прагматизмом, оставили за собой неоднозначный исторический след. Для этического анализа важно учитывать исторические обстоятельства, цели и долгосрочные итоги тех событий. Отражение на подобных примерах помогает осмысливать актуальные споры о расовой справедливости, политической власти и справедливости.

Библиография

1. Демкина Л.А. Крах Федерации Родезии и Ньясаленда. М., 1965. 178 с.
2. Карамаев С.Г. Белый и черный национализм в Родезии // Вопросы национализма. 2011. № 4 (8). С. 90–111.
3. Сайд Э. Ориентализм. М., 2006. 544 с.
4. Smith I. The Great Betrayal: The Memoirs of Ian Douglas Smith, 1997. 300 p.
5. Flower K. Serving Secretly. An Intelligence Chief on Record: Rhodesia into Zimbabwe, 1964–1981. London, 1987. 400 p.
6. Reynolds D J. Britannia Overruled. British Policy and World Power in the 20 Century. London, 1991. 114 p.

Самигуллин Низам Эдуардович, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; nizam.samigullin@mail.ru

Ethical issues in covering the actions of the governments of Rhodesia and the Great Britain in the context of racial inequality in the second half of the 20th – early 21st century

The article is devoted to the analysis of ethical issues in the policies of the governments of Rhodesia (Zimbabwe) and Great Britain in the second half of the twentieth – early twenty-first centuries. The article focuses on the analysis of the legacy of the colonial period, including the controversial actions of the metropolis and the former colony, as well as current discussions of racial inequality, memorialization and the issue of responsibility in retrospect. Using data from various scientific publications and personal sources, the main ethical problems were identified: finding a balance between state sovereignty and human rights, double standards in the actions of the metropolis (Great Britain), and the selective memory policy of modern Zimbabwe. The article points out that the actions of both states contributed to the development of racial problems. Therefore, the study of these events in the open and academic space is still colored by the contrasts of the colonial period.

Keywords: Decolonization, racial inequality, cold war, historical memory, ethics

Samigullin Nizam Ehduardovich, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; *nizam.samigullin@mail.ru*

УДК 94(47).073

Соколов Д.А.

Идея нации и практики имперского строительства в России первой половины XIX в. как историографическая проблема

В статье рассматривается история исследований культурных практик нациестроительства в Российской империи первой половины XIX века на примере оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя». Исходя из своей уникальной художественной природы, это произведение породило определенные проблемы в изучении. На материале ключевых исследований, связанных с оперой, выявляются методологические основания работы с музыкой как выражением категории национального. В заключение делается вывод о том, что, несмотря на многочисленные попытки подвергнуть «Жизнь за царя» научному анализу, сюжет об опере Глинки как феномене конструирования нации до сих пор остается неразработанным.

Ключевые слова: нациестроительство, Российская империя, опера «Жизнь за царя», интеллектуальная история, Кембриджская школа, историографический анализ

Изучение наций и национализма переживает сегодня новый взлет. Доказательством интереса к этой теме является многообразие форм и категорий национального, которое рассматривается современными исследователями. В рамках тематических журналов, таких как Nations and Nationalism [8], можно найти работы, посвященные этничности, национальной идентичности, народно-

сти, национальному характеру, националистическому космополитизму, этносимволизму, цифровому национализму и т.д. Не осталось без внимания и понятие «национального мифа».

География исследований национального мифа невероятно широка: от Англии и Германии до России и Кыргызстана. Исходя из изначальной специфики мифа, а также его современного способа бытования, основным источником изучения национальной мифологии выступает литература. Однако, принимая во внимание всю многогранность человеческой культуры, можно сделать вывод о недостаточности изучения лишь одной ее стороны. На эту проблему в работе, посвященной анализу графических образов народов России, указала Е.А. Вишленкова: «в отечественной историографии за Российской империей утвердился статус пространства письменной культуры, в котором визуальное устойчиво воспринимается как вторичное» [2, с. 15]. Между тем «в условиях, когда большая часть населения до начала второй четверти XX в. не владела навыками чтения светской литературы, именно визуальные объекты <...> выполняли функции символьских скреп национально-государственной идентичности» [2, с. 15]. Таким образом, взгляд историка может – и, более того, должен – быть направлен не только на привычное для него пространство текста, но и на не менее обширное пространство визуальных образов.

Помимо двух представленных измерений, существует как минимум еще одно – аудиальное. Как и другие виды искусства, музыка имеет свою собственную специфику. С одной стороны, она зачастую неразрывно связана с текстом и, будучи частью песенной культуры народа, может изучаться в рамках того же фольклора. С другой стороны, музыка способна существовать в своей «чистой» форме и принадлежать к имеющей довольно узкий охват элитарной культуре. Но в действительности она включает в себя все виды человеческого опыта и лежит на пересечении различных видов искусства: так, музыка неизменно содержит аудиальную составляющую, заключающуюся в звуковых образах; тесно сопряжена с поэзией и литературной культурой эпохи; и, будучи исполненной или представленной на сцене, не может существовать вне привязки к визуальному пространству.

В этом плане показателен пример оперы «Жизнь за царя» М.И. Глинки. Позиционировавшаяся как первая русская национальная опера, она создавалась специально для того, чтобы стать манифестом оформившегося русского национального сознания. Главным способом выражения национальной мифологии часто считают ее либретто, написанное бароном Е.Ф. Розеном. Центральным персонажем оперы выступил русский нацио-

нальный герой Иван Сусанин, напоминание о подвиге которого звучало особенно актуально после победы в Отечественной войне 1812 года, подавления польского восстания в 1830–1831 гг. и оформления теории официальной народности С.С. Уварова. Немаловажную роль сыграла постановка оперы на сцене в 1836 году, продемонстрировавшая героев в традиционных национальных костюмах, что было крайне необычно для России тех лет. Однако, вопреки общей практике, музыка «Жизни за царя» сочинялась до ее либретто, что позволяет говорить о том, что конструирование национального мифа производилось в ней преимущественно с помощью музыкальных образов. Это представляет особый интерес для исследования и одновременно ставит следующий вопрос: как именно изучать музыкальный материал в контексте категорий национального.

Несмотря на широкую известность сусанинского сюжета, существует не так много работ, посвященных изучению «Жизни за царя» в контексте затронутых в ней национальных мотивов. В искусствоведении предпринимались попытки исследования отдельных аспектов оперы, по большей части связанных с ее либретто. Между тем комплексного анализа данного произведения и истории его возникновения не проводилось.

Рассматривает оперу Глинки как национальный миф Н.В. Бекетова. Свою гипотезу исследовательница подкрепляет указанием на архитипичность сюжета «Жизни за царя», что проявляется в апелляции к понятию «Рода», противопоставлении «свой-чужой», наличии элементов цикличности и т.д. Миологическая составляющая оперы, по Бекетовой, представляет собой синтез светского и религиозного начал. В соответствие с этим автор выделяет в произведении несколько уровней: государственный миф, христианский миф, православный миф, эстетический миф и онтологический миф [1, с. 23–24]. Как видно, основной акцент делается именно на религиозной составляющей «Жизни за царя»: исследовательница понимает под мифом в первую очередь ритуал, а также неоднократно проводит параллель между ходом действия оперы и божественной литургией, подвигом Ивана Сусанина и самопожертвованием Иисуса Христа. Н.В. Бекетова практически не затрагивает музыкальную сторону произведения Глинки и рассматривает прежде всего его сюжетные тропы, что позволяет осуществить довольно интересный искусствоведческий анализ. В плане же исторического исследования автор лишь констатирует существование русского национального мифа, но не отвечает на вопрос, каким образом он сложился.

Впервые сотрудничество М.И. Глинки и Е.Ф. Розена было подробно описано в 2020 году в статье С.К. Лашенко. Через призму взаимодействия композитора и либреттиста автором реконструируется процесс создания оперы, начиная с зарождения идеи и заканчивая постановкой на сцене. Впрочем, фокус исследования сделан на фигуре Розена – в частности, переосмыслена его роль в рассматриваемом проекте. В то время как сегодня «Жизнь за царя» ассоциируется преимущественно с Глинкой, нормой XIX века, согласно С.К. Лашенко, считалось обозначение либреттиста как первого лица в создании оперы [5, с. 188]. Это наводит на мысль о том, что именно барон Розен мог являться проводником национально-государственной идеологии, отраженной в «Жизни за царя». Доказательством тому выступает его тесная связь с императором. По одной из версий, Николай I, заинтересовавшись проектом будущей оперы, выразил желание, чтобы Розен создал ее либретто в «народном духе» [5, с. 165]. Плохо говоря по-русски, но глубоко интересуясь русской культурой, барон смог выполнить это, насытив либретто архаическими выражениями и придав ему особый старорусский колорит. Помимо этого, С.К. Лашенко отмечает, что Розен не только сочинял слова, но и участвовал в продумывании сюжета: «музыка Глинки далеко не всегда опережала текст либреттиста, композитор принимал возможность активного участия “автора слов” в создании произведения. Причем не только на уровне “проходных эпизодов”, но и серьезных сцен». К тому же Розен уже имел опыт создания подобных произведений, в которых он развивал концепцию святой Руси [5, с. 175].

Также в статье делается важное замечание: в то время как барон Розен принимал деятельное участие в создании отдельных сцен оперы, ее основной план был все же разработан М.И. Глинкой. Причем композитор не просто писал музыку и формировал концепцию эпизодов, но и определял звучание самих стихов [5, с. 177]. Для него были особенно важны размер и ритм исполняемых партий. Барон Розен, вынужденный считаться с требованиями композитора, часто подбирал такие слова, которые бы соответствовали исключительно фонетическому и метроритмическому видению той или иной сцены. Таким образом, при работе над оперой ее создатели отдавали предпочтение не столько содергательной, сколько формальной составляющей, что подтверждает наличие в либретто большого числа не совсем подходящих по смыслу и стилистике слов. Это также означает то, что основным средством выражения национального начала в опере выступала музыка. Однако процесс работы М.И. Глинки над музыкальным материалом в статье не рассматривается.

Наметки на изучение музыки как репрезентирующего нацию элемента содержатся в статье Л.Н. Киселевой, посвященной сусанинскому сюжету. Ссылаясь на одного из первых рецензентов оперы, она заявляет, что «музыка Глинки принимает на себя основную нагрузку по воплощению национального начала», в то время как тексту оперы в этом отводится «явно вспомогательная роль» [4, с. 291]. В другом месте автор указывает на то, что в музыкальном плане в опере, помимо русского начала, довольно ярко представлено начало польское, что вводило первых зрителей в заблуждение, заставляя недоумевать, как реагировать на столь неоднозначный ход. В тексте Розена же подобного не наблюдается – поляки в нем противопоставляются русским и целенаправленно показываются в негативном свете [4, с. 293]. Кроме того, Л.Н. Киселева обращает внимание на то, что в одной из сцен опера содержит вариацию сочиненного В.А. Жуковским и А.Ф. Львовым гимна «Боже царя храни», «а после 1837 г. сам гимн, по распоряжению Николая I, должен был исполняться в заключение спектакля» [4, с. 298]. Таким образом, центральная идея оперы о необходимости единения народа с правителем нашла музыкальное выражение в виде исполнения возвышенного национально-патриотического произведения. Однако приведенные выше положения больше никак не разрабатываются, оставаясь в виде задела на дальнейшие исследования.

В другой статье Л.Н. Киселева снова подчеркивает главенство музыки: «В “Жизни за царя” музыка не просто доминировала <...>, именно она несла основную смысловую нагрузку» [3, с. 177]. Рассуждая о музыкальном и поэтическом содержании оперы, исследовательница не ставит под сомнение важность звукового ряда в выполнении главной задачи «Жизни за царя» – выражении национальной идеи. Но при этом она убеждена, что расшифровать эти смыслы могли только музыканты, в то время как «публике, чтобы оценить “русский характер” оригинальной музыки, <...> нужен был сюжет» [3, с. 178]. Для этого В.А. Жуковским и была выбрана история об Иване Сусанине: она наглядно и доступно показывала то, что в более скрытой форме содержалось в музыке. Продолжая развивать эту мысль, Л.Н. Киселева апеллирует к неофициальному закону оперного жанра, согласно которому стихи оперы не должны быть настолько хороши, чтобы затмевать собой музыку. Музыка обязана «говорить» больше, в то время как либретто следует выступать своего рода плацдармом для творческого самовыражения композитора. Именно так, согласно Киселевой, обстояло дело с «Жизнью за царя». Несмотря на свои заслуги, барон Розен выполнял лишь инструментальную роль, и только благодаря му-

зыкальному гению Глинки опера обрела столь колossalный успех: «то, что не смогло выразить искусство слова, выразила музыка» [3, с. 184]. Однако, считая музыкальную часть оперы доступной лишь специалистам, Л.Н. Киселева отдает изучение особенностей композиторских решений Глинки на откуп музыкovedам. Таким образом, национальная идея, содержащаяся в музыке «Жизни за царя», снова выносится за скобки.

По другому пути идет Е.В. Лобанкова. Описывая историю создания оперы в соответствующей главе биографии автора, она останавливается на всех основных аспектах творческого процесса и в то же время уделяет особое внимание музыке, показывая, почему именно М.И. Глинка заслужил звание «первого русского композитора».

Во-первых, на оперу, согласно Е.В. Лобанковой, оказал большое влияние фольклор. Причем Глинка «не просто цитировал народные мелодии <...>, но понял характер русских» [6, с. 239]. Более того, как уже говорилось ранее, в «Жизни за царя» композитор отразил не только русский, но и польский национальный характер и также сделал это через музыку – поляки в опере танцуют краковяк, полонез и мазурку, что было абсолютно новым и необычным приемом в изображении врага. Противопоставление русского и польского национальных характеров как столкновение «своего» и «чужого» являлось не менее важной составляющей замысла произведения.

Во-вторых, автор отмечает, что вся опера в целом напоминает церковное богослужение [6, с. 241], где музыка, и в частности пение, играет особую роль. Это неразрывно связано как минимум с первой частью уваровской триады – православием, а, если учесть, что царь, исходя из нее, считался помазанником божиим (самодержавие) и представлял собой единое целое со своими подданными (народность), то можно сказать, что данная особенность «Жизни за царя» отражает всю теорию официальной народности.

И, наконец, в-третьих, национальная сущность оперы заключена, с точки зрения Е.В. Лобанковой, в самом ее жанре. До постановки «Жизни за царя» считалось, что произведение, претендующее на статус народного, может быть только комическим, что прекрасно иллюстрирует юмористический «Иван Сусанин» Шаховского-Кавоса. Но Глинка и здесь разрушил устоявшиеся шаблоны, представив историю об Иване Сусанине в трагическом ключе. Таким образом, музыка, которая является основополагающей в жанре трагедии, стала таковой и в опере «Жизнь за царя», выступив для М.И. Глинки главным инструментом для передачи внутренних переживаний русского народа.

Однако в целом проблему поиска национального начала в опере «Жизнь за царя» нельзя назвать до конца проработанной: исходя из анализа существующей литературы, следует сделать вывод о том, что основное внимание исследователей было приковано к поэтической составляющей оперы, в то время как главным способом выражения национальной идеи в ней общепризнано является музыка.

В методологическом плане изучение оперы «Жизнь за царя» лежит на пересечении истории и искусствоведения, и избранный подход должен учитывать особенности каждой из этих наук. Исследуемая преимущественно искусствоведами, опера «Жизнь за царя» рассматривалась как отдельно взятое произведение. Однако историк не может удовлетвориться таким подходом. «Жизнь за царя» стоит рассматривать в ее развитии и становлении – как масштабный проект, который создавался с определенной целью и намерениями. При этом исторический контекст, окружавший оперу, уже достаточно хорошо изучен: так, не подлежит сомнению ее связь с государственной идеологией николаевской эпохи, процессом нациестроительства и политикой «официального национализма» С.С. Уварова и т.д. Однако микроконтекст, связанный с созданием самой оперы, еще требует тщательной проработки. В частности, как видно из анализа литературы, все еще остается не до конца понятным, как именно производилось конструирование нации посредством музыкальных образов.

С этой задачей может справиться интеллектуальная история – особенно в том виде, в каком она разрабатывалась Кембриджской школой [7]. Главной целью исследования представители этого научного направления считали не столько выявление мыслей автора, сколько реконструкцию коммуникативной ситуации, в которой создавалось то или иное произведение. Заключающаяся в полемике или обычном обсуждении, коммуникативная ситуация подразумевает как минимум несколько сторон, участвующих в творческом процессе, что в полной мере характеризует процесс создания «Жизни за царя».

Данная опера – не только плод творческого гения М.И. Глинки, но и результат коллективного творчества его друзей и единомышленников. Помимо либреттиста Е.Ф. Розена и идейного вдохновителя проекта В.А. Жуковского, свой вклад в создание оперы внесли М.Ю. Виельгорский, организовавший первые репетиции; К. Мейер и В.Ф. Одоецкий, дававшие ценные советы Глинке; А.С. Пушкин, участвовавший в дискуссиях по поводу основной концепции, и др. [6, с. 228]. Таким образом, каждая часть «Жизни за царя» рождалась в результате активного обсуждения, и, чтобы

рассмотреть оперу как национальный миф, необходимо изучить то, что об этом говорили сами участники проекта.

Помимо этого, крайне важно рассмотреть критику оперы, которая также способна дать ключ к пониманию ее идеологической составляющей. Премьера «Жизни за царя» широко освещалась в прессе. Так, свою рецензию на оперу написал основатель русского музыкоznания В.Ф. Одоевский, высказывался о постановке Н.В. Гоголь [6, с. 238]. В какой-то степени «Жизнь за царя» стала национальной оперой не в процессе своего создания и не по факту премьеры, а после нее, подаваясь в таком свете представителями интеллектуального сообщества. Можно сказать, что вокруг оперы возник свой особый дискурс, который включал высказывания ее авторов, реакцию общественности и идеологические установки власти. «Археология» этого дискурса также способна пролить свет на многие аспекты «Жизни за царя», в особенности те, которые связаны с национальным началом.

Рассмотрение оперы, следовательно, может осуществляться в двух плоскостях: 1) коммуникативной ситуации, сложившейся между создателями произведения и 2) системы высказываний современников, затрагивающих интересующие аспекты «Жизни за царя». Для обеих плоскостей будет актуально применение методов Кембриджской школы и дискурс-анализа.

«Жизнь за царя», безусловно, заслуживает междисциплинарного исследования. Данная опера должна быть показана и как продукт своего времени, в котором нашли отражение наиболее важные и актуальные идеи эпохи, и как отдельно взятое произведение искусства, обладающее собственным языком.

Библиография

1. Бекетова Н.В. Праздник русской музыки: «Жизнь за царя» М.И. Глинки как национальный миф // Южно-Российский музыкальный альманах. 2005. № 1. С. 20-31.
2. Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. 368 с.
3. Киселева Л.Н. Жизнь за царя (Слово — музыка — идеология в русском театре 1830-х годов) // Россия / Russia. Вып. 3 [11]: Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века / Сост. Н.Н. Мазур. М., 1999. С. 173-185.
4. Киселева Л. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник, 2. М., 1997. С. 279-302.
5. Лашенко С.К. М.И. Глинка и Е.Ф. Розен // Искусство музыки: теория и история. 2020. № 22–23. С. 156-213.
6. Лобанкова Е.В. Глинка: Жизнь в эпохе. Эпоха в жизни. М., 2019. 591 с.
7. Скиннер К. Свобода до либерализма. 2-е изд., испр. СПб., 2020. 128 с.
8. Nations and Nationalism. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/14698129>

Соколов Даниил Андреевич, магистрант, Российской государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; sokolofw7@gmail.com

The idea of a nation and the practice of imperial construction in Russia in the first half of the 19th century. As a historiographical problem

The article examines the history of research on cultural practices of nation-building in the Russian Empire in the first half of the 19th century using the example of Glinka's opera "A Life for the Tsar". Based on its unique artistic nature, this work has generated certain problems in the study. Based on the material of key research related to opera, the methodological foundations of working with music as an expression of the national category are revealed. In conclusion, it is concluded that, despite numerous attempts to subject "Life for the Tsar" to scientific analysis, the plot of Glinka's opera as a phenomenon of nation-building still remains undeveloped.

Keywords: nation building, Russian Empire, opera "A Life for the Tsar", intellectual history, Cambridge School, historical and graphic analysis

Sokolov Daniil Andreevich, Master's Student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; sokolofw7@gmail.com

УДК 94(47).072

Недашковская Н.И.

Создатели имперского дискурса Александровской эпохи: к истории идеи памятника Минину и Пожарскому

В статье рассматривается интеллектуальный контекст создания первого в Российской империи памятника на исторический сюжет – памятника Минину и Пожарскому. Проблематизирован антропологический аспект имперских культурных проектов, уточнен круг участников дискурса, значительно расширены хронологические рамки функционирования в дискурсе самого проекта меморизации национальной истории, проясняются интеллектуальные взаимосвязи его творцов и их европейских учителей эпохи Просвещения.

Ключевые слова: историография, интеллектуальная история, имперский дискурс, Российская академия художеств, Вольное общество любителей словесности, наук и художеств

История создания памятника Минину и Пожарскому подробно освещена в историографии Александровской эпохи и истории искусства этого времени. Сложились два базовых нарратива в ее трактовке: 1) история создания памятника как краудфандинговый проект, связанный с подъемом национальной идеи и единением сословий в связи с войной с Наполеоном [12; 16] и 2) нарратив о первом национальном русском скульпторе И.П. Мартосе, зало-

жившем основы русской школы монументальной скульптуры, и шире – мемориализации русской национальной истории [15; 23; 4].

Оба эти нарратива порождены спецификой эпохи нового этапа имперского строительства в России начала XIX столетия. Они формируют достаточно жесткую историографическую схему перехода от концепции петровской империи западного образца к более сложной и актуальной для XIX столетия модели империи династии Романовых, объединившей все сословия на основе идеи народного духа. В связи со сменой концепции власти фиксируется историографами и необходимость в новой метафорике империи, реализовавшаяся, в том числе, в ряде известных проектов имперского культурного строительства [3].

История памятника Минину и Пожарскому, таким образом, должна рассматриваться в контексте процессов создания нового символического капитала для империи. В историографии в качестве даты начала разработки данного нарратива фигурируют 1807–1908 гг., когда был объявлен конкурс на памятник Минину и Пожарскому [21, с. 518]. Его итогом и стал монумент И. Мартоса, на тот момент профессора, а позднее – ректора Императорской Академии художеств. Хотя сам сюжет русской истории привлекал писателей ранее (примерно с 1780-х гг. [12, с. 161]), а в 1802 г. о нем упомянул Н.М. Карамзин [14, с. 289], именно к 1807–1808 гг. складывается исторический канон восприятия данного сюжета, к созданию которого, судя по всему, причастно окружение И. Мартоса.

Известно, что первые эскизы памятника обсуждались обществом уже во второй половине 1807 г. в «Журнале изящных искусств» и вышедшем отдельно «Похвальном слове князю Пожарскому и Кузьме Минину» В.М. Севергина [12, с. 161]. Написаны на этот сюжет и опубликованы в 1806–1808 гг. поэтические произведения Г.Р. Державина, С.Н. Глинки, С.А. Ширинского-Шихматова, М.В. Крюковского, А.С. Стурдзы, С.С. Боброва. В начале 1807 г. Академия художеств предложила воспитанникам для годовой работы по классу исторического рисунка «Достохвальный подвиг Пожарского...» [21, с. 518–519]. Предполагалось, что эти поля – литературно-общественной и профессиональной дискуссии – и стали практической лабораторией проекта. Однако заметим, что все упомянутые авторы так или иначе близки к кругу шишкиновистов, при этом идею воспитания патриотизма при помощи монументальной скульптуры и архитектуры продвигал Н.М. Карамзин [14], а решающее слово при выборе проекта оказалось за Жозефом де Местром [12, с. 161], что позволяет допустить существование и иных интеллектуальных контекстов проекта И. Мартоса, сложившихся значительно раньше.

И.П. Мартос (1754–1835) – малороссийский казак греческого происхождения, малолетним был привезен в Академию художеств в связи с проявлявшимися с детства талантами. В Академии он провел всю свою жизнь, пройдя путь от пансионера (на казенном обеспечении) до академика и ректора. После шестилетней итальянской стажировки стал классицистом итальянской школы, мечтающим создать русское монументальное искусство. Академия художеств, в которой вырос Мартос – особый мир, обитатели которого были объединены не только общим образованием и ремеслом, но и проходили в нем этапы взросления, социализации и даже создания семей (многие окажутся женаты на сестрах однокашников, в основном – дочерях художников) [11]. Социальный состав обучавшихся в Академии художеств примечателен для реконструкции интеллектуальной предыстории творения Мартоса. Это т.н. полудворянская интеллигенция – внебрачные дети дворянских фамилий или бедные дворяне, дети семей духовного звания, художников и т.д., получившие образование, владевшие иностранными языками и получившие возможность в Академии приобрести «полезную» для империи профессию. В 1801 г. студенты Академической гимназии и Академии художеств создали «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» (далее ВОЛСНХ) с целью «взаимно себя усовершенствовать в сих трех отраслях способностей человеческих» и «споспешествовать по силам своим к усовершенствованию сих трех отраслей» [6, ч. I, с. 1].

Как видно из протоколов, публикаций стихов и других документов ВОЛСНХ, молодые люди, окружавшие И. Мартоса, вели системную работу с целью самообразования [1]. На заседаниях регулярно представляли оригинальные поэтические опыты и философские прозаические трактаты, планомерно переводили труды европейских историков искусства и трактаты просветителей, включая Филанжиери, Мабли, Рейналя, Гельвеция, Вольнея, Руссо и многих других. Роль работы с наследием Руссо, которому ВОЛСНХ уделяет значительное внимание, особенно важна в контексте актуализации идеи нации для построения новой империи. Именно Руссо указал на неограниченность петровской модернизации для хода исторического формирования самосознания русского народа как нации, в связи с чем можно предположить значительную степень влияния его идей на формирование языка и концепции империи у ее молодых и пока еще бывших реформаторов [12, с. 161].

Работа Общества была четко структурирована. Избранными цензорами осуществлялось подробное аналитическое рецензирование всех материалов, представленных вниманию Общества, ве-

лись подробные протоколы. Систематичность и продуктивность этой деятельности не оставляет сомнений, что члены Общества ставили перед собой не только частные задачи саморазвития. Артикулировалась стоящая перед их поколением глобальная цель сокровения языков имперского строительства посредством интеграции всех созданных цивилизованными народами инструментов на почве национальной русской культуры и истории.

Остановимся на некоторых ключевых для судьбы проекта памятника Минину и Пожарскому фигурах членов ВОЛСНХ. Примечательна личность В.В. Попугаева (1778 или 1779–1816), одного из основателей ВОЛСНХ. Сын художника на шпалерной фабрике, с 1785 г. он обучался в гимназии при Петербургской академии наук, в 1795 г. произведен в студенты, в январе 1797 г. уволен для определения на службу. Впоследствии Попугаев занимал должность чтеца в петербургской цензуре, преподавал русский язык и литературу в немецкой гимназии Святого Петра; в 1802–1811 гг. служил в Комиссии составления законов, с 1812 г. – по ведомству путей сообщения. По воспоминаниям окружения, глубоко образованный, талантливый молодой литератор поражал разноплановостью интересов и проектов, среди которых важнейшим направлением было освоение политических и историософских идей Руссо. Уже в 1802 г. (год выхода первой книги *Вестника Европы*) Попугаев подносит императору сочинения «О влиянии просвещения на правление» и «О твёрдости конституции и законов» [19], в которых утверждает преимущества конституционного устройства перед монархией на исторических примерах известных деспотий, общественного воспитания – перед семейным, утверждает необходимость свободы печати, представляет идеальным сообщество свободных, но добродетельных граждан, готовых добровольно жертвовать личными интересами ради общего блага. Сочинения были восприняты благосклонно и стали основанием для назначения автора на службу в Комиссию составления законов. Именно В.В. Попугаев является автором идеи памятника на сюжет единения словий в борьбе за политическую независимость страны вокруг молодой династии, который символически представлен фигурами двух сословий, возглавивших Второе народное ополчение в Нижнем Новгороде в 1611 г. – князя Пожарского и нижегородского купца Кузьмы Минина. Этот сюжет он выдвигает в качестве ключевого в 1803 г., а ВОЛСНХ предлагает его обществу и Государю для первого исторического русского монумента [1]. И уже в 1804 г. И. Мартос создает первый проект памятника [20]. Идея о воспитании общества историей и необходимости реконструкции этой собственной истории разрабатывалась В. Попугаевым в ходе изучения

наследия европейских мыслителей на протяжении длительного времени, о чем свидетельствует ряд представленных им в ВОЛСНХ трактатов [18а]. Как видим, В.В. Попугаев – один из левых идеологов ВОЛСНХ, автор значимых идеологем. Его интеллектуальная биография заслуживает отдельного исследования, что позволит не только уточнить генезис идей Общества, но и более детально реконструировать структуру и дискурсивные практики интеллектуальных групп изучаемой эпохи, их связь с «большой» интеллектуальной историей. Важна она и для прояснения источников концепции памятника И. Мартоса, который стоял у истоков деятельности ВОЛСНХ не только как административный патрон, наставник молодых реформаторов, но и как участник их штудий [1].

Значима для прояснения интеллектуального контекста создания памятника деятельность еще одного лидера ВОЛСНХ, впоследствии – академика А.Х. Востокова (1781–1864) [10, 17], основоположника сравнительно-исторического метода славянского языкоznания и славянской текстологии, палеографии, текстологии, автора грамматик русского языка, исследователя русского и европейского стихосложения, а на тот момент – Александра Остенека, внебрачного сына барона Х. Остен-Сакена. Проживший первые шесть лет жизни в Ревеле, до приезда в Петербург в 1788 г. для учебы сначала в Сухопутном шляхетском корпусе, затем в Академии художеств не говоривший по-русски, в течение жизни дважды женатый на немках и умерший лютеранином, Востоков не только стал одним из создателей новой филологической культуры для империи, но и стоял у истоков многих художественных проектов, создавших новый символический капитал империи. Известно, что в ВОЛСНХ сразу после его основания, Востоков привел из Академии художеств свой кружок «остенистов», в названии которого, как и в его фамилии, обыгрывается топоним, отсылающий к новым наименованиям России с аллюзией на библейскую символику. Остенисты – Е.М. Корнеев, И.И. Теребенев, И.А. Иванов, С.И. Гальберг, Ф.Ф. Репин впоследствии прославились национальными художественными проектами [13, 3], в которых нередко обнаруживается рука Востокова (стихи и подписи к карикатурам, разработка сюжетов и пр.).

В интересующий нас период Востоков выступает в Обществе организатором аналитической деятельности его участников, будучи на всем протяжении работы первого состава секретарем и одним из самых деятельных и последовательных цензоров Общества. В его рецензиях представлена работа со стилем, ритмической организацией поэтических произведений членов Общества, прописана мотивация этой работы. Важнейшую роль в оформлении

главной идеи для Востокова, ученика классициста Мартоса, играло античное наследие. Так, анализируя перевод оды Горация «К Мельпомене» (1802), сделанный А.Г. Волковым с сохранением размера подлинника, цензор замечает: «желательно, чтобы российская поэзия обогатилась приятными размерами греков и римлян; язык наш духом своим ближе всех языков европейских к вергилиеву и горациеву языку» [18]. Позднее в примечаниях к своему сборнику «Опыты лирические» (СПб., 1805) Востоков уточнит: «Все сии пробы дактилических и иных разностопных стихов не для того выставлены, чтобы требовать точного им подражания и хотеть на русском языке именно сафических, алцейских, асклепиадейских, ферекратийских стихов. Нет, пусть бы это только побудило молодых наших поэтов заняться обработанием собственной нашей просодии, не ограничиваясь в одних ямбах и хореях, но испытывая все пути, пользуясь всеми пособиями, которые предлагает нам славенорусский язык, благомерный и звучный» [7, ч. 1, с. 1]. Главный мотив освоения античного наследия как на уровне формы, так и на уровне содержания заключался в стремлении к культурному прогрессу и равенству с другими просвещенными народами Европы: «не прежде земля осенится вечным миром, не прежде добродетель и правосудие с вольностью и равенством утвердят на ней постоянное свое жилище, пока не получат все народы до единого равную степень просвещения». В последующие годы (1805–1810-е) искания молодых литераторов обретают искомый стержень. В их арсенале возникает русский народный размер, стиль, система образов. Фольклор осмысляется в соответствии с просветительскими представлениями о том, что из рук природы человек выходит одаренным всеми качествами, потребными для добра и счастья. На место условного «естественного» человека становится схема национального идеала. Такая попытка представить наделенный конкретными этнографическими и историческими чертами образ народа как идеальный, быт, русский по национальному характеру и крестьянский по социальному признаку, – по аналогии с бытом античным, который воспринимался как воплощение «природного» развития свободной человеческой личности, развивает просветительские идеи становления нации, наполняет их новым конкретным содержанием, позволяет конструировать народный характер.

Таким образом, в ходе проектирования национальной филологической культуры интеллектуалы ВОЛСНХ провели исследование славянского фольклорного стиха, сопоставление европейских систем стихосложения, разработали критерии и приемы стилистического редактирования художественного текста, дали «образцы» интегрирования европейской стихотворческой техники и русской

языковой стихии. Рефлексия нациестроительских задач теории стиха отражена в протоколах заседаний Общества и реконструируется также при анализе круга чтения и полемики ВОЛСНХ с предшественниками и современниками по проблемам развития стихосложения. Работа с просодией привела ВОЛСНХ к необходимости создания собственной версии того, что предназначалось означивать русскому стиху – русского характера как идеологемы национального имперского строительства. Результаты этой масштабной коллективной работы были реализованы в крупных национальных культурных проектах, первым из которых можно считать знаменитый памятник Минину и Пожарскому И.П. Мартоса.

Антропологический ракурс рассмотрения интеллектуальной предыстории проекта создания первого русского исторического монумента обнаруживает более широкий круг акторов нового имперского дискурса в целом и данного проекта, в частности. При описании российского имперского дискурса в целом, в историографии до сих остались практически незамеченными персоны и группы "второго плана", в среде которых во многом шла интеграция, разработка, апробация идей и практик имперского строительства. Так, очевидно, что ВОЛСНХ присутствует в российском имперском дискурсе первой половины XIX в., поскольку не только ставит перед собой соответствующие задачи, но и, очевидно, основывается на вполне осознанной концепции имперской идентичности, основанной на восприятии русской нации, как политического единства множества народностей, с этноконфессиональной опорой на русскую национальность, черты которой они и пытаются "выделить" и актуализировать в культуре и искусстве как средствах воспитания общества.

Библиография

1. Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств в НБ СПбГУ. URL: <https://ecat.library.spbu.ru/rus/Volsnx/index.html>
2. Бобров С.С. Патриоты и герои везде, всегда и во всяком // Лицей. 1806. Ч. II. № 3. С. 36-39.
3. Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
4. Володина С.А. Создать художников. М., 2023. 288 с.
5. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (1801–1826): список членов (по времени вступления). URL: <https://ecat.library.spbu.ru/rus/Volsnx/spisok.html>
6. Востоков А.Х. Краткая история Общества любителей наук, словесности и художеств // Периодическое издание ВОЛСНХ. СПб., 1804. Ч. 1. С. 1-19. URL: https://ecat.library.spbu.ru/rus/Volsnx/Pi1804/PI_ist2.html
7. Востоков А.Х. Опыты лирические. СПб., 1805-1806.
8. Востоков А.Х. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817. 167 с.

9. Востоков А.Х. Речь о просвещении человеческого рода // Петухов Е.В. Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А.Х. Востокова. СПб., 1890. С. 18-19.
10. Выдающийся филолог-славист России академик Александр Христофорович Востоков (1781–1864): Библиографический указатель. СПб., 2001. 48 с.
11. Заметки А.Х. Востокова о его жизни / Сообщ. В.И. Срезневский. СПб., 1901. 114 с.
12. Зорин А.Л. Народная война. События Смутного времени в русской литературе 1806–1807 годов // Зорин А.Л. Корымя двуглавого орла. Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 157–187.
13. Каганович А.И. Иван Иванович Теребенев. 1780–1815. М., 1956. 146 с.
14. Карамзин Н.М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Вестник Европы. СПб., 1802. Ч 6, № 24. С. 289–308.
15. Кириченко Е.И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века. М., 1997. 580 с.
16. Морохин А.В., Кузнецов А.А. Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии: к 400-летию кончины Кузьмы Минина. М., 2017. 159 с.
17. Недашковская Н.И. «Писать по-русски»: проект национальной филологической культуры. Вольное Общество любителей словесности, наук и художеств, 1801–1813 // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 94–105.
18. Петухов Е.В. Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А.Х. Востокова. СПб., 1890. 63 с.
- 18а. Попугаев В.В. О политическом воспитании // Периодическое издание ВОЛСНХ. Ч. I / Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств в НБ СПбГУ. URL: <https://ecat.library.spbu.ru/rus/Volsnx/index.html>
19. Русские Просветители (от Радищева до декабристов). Собр. пр. в 2 тт. Т. 1. М., 1960. 431 с.
20. РГИА. Ф. 1488. Оп. 2. Ед. хр. 980.
21. Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской академии художеств за сто лет ее существования / Изд. под ред. П.Н. Петрова и с его примеч. Ч. 1. 1758–1811. СПб., 1864. 613 с.
22. Срезневский В.И. Заметки А.Х. Востокова о его жизни // Сб. ст., чит. в ОРЯС. 1901. Т. LXX, № 6. С. 1–114.
23. Турчин В.С. Александр I и неоклассицизм в России: стиль империи и империя как стиль. М., 2001. 512 с.

Недашковская Надежда Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; n.nedashkovskaya@yandex.ru

The creators of the imperial discourse of the Alexander era: towards the history of the idea of a monument to Minin and Pozharsky

The article examines the intellectual context of the creation of the first historical monument in the Russian Empire, the monument to Minin and Pozharsky. The anthropological aspect of imperial cultural projects is problematized, the circle of participants in the discourse is clarified, the chronological framework of the functioning of the project of memorizing national history in the discourse is significantly expanded, and the intellectu-

al interrelationships of its creators and their European Enlightenment teachers are clarified.

Keywords: historiography, intellectual history, imperial discourse, Academy of Arts, Free Society of Lovers of Literature, Sciences and Arts

Nedashkovskaya Nadezhda Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; n.nedashkovskaya@yandex.ru

УДК 930

Гавриленков А.Ю.

Формирование авторского подхода Л.П. Лаптевой в период 1950–1980-х гг. на примере работ по истории российского славяноведения

В статье рассматривается проблема влияния культурного и академического опыта исследователя на формирование его авторского подхода в условиях советской эпистемы гуманитарного знания. В качестве аналитического примера в исследовании используется сюжет, связанный с историей отечественного славяноведения второй половины XX века – академический путь видного советского и российского историка-слависта Л.П. Лаптевой. На материале её работ, посвященных истории развития российского славяноведения в XIX веке, анализируются особенности становления исследовательского подхода автора, рассматривается её взаимодействие с отечественным дореволюционным и зарубежным научным наследием. В статье сделаны выводы о влиянии позитивистского наследия на исследовательскую стратегию Л.П. Лаптевой, что свидетельствует о возможности существования мультипарадигмальной ситуации в подходах представителей советского академического славяноведения.

Ключевые слова: интеллектуальная история, славяноведение, академический дискурс, исследовательская оптика, биографический подход

Как известно, гуманитарное знание в пространстве советской академической науки существовало и развивалось в рамках марксистской парадигмы, включающей в себя ряд общих методологических принципов и установок. Тем не менее, в условиях данной эпистемологической ситуации советская наука представила миру множество ярких исследователей, научные подходы которых, будучи построеными на марксистской методологии, обладали уникальными авторскими особенностями, позволившими им стать новаторами в мире академии.

Проблема исследования генезиса индивидуальных особенностей в подходах советских исследователей, их индивидуальной оптики является чрезвычайно актуальной в контексте бурного развития биографического подхода в интеллектуальной истории.

Как отмечает Л.П. Репина, современная историческая наука, адаптируясь к запросам общества, находится в постоянном процессе смены ракурсов и масштаба, многие современные исследования обращаются к проблеме складывания научных сообществ и формирования исторического опыта отдельных творческих личностей [3, с. 7]. В рамках нашей статьи мы постараемся рассмотреть данную проблематику на примере творчества советского и российского слависта, историка-богемиста – Людмилы Павловны Лаптевой (1926–2016).

Л.П. Лаптеву по праву можно назвать одним из самых ярких представителей отечественного славяноведения. Она активно занималась вопросом развития славяноведения как научного направления в XIX веке, её творчество можно условно разделить на два знаменательных периода, связанных с советским и российским контекстом соответственно. Наследие этого ученого представляется нам интересным для изучения не только в контексте вклада в развитие славяноведения, как научной дисциплины, но и в ряде других важных аспектов. В рамках нашей статьи мы постараемся осветить проблемы взаимоотношения автора с методологией марксизма и позитивизма, определить, в чем состоят особенности ее обращения к эпохе становления российского славяноведения XIX века. Важно отметить, что в поздних работах Л.П. Лаптевой её исследовательский подход продолжал активно развиваться, исходя из этого мы рассмотрим определенный период с 1950-х по 1980-е годы.

В первую очередь важно отметить, что, обращаясь к сюжету об истории становления отечественных школ славистики, исследователь рассматривала не только развитие разнообразных исследовательских направлений, но и биографии авторов, особенности их методологии. Многие коллеги высоко отзывались о её творчестве и наследии, посвятили ряд статей и других серьёзных работ рассмотрению её научных изысканий. Историк-славист И.Г. Воробьева пишет, что своему умению последовательной и внимательной работы с источником Л.П. Лаптева научилась во многом благодаря работе с документами русских славистов XIX века, особенно тщательно Л.П. Лаптева работала с эпистолярными источниками [1, с. 28]. По свидетельству ее ученицы и соавтора М.Ю. Досталь, Л.П. Лаптева, погружаясь в изучение славистской проблематики в среде русского научного сообщества, постепенно приходила к работе с позитивистской методологией, «признавая ее наиболее оптимальной по результатам исследования» [2, с. 32]. Тем не менее важно отметить, что в рамках советского периода творчества ученого основной методологией закономерно оставался марксизм,

как значимая часть парадигмы гуманитарного знания в общеевропейском контексте.

Пристальное внимание особенностям авторского подхода и идейных аспектов работ Л.П. Лаптевой также уделяет известный историк-медиевист М.Ю. Парамонова. По ее мнению, важнейшим достижением известного слависта являлось наблюдение, раскрывающее связь славянских исследований и процесса формирования мировоззрения российской интеллектуальной элиты на протяжении всего XIX века [9, с. 45]. В качестве наиболее выраженной особенности подхода Л.П. Лаптевой, позволяющей ей глубоко погружаться в исследуемую эпоху и реконструировать личности исследователей тех лет, как если бы они были её современниками, Парамонова выделяет «антропологическую» оптику исследователя, её скрупулезное внимание к деталям биографии рассматриваемых ей персонажей [9, с. 60].

Среди опубликованных трудов рассматриваемого периода особенно выделяется работа «Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX века – 1917 г.)» [6], а также её более поздний труд «Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века» [7], написанный в 1989 [5, с. 103]. Важными для рассмотрения также представляются автобиографические заметки самой Л.П. Лаптевой, посвященные наиболее знаменательным и драматичным страницам её научной биографии [4, с. 4-21].

В исследовании, посвященном российской историографии гуситского движения, автор обращает пристальное внимание на социально-политических контекст 1840-х годов в обществе Российской империи. Так, интеллектуальная элита того времени раскололась на лагерь западников и славянофилов. Исследователи, разделяющие славянофильские взгляды, стали первыми, кто массово обратился к гуситскому сюжету, движение, вдохновленное идеями Гуса, было для них свидетельством яркого проявления народного духа и необходимости самостоятельного, особого пути развития славян [6, с. 13].

В рамках исследования подвергнут критике подход славянофилов, акцентирована несостоятельность некоторых тезисов, приводимых авторами данного направления. Высвеченна проблема приписывания фигуре Яна Гуса германофобских настроений со стороны славянофилов, что, по её мнению, уже тогда ограничивало признание международного значения фигуры чешского проповедника и его идей [6, с. 320].

Важно обратить внимание на то, что подход Л.П. Лаптевой, во многом связанный с наследием зарубежной славистики, сближал её с представителями отечественной науки XIX века. В статьях

заметна глубокая симпатия к исследовательскому вкладу авторов, наладивших контакты с чешским научным сообществом. Так, в статье «Переписка между русским ученым В.И. Ламанским и чешским ученым А. Патерой как источник по истории русско-чешских связей во второй половине XIX века», вышедшей в 1984 году, отмечается плодотворное влияние данной переписки на развитие науки [10, с. 318]. Вопрос о сотрудничестве и взаимопрессечении судеб европейских и российских исследователей во многом являлся для автора личным, в 1962 году Л.П. Лаптева приехала в Прагу для работы с материалами российского историка В.А. Францева, эмигрировавшего в Чехословакию в 1921 году. В ходе своей поездки Л.П. Лаптева была поражена открытостью и доступностью материалов чешских архивов по сравнению с условиями работы в СССР, она с теплотой вспоминала об этом опыте даже несколько десятилетий спустя [4, с. 10].

Так, можно отметить, что исследовательский подход Л.П. Лаптевой во многом был сформирован в ходе непосредственной работы с источниками. Схожий пример индивидуального пути становления исследователя приводит российский медиевист П.Ю. Уваров, обращаясь к исследованию советского историка В.И. Райцеса об Аженском восстании [12, с. 42]. Как отмечает автор, работа В.И. Райцеса является необычным для своего времени примером, представляющим из себя историко-психологическое исследование причин восстания [12, с. 43]. В.И. Райцесу посчастливилось составить свой труд, основываясь на уникальных зарубежных источниках из Аженского архива. И хотя его работа столкнулась с цензурой и была опубликована лишь спустя несколько десятилетий после её написания, труд историка является собой пример проявления уникального исследовательского подхода, выделяющегося на фоне общепринятого представления о единобразии марксистской методологии в советской исторической науке [12, с. 43]. Исследовательский опыт Л.П. Лаптевой также во многом является исключением из общего ряда.

Рассматривая путь развития российских гуситских исследований на протяжении второй половины XIX века, Л.П. Лаптева обращает внимание на изменения среди интеллектуальных сообществ, изучающих гуситскую проблематику. Период 50–60-х годов ознаменовался реформами и масштабными изменениями в социально-политической жизни страны, что привело к появлению первых либерально-буржуазных авторов, критиковавшей особенности славянофильской методологии [6, с. 14].

Упоминает историк и о появлении первых исследователей, чья методология вплотную приблизилась к марксизму, среди них

она выделяет имя русского библиографа А.В. Мезьер [6, с. 324]. Таким образом, Л.П. Лаптева как бы венчает историю дореволюционной гуситологии предвестниками марксистского подхода, однако прямо не заявляет о неоспоримости данной методологии, лишь частично соглашаясь с его положениями на страницах своей книги.

В дальнейшем многие научные выводы, сформулированные в данной работе, были дополнены и конкретизированы в коллективной монографии «Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян» [11]. Л.П. Лаптева являлась автором около трети данной книги, в ней она изложила и проанализировала историю развития славистики, затронув, в том числе, научные школы Московского и Казанского университетов [11, с. 326-329]. Однако, ее концепция была подвергнута критике со стороны редколлегии монографии, в частности, это касалось её тезиса о последовательном прогрессивном развитии отечественной славистики вплоть до революции 1917 года, расходящейся с позицией В.И. Ленина о «всеобщем политическом и социальном кризисе, приведшем к революции» [4, с. 18].

Переходя к рассмотрению следующей работы под названием «Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века», мы можем увидеть, что биографический подход к рассмотрению судеб науки, выбранный исследователем, получил в данной книге дальнейшее развитие. Л.П. Лаптева обратилась к фигуре О.М. Бодянского, доктора словесности, исследователя древнерусских памятников и славянского фольклора, одного из основоположников научного славяноведения. По ее мнению, взгляды ученого были весьма близки к идеологии славянофильства, он с презрением относился ко всему немецкому и считал немцев губителями славян [7, с. 79].

Однако, исследователь выделяет примечательную особенность подхода О.М. Бодянского, являвшегося сыном православного священника и осознавшего себя малороссом по происхождению, в связи с чем он «считал «колыбелью православия» не «Великороссию», а «Белую, Червонную и Малую Русь»» [7, с. 79]. Эта и некоторые другие детали биографии не позволили Л.П. Лаптевой отождествить взгляды Бодянского с концепцией А.С. Хомякова и других представителей славянофильской идеи. При этом, несмотря на критическую оценку некоторых аспектов взглядов О.М. Бодянского, его ближайших учеников, Л.П. Лаптева отмечает, что именно он и его последователи проделали титаническое усилие, сумев поставить преподавание славистических дисциплин на научную основу [7, с. 82].

Консервативные взгляды представленных в исследовании персонажей, как отмечает Л.П. Лаптева, были связаны с их социальным происхождением – многие исследователи, стоявшие у истоков славяноведения в Московском университете, происходили из среды низшего духовенства, из семей разночинцев. Исходя из своих наблюдений, она делает вывод: «люди малосостоятельные, добившиеся места в жизни упорным трудом, дорожили достигнутыми материальными и общественными благами», потому они в основной массе не разделяли прогрессивных или революционных идей [7, с. 236]. Подобное детерминирование развития идей славяноведения социальной принадлежностью рассматриваемых персоналий, во многом проявляет марксистский характер методологии Л.П. Лаптевой.

С гораздо большей симпатией она обращается к сюжетам, связанным с исследователями-позитивистами второй половины XIX века, среди которых выделяет профессора А.Л. Дювернуа, известного лингвиста и исследователя славянских древностей. В её труде подчеркивается обращение А.Л. Дювернуа к проблеме анти-немецкого характера гуситского движения. В своих исследованиях он опровергал тезис об исконном характере вражды немцев и славян. Как отмечает Л.П. Лаптева, историк при этом опирался лишь на источники, не связывая себя ни с какой предвзятой концепцией [7, с. 123], подобное понимание исследовательского подхода историков позитивистов было близко и самой исследовательнице.

Можно предположить, что в ходе написания своих работ сама Л.П. Лаптева частично отождествляла себя с представителями позитивистского «прорыва» в отечественной историографии, видела в нём преодоление славянофильского этапа и полноценное оформление научной школы [7, с. 128]. Однако, нельзя сказать, что в своём анализе наследия А.Л. Дювернуа, она бесспорно соглашается со всеми его наблюдениями. Так, например, в своей статье «Московский профессор А.Л. Дювернуа и его связи с Чехией» [8] обращено внимание на его исследования, посвященные гуситскому движению. В них автор негативно оценивает не только влияние гуситских войн на ход чешской истории, но и обвиняет императора Карла IV в искусственных усилиях по развитию чешских земель, предшествующих вспышке социальных противоречий. Историограф спорит с ним, отмечая, что «через субъективные устремления Карла IV пробивали себе путь объективные закономерности эпохи» [8, с. 179], что свидетельствует о марксистском характере её методологии и аналитического аппарата.

В завершение наших размышлений необходимо отметить, что эпоха развития славяноведения в середине XIX века была

близка Л.П. Лаптевой и по той причине, что, обращаясь к ней, она могла реактуализировать идеологический и политический контекст современной ей эпохи. В собственных воспоминаниях она приводит в пример эпизод, когда редакция журнала «Вопросы истории» едва не забраковала её перевод рукописи немецкого путешественника XVII века Г.А. Шлейссинга. Его записи о быте, нравах и повседневной культуре в России, предоставленные нашему исследователю для изучения видным чешским историком Й. Петранем, были сочтены «порочащими русский народ» [4, с. 10]. Обращаясь к этому эпизоду, автор вспоминает о судьбе уже упомянутого выше О.М. Бодянского, чья карьера серьёзно пострадала после публикации им перевода сочинений английского дипломата Д. Флэтчера «О государстве русском», отмечая, что ей все же удалось избежать его судьбы [4, с. 11].

Таким образом, на примере историографических работ Л.П. Лаптевой мы видим заметное проявление несоответствия исследовательского подхода историка в сравнении с условиями научной эпистемы, диктующей определённые идеологические установки и научные клише. Во многом данное несоответствие обусловлено тесной связью исследовательского пути Л.П. Лаптевой с наследием представителей российской дореволюционной славистики, а также опытом работы с зарубежной наукой, позволившим ей выйти за рамки советского академического дискурса.

Очевидно, в рамках авторского подхода происходит синтез методологии марксизма и антропоцентрической оптики. Это наблюдение позволяет нам сделать вывод о возможности существования сложной мультипарадигмальной ситуации в подходах советских ученых, в частности представителей академического славяноведения.

Библиография

1. Воробьёва И.Г. Творчество Л.П. Лаптевой в восприятии её учеников // Полвека в славяноведении. М., 2012. С. 22-29.
2. Досталь М.Ю. Л.П. Лаптева и её вклад в развитие отечественного славяноведения // Полвека в славяноведении. М., 2012. С. 30-43.
3. «Из первых уст...»: Историки о себе и исторической науке в этом быстро меняющемся мире / Составление и общая редакция Л.П. Репиной. М., 2020. 208 с.
4. Лаптева Л.П. «Как мы писали историю» // Полвека в славяноведении. М., 2012. С. 4-21.
5. Лаптева Л.П. Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. Справочник. М., 1997. 132 с.
6. Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения (40-е гг. XIX в. – 1917 г.). М., 1978. 341 с.
7. Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. 296 с.

8. Московский профессор А.Л. Дювернуа и его связи с Чехией // Лаптева Л.П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – начале XX в. (по данным переписки). М., 2016. С. 155-195.

9. Парамонова М.Ю. Историографическое исследование как опыт культурной и исторической памяти (Замечания на полях исследований Л.П. Лаптевой по истории русской славистики XIX в.) // Полвека в славяноведении. М., 2012. С. 44-60.

10. Переписка между русским ученым В.И. Ламанским и чешским ученым Адольфом Патерой как источник по истории русско-чешских связей во второй половине XIX века // Лаптева Л.П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – начале XX в. (по данным переписки). М., 2016. С. 279-318.

11. Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988. 400 с.

12. Уваров П.Ю. Франция XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. 511 с.

Гавриленков Алексей Юрьевич, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

The development of L.P. Lapteva's authorial approach in the 1950s–1980s, based on her works on the history of Russian Slavic studies.

This article examines the influence of a researcher's cultural and academic experience on the development of their approach within the context of the Soviet huma nities episteme. As an analytical example, the study uses a story related to the history of Russian Slavic studies in the second half of the 20th century – the academic career of the prominent Soviet and Russian Slavic historian L.P. Lapteva. Using her works on the development of Russian Slavic studies in the 19th century, the author analyzes the development of her research approach and examines her interactions with the domestic pre-revolutionary and foreign scientific heritage. The article concludes on the influence of L.P. Lapteva's positivist legacy on her research strategy, which demonstrates the possibility of a multiparadigmatic situation in the approaches of representatives of Soviet academic Slavic studies.

Keywords: intellectual history, Slavic studies, academic discourse, research perspective, biographical approach

Gavrilenkov Aleksey Yuryevich, Master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Раздел 2

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В СВЕТЕ ИМПЕРИОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

УДК 94(47)

Шакирова А.И.

Вклад почетных смотрителей в развитие народного образования в имперской России в первой половине XIX в. (на примере уездных училищ Казанской губернии)

Статья посвящена малоизученному аспекту истории становления отечественного школьного образования. Целью данной статьи стало рассмотрение деятельности почетных смотрителей и их вклад в развитие уездных училищ Казанской губернии в первой половине XIX в. Источниками исследования послужила неопубликованная делопроизводственная документация Государственного архива Республики Татарстан, а также законодательные и другие опубликованные источники. В статье раскрыты способы морального и статусного поощрения почетных смотрителей, проявивших себя в деле народного образования. Полученные результаты показывают, что несмотря на добровольный характер деятельности почетных смотрителей и отсутствие заработной платы, почетные смотрители могли освобождать свою должность не по собственной воле. Автор приходит к выводу, что без лишних финансовых вложений власть имела эффективный инструмент привлечения меценатов в виде присвоения соответствующих чинов. Поощрение благотворителей побуждало состоятельную часть горожан активно заниматься благотворительностью в пользу уездных училищ.

Ключевые слова: почетные смотрители, уездные училища, Казанская губерния, народное образование, благотворительность

Уездные училища Александровской эпохи являлись частью образовательного пространства столиц, периферии и окраин Российской империи и играли немаловажную роль в социальной и общественной жизни провинциальных городов. Формирование системы уездных училищ проходило на базе уже существовавших в то время Главных и Малых народных училищ. Процесс создания уездных училищ по стране начался в 1804 г. с издания Устава учебных заведений, подведомственных университетам. Однако процесс создания уездных училищ в Казанской губернии растя-.

нулся вплоть до 1835 г. Долгосрочность данного явления была характерна для всей страны, фактически охватывая всю первую половину XIX в.

Отсутствие уездных училищ в исследуемом регионе и, в целом по стране, в начале XIX в. было обусловлено тем, что в данный период основное внимание уделялось открытию университетов и гимназий. Причиной тому послужило фактическое несоответствие между требованиями Устава 1804 г. и возможностями их реализации на деле. Так, в 1806 г. попечитель Казанского учебного округа С.Я. Румовский выступил с речью, где высказал мнение о том, что создание сети уездных училищ в округе ввиду отсутствия необходимого количества финансирования в ближайшем будущем не представляется возможным [6, с. 497].

Таким образом, государственного финансирования на нужды уездных училищ было крайне недостаточным. Отсутствие постоянных средств препятствовало как своевременному открытию уездных училищ в исследуемом регионе, так и их нормальному функционированию. Понимая, что материальная поддержка школ в значительной мере зависит от благотворительной деятельности местного населения, губернское и училищное начальство пыталось пробудить инициативу меценатов для оказания помощи школам.

Пополнить материальную базу училищ власти надеялись за счет благотворительной помощи городских сообществ и частной благотворительности состоятельных граждан. В целях привлечения дополнительного финансирования со стороны меценатов в 1811 г. Министерство народного просвещения издает постановление «О почетных смотрителях». Согласно постановлению, почетных смотрителей разрешалось назначать из числа местных помещиков. Необходимо отметить, что до постановления Александра I институт почетных смотрителей не существовал, он был введен впервые.

Звание почетных смотрителей предоставляло меценатам некоторые льготы. Хотя труд почетных смотрителей не оплачивался, однако при этом он приравнивался к государственной службе и давал возможность получить различные чины и награды [7, с. 132]. Получение награды для меценатов было очень престижно в глазах общественности. Оно имело практически такое же значение для определения места, которое благотворитель занимал в общественной иерархии, как и получение чина по «Табелю о рангах». Более того, известно, что сами государи не скучались на знаки отличия для благотворителей при поощрении особо крупных пожертвований.

Кандидатуру на должность почетного смотрителя утверждал сам министр народного просвещения. Новый школьный Устав 1828 г. подтвердил компетенцию почетных смотрителей. Следует отметить, что должность почетного смотрителя не включалась в систему административного управления училищами. Следовательно, они не являлись штатными сотрудниками уездных школ. Смотрители добровольно принимали на себя обязанность по оказанию финансовой помощи школам. Об утверждении в должности почетных смотрителей и их благодеяниях сообщалось в печати. При этом размеры пожертвований не имели значения. Важен был сам жест, который выглядел как образец патриотического и добродетельного поведения.

Появление в училищах почетных смотрителей облегчало решение ряда проблем, в том числе финансового плана. Они помогали обратить на училища общественное внимание, жертвовали свои средства и привлекали пожертвования других лиц. Все вышеперечисленные действия позволяли снабдить учебные заведения необходимыми пособиями и обеспечить условия для работы штатных смотрителей и учителей.

В первой половине XIX в. в Казанской губернии почетными смотрителями уездных училищ, как правило, являлись дворяне, бывшие военные, отставные чиновники и купцы. Судя по сохранившимся архивным отчетам о состоянии народных училищ Казанской губернии, должность почетных попечителей они занимали недолго. Внесенные же ими суммы составляли, как правило, от 10 до 150 руб. в год в среднем. Понятно, что подобные небольшие вложения не сильно влияли на материальное благосостояние училищ. Однако, нередкими были и более значительные пожертвования. Так, почетный смотритель Мамадышского уездного училища Николай Афанасьев в 1820 г. обязался выплачивать не менее 300 руб. в год [2, л. 62].

Дольше всех остальных на должности почетных смотрителей оставались: в Лайшевском училище – С.И. Ремезов (1836–1852), Свияжском – П.И. Еремеев (1822–1841), в Мамадышском – Л. Депрейс (1827–1845), в Чебоксарском – А.Н. Лебедев (1826–1839). Примечательно, что пожертвования вышеуказанных лиц являлись одними из самых значимых вкладов в благосостояние уездных училищ. Об этом не раз рапортовали директора народных училищ в письмах попечителю Казанского учебного округа в первой половине XIX в. Так, С.И. Ремезов в 1838 г. взял на себя расходы по найму и строительству помещения для нового училища, по покупке учебных книг и выплате жалованья учителям. П.И. Еремеев ежегодно в течение 10 лет (1824–1834) вносил по 200 руб.

А.Н. Лебедев в 1826 г. сделал единовременный взнос в пользу Чебоксарского училища в 1000 руб. и обязался выплачивать по 200 руб. каждый год. Все вышесказанное дает возможность судить об их довольно успешной деятельности на поприще улучшения финансового благосостояния начальных школ [4, л. 8].

Почетные смотрители не только вносили финансовые средства, но и сами могли активно привлекать других меценатов к благотворительности в пользу уездных училищ. Примером вышесказанного, является деятельность знаменитого историка, цивильского мецената Н.С. Арцыбашева, который в 1818–1826 гг. был почетным смотрителем Чебоксарского и Цивильского уездных училищ. Важным направлением его деятельности стал поиск подходящего здания для обучения. Изучая возможность открытия Цивильского уездного училища, Арцыбашев узнает в 1816 г. о продаже в г. Цивильске двухэтажного здания помещицы А.П. Костлищевой, которое могло подойти под нужды уездного училища. Переговорами по покупке дома занялся сам Арцыбашев [5, с. 243].

В ходе переговоров Арцыбашеву удалось убедить владельца дома пожертвовать дом и все хозяйствственные постройки в пользу уездного училища. Кроме того, благодаря активной деятельности Арцыбашева, к осени 1816 г. на нужды училища в Цивильске было собрано около 1000 руб.

Несмотря на добровольный характер деятельности почетных смотрителей и отсутствие заработной платы, почетные смотрители могли освобождать свою должность не по собственной воле. Так, «по распоряжению начальства за неисправности и недостатки способностей по службе» в 1839 г. от своей должности был отстранен вышеупомянутый почетный смотритель Чебоксарского уездного училища А.Н. Лебедев [8, с. 15-16]. Характер замечаний к Лебедеву в отчете народных училищ по Казанской губернии за 1839 г. не был отражен. С большей долей вероятности можно утверждать, что не все почетные смотрители достаточно ответственно относились к своим обязанностям.

Подобного рода участь постигла и почетного смотрителя Ядринского уездного трехклассного училища А.В. Головницкого, который, к слову, также выполнял свои обязанности на протяжении десяти лет. «За отлучку без дозволения начальства» и отказ внести взнос в пользу училища «по причитающему им на себя обязательству 343 руб. 28 4/7 коп. серебром» 14 марта 1842 г. он был смешен с должности [1, с. 10]. Следовательно, значимые вклады в пользу училища не являлись гарантией постоянности нахождения на должности почетных смотрителей. Они могли потерять свое место в любой момент, в случае нахождения оснований для их отставки.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет заключить, что почетные смотрители несли по отношению к курируемому учебному заведению определенные обязательства, изменить которые по своему усмотрению они не могли. Невыполнение тех или иных должностных обязанностей приводило к их увольнению. Это равным образом влияло на репутацию смотрителя в глазах общественности и губернской власти. Тем не менее институт почетных смотрителей в целом оправдывал себя. Без лишних финансовых вложений власть имела эффективный инструмент привлечения меценатов в виде присвоения соответствующих чинов, что, в свою очередь, побуждало состоятельную часть горожан активно патронировать уездные школы.

Библиография

1. Арсентьев А.В. Учительство городских училищ Чувашского края: личности, судьбы, повседневная жизнь // Вестник ЧГУ. Чебоксары, 2006. № 5. С. 3-15.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 937.
3. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 160. Оп. 1. Д. 40.
4. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 160. Оп. 1. Д. 186.
5. Иванова Т.Н. Роль Казанского университета в формировании образовательного пространства Чувашии: три портрета // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. Казань, 2015. № 3. С. 240-253.
6. Кусбер Ян. Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века: дискурс, законодательство, реальность. М., 2018. 613 с.
7. О почетных смотрителях // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. СПб., 1811. № 31.
8. Отчет Императорского Казанского университета и Учебного округа за 17 лет, с 1827 по 1-е января 1844 года, по управлению тайного советника Мусина-Пушкина. Казань, 1844. 70 с.

Шакирова Айсылу Ильгизовна, ассистент, Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия; *nasibullina-aysylu@mail.ru*

Contribution of honorary supervisor to the development of public education in imperial Russia in the first half of the 19th century (on the example of district schools of Kazan province)

The article is devoted to a little-studied aspect of the history of the formation of national school education. The purpose of this article was to consider the activities of honorary custodians and their contribution to the development of district schools of Kazan province in the first half of the 19th century. The sources of the study were unpublished office documentation of the State Archives of the Republic of Tatarstan, as well as legislative and other published sources. The article reveals the methods of moral and status incentives for honorary custodians who have proven themselves in public education. The obtained results show that despite the voluntary nature of the activities of honorary war-

dens and the absence of wages, honorary wardens could vacate their positions not of their own free will. The author comes to the conclusion that without unnecessary financial investments, the authorities had an effective tool for attracting patrons in the form of assigning the corresponding ranks. The above, in turn, encouraged the wealthy part of the townspeople to actively engage in charity work for the benefit of district schools.

Keywords: honorary wardens, district schools, Kazan province, public education, charity

Shakirova Ajsylu Il'gizovna, assistant, Kazan State Medical University, Kazan, Russia; nasibullina-aysylu@mail.ru

УДК 94(47).081.4

Хасанов Т.Н.

Формирование системы охраны здоровья и оказания медицинской помощи в русской армии в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Статья посвящена анализу становления системы медицинского обеспечения в русской армии в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автор исследует ключевые аспекты организации военно-медицинской службы, структуру институтов охраны здоровья, работу врачей и подготовку кадров. Выявлены основные проблемы, с которыми столкнулась военная медицина. Среди них выделяются: нехватка врачей и младшего персонала, недостаточная обеспеченность транспортом для эвакуации раненых, а также дублирование функций между ведомствами. Подчеркивается роль таких новаций, как введение санитаров-носильщиков и развитие сети полевых лазаретов. Автор приходит к выводу, что, несмотря на организационные трудности, опыт войны 1877–1878 гг. стал важным этапом в развитии системы охраны здоровья русской армии.

Ключевые слова: военная медицина, русско-турецкая война 1877–1878 гг., дивизионные лазареты, военные госпитали

Накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. военно-медицинская служба Российской империи находилась в стадии становления. Она не имела ни полноценной инфраструктуры, ни отработанных механизмов работы в условиях масштабных боевых действий. Несмотря на уроки Крымской войны, система медицинского обеспечения оставалась фрагментарной. В ней отсутствовали единые стандарты организации госпиталей. Подготовка кадров носила эпизодический и несистемный характер. Перед началом кампании военному руководству предстояло решить целый комплекс задач: создать разветвленную сеть лечебных учреждений, наладить эвакуацию раненых, обеспечить фронт квалифицированными врачами и младшим персоналом. Особую сложность представляла необходимость оперативного развертывания медицинской инфраструктуры в прифронтовой зоне. Успешное реше-

ние этих задач было критически важно не только для сохранения жизни солдат, но и для поддержания боеспособности армии.

Важной частью медицинской инфраструктуры армии в период войны стали госпитальные учреждения. Они представляли собой сложную систему медицинского обеспечения, ставшую значимым этапом в развитии военной медицины России. Основу этой структуры составляли полевые подвижные госпитали, развертываемые вблизи линии фронта и занимавшиеся оказанием первой помощи. В них проводились срочные перевязки и простые хирургические вмешательства. На следующем этапе работали сводные военно-временные госпитали, располагавшиеся чаще в прифронтовой зоне (преимущественно на территории Румынии и Болгарии). В данных учреждения уже могли проводить более сложные операции. Вместе с тем, их возможности все еще ограничивались условиями военного времени.

В начале войны Главному штабу не удалось в полной мере организовать систему лечебных заведений. По планам военного командования требовалось развернуть 84 военных госпиталя [4, с. 424]. Между тем, к концу 1877 г. на фронте их функционировало лишь 46 [3, с. 57]. Впрочем, недостаток госпиталей удалось смягчить привлечением большего количества врачей и университетской профессуры. Кадровый медицинский состав пополнили и выпускники Женских врачебных курсов и школ фельдшеров, организованных в 1874 г. С.П. Боткиным. Кроме того, успешные действия войск снизили поток раненых, что несколько разгрузило медицинскую службу.

Отдельной сложностью для военного руководства оставалось размещение госпиталей. Так, в тыловых районах медицинские учреждения вынуждены были самостоятельно находить подходящие здания. На передовой они обеспечивались только палатками от интендантства. Таким образом, организация госпитального лагеря полностью ложилась на плечи медицинского персонала, что дополнитель но затрудняло их работу в полевых условиях.

Существенным препятствием для развертывания военно-госпитальной сети стало отсутствие подобной практики в Российской империи в предвоенный период. Перед медицинской службой императорской армии стояла сложнейшая задача организации лечебных учреждений в прифронтовой зоне. Усугублялось это полным отсутствием разработанных теоретических основ организации лечебных учреждений в условиях войны и необходимой материальной базы. В этих условиях военно-медицинское обеспечение могло опираться исключительно на профессиональную подго-

товку врачебного персонала и эмпирический опыт, накопленный в ходе предыдущих военных кампаний.

Параллельно с военными госпиталями в структуре российской армии функционировали дивизионные лазареты. Несмотря на сходство выполняемых медицинских функций, эти учреждения принципиально различались по своему организационному статусу и режиму работы. Военные госпитали формировались исключительно на период военных действий. Дивизионный лазарет являлся постоянным медицинским учреждением. Он входил в штат дивизии и функционировал в военное и в мирное время. Важное структурное отличие заключалось в их дислокации [3, с. 59]. Госпитали могли размещаться в тыловых районах. Дивизионные лазареты же осуществляли медицинское обеспечение непосредственно в зоне боевых действий, синхронно следя за перемещениями вверенной им дивизии.

Вышеуказанные особенности обеспечивали дивизионным лазаретам два ключевых преимущества перед временными госпиталями. Во-первых, наличие постоянного штата медицинских специалистов, состоявших на строгом учете. Во-вторых, система снабжения предметами первой необходимости интегрировалась в интендантскую службу дивизии. Она гарантировала бесперебойное материальное обеспечение. Организационная структура лазаретов отличалась четкой иерархией: во главе учреждения стоял главный врач, осуществлявший общее руководство и подчинявший себе как медицинский персонал, так и хозяйственную часть. В его компетенцию входили вопросы кадрового комплектования и материально-технического снабжения [3, с. 59].

Госпитали же комплектовались персоналом бессистемно, причем большинство сотрудников не имели полноценного медицинского образования, ограничившись лишь краткосрочными курсами. Н.И. Пирогов обращал внимание на серьезную проблему отсутствия коллективной организация врачей в деятельности госпитальной службы. Врачи прибывали из разных регионов и не были знакомы друг с другом [3, с. 64]. Они испытывали значительные трудности в слаженной работе, поскольку не были адаптированы к условиям госпиталя и особенностям коллектива. Дополнительным дезорганизующим фактором являлась практика частых и необоснованных перемещений госпиталей. Хаотичные передислокации нарушали лечебный процесс и подвергали ослабленных больных тяготам перевозки в обозах. Подобная практика неизбежно вела к росту летальности среди раненых.

Значительным нововведением в системе военно-медицинского обеспечения в период войны стало создание института санитаров-

носильщиков. Основные лечебные учреждения (госпитали и лазареты) преимущественно располагались стационарно на значительном удалении от линии фронта. В этих условиях эвакуация раненых осуществлялась двумя способами: посредством гужевого транспорта (обозов) и силами санитаров-носильщиков. Введение последних позволило значительно ускорить доставку пострадавших, что положительно сказалось на снижении боевых потерь.

К этому периоду военная медицина пришла к пониманию необходимости дифференцированного подхода к эвакуации: обозы стали использоваться преимущественно для раненых легкой степени. Тяжелораненых и нетранспортабельных старались доставлять силами санитарных команд. Подобное нововведение стало важным этапом в развитии системы этапного лечения.

Однако внедрение санитаров-носильщиков сразу же столкнулось с серьезными системными проблемами. По установленным нормативам, каждое медицинское учреждение (госпиталь или лазарет) должно было располагать штатом из 100 носильщиков. Они организовывались в 25 носилочных команд по 4 человека на одни носилки. Теоретически такая структура позволяла эвакуировать 250–300 раненых за 10-часовой рабочий день [3, с. 132]. Данное новшество представляло собой значительный прогресс по сравнению с прежними методами транспортировки.

На практике подобная система оказалась несовершенной. Российские носилки представляли собой гибрид кровати и переносного устройства. В этот период в Европе уже использовали носилки системы Нейсса. Они обладали колесной базой и рессорной системой. Ситуацию усугубляла хроническая неукомплектованность штата носильщиков. На обоих фронтах их общее количество не превышало 7800 человек. Большинство из них, будучи рядовыми солдатами, не имели специальной подготовки. Особую остроту проблеме придавали масштабы санитарных потерь. В среднем за сражение российская армия теряла ранеными около 1000 человек [1, с. 183–188]. Полная их эвакуация занимала 4–5 суток, что неизбежно приводило к гибели части тяжелораненых, не дождавшихся своевременной помощи. Подобные системные недочеты нового элемента медицинской службы наглядно демонстрировали технические и организационные изъяны.

Среди современников событий сложилось двоякое восприятие работы санитаров-носильщиков. Практикующие военные врачи в своих мемуарах и отчетах указывали на существенные недостатки в организации их службы [3, с. 132]. Особо они отмечали проблему неудовлетворительного оснащения носилками. Однако дореволюционные военные историки и теоретики медицины в своих трудах

подчеркивали прогрессивный характер этого нововведения. Они обращали внимание на два ключевых преимущества. Во-первых, носильщики могли оперативно эвакуировать раненых с труднодоступных участков поля боя, недосягаемых для гужевого транспорта. Во-вторых, многие из них являлись выпускниками фельдшерских школ [2, с. 246]. Следовательно, они обладали необходимыми навыками для оказания первой помощи, включая технику наложения перевязок для остановки кровотечений.

Другой важной проблемой российской армии в ходе русско-турецкой войны стала острая нехватка медицинских кадров. На 335-тысячную действующую армию приходилось всего 782 профессиональных военных врача (без учета фельдшеров и сестер милосердия) [5, с. 310]. Подобное соотношение являлось катастрофическим (один врач приходился на 428 человек). Для сравнения, в тот же период германская армия демонстрировала более высокие показатели обеспеченности персоналом (один врач обслуживал 207 военнослужащих).

Особенностью российской медицинской службы стало вынужденное оказание помощи не только собственным солдатам, но и турецким военнопленным. Причиной подобной ситуации стала значительная нехватка врачей в османской армии. Кроме того, за помощью обращалось и местное население Балкан, лишенное доступа к гражданским медицинским учреждениям. Такая дополнительная нагрузка крайне перегружала и без того ограниченные ресурсы полевых госпиталей и лазаретов.

Ситуация усугублялась отсутствием четкого разграничения обязанностей между медицинскими учреждениями. Кроме того, недостаток транспортной инфраструктуры не позволял эвакуировать раненых. Все это нагружало персонал дополнительным количеством пациентов, требующих ухода и лечения. Столь критический дефицит кадров стал одной из главных причин увеличения санитарных потерь русской армии в ходе кампании. Впоследствии это заставило военное руководство пересмотреть подходы к организации военно-медицинской службы и привлечению персонала.

Врачи составляли основу всей системы медицинского обеспечения русской армии в ходе военной кампании 1877–1878 гг. Они занимали центральное место в структуре оказания квалифицированной помощи раненым. Однако их профессиональная подготовка к специфическим условиям полевой медицины оказалась явно недостаточной. Подавляющее большинство военных медиков проходили фактическую подготовку непосредственно в ходе боевых действий, обучаясь на практике в условиях фронтовой реальности. Примечательно, что фундаментальные научные труды по органи-

зации полевой медицинской службы и военно-полевой хирургии начали появляться лишь после окончания войны. Следовательно, итогом кампании стало становление этих дисциплин как самостоятельных направлений военной медицины.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала важным этапом в формировании системы охраны здоровья и оказания медицинской помощи в русской армии. Несмотря на значительные трудности военно-медицинская служба Российской империи смогла достичь определенных успехов, которые стали возможными благодаря сочетанию эмпирического опыта и внедрению инновационных для того времени подходов. Это касается, прежде всего, создания института санитаров-носильщиков и развитие системы этапного лечения.

Однако анализ организации медицинского обеспечения выявил и системные проблемы. Отсутствие единых стандартов, хаотичное комплектование госпиталей, хронический дефицит квалифицированных врачей снижали эффективность работы медицинской службы. При этом ключевую роль в преодолении этих трудностей сыграла самоотверженность медицинского персонала. Врачи, фельдшера и сестры милосердия в условиях институциональной неразбираихи сумели обеспечить оказание своевременной помощи раненым.

Важным итогом войны стало осознание необходимости преобразований в военной медицине. Опыт кампании заложил основы для последующего развития системы этапной эвакуации раненых солдат, совершенствования подготовки кадров и создания более четкой организационной структуры медицинской службы. Русско-турецкая война продемонстрировала также важность не только технологических и организационных решений, но и профессионализма медицинских работников, проявленного в организации медицинского обеспечения и формировании госпитального дела.

Таким образом, русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала переломным моментом в истории военной медицины России. Она обозначила как ее достижения, так и направления для дальнейшего совершенствования. Полученные уроки стали фундаментом для последующих преобразований, способствовавших формированию более эффективной системы охраны здоровья военнослужащих.

Библиография

1. Выписки из дневника 12-го пехотного Великолуцкого полка // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 90. Ч. 2. Дневники и журналы военных действий частей 2-й, 3-й и 24-й пех. дивизий не вошедшие в ч. I, сведения об убитых и раненых и маршруты тех же частей. СПб., 1911. 204 с.

2. Материал для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре, Т. 1. СПб., 1904. 632 с.
3. Пирогов Н.И. Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг. Ч. 1. СПб., 1879. 404 с.
4. Старк Ф.Д. Сборник постановлений для чинов военно-медицинского ведомства. СПб., 1873. 724 с.
5. Строевые рапорты о состоянии войск Действующей армии // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 87. Ежемесячные сведения о численном состоянии восковых частей армии со списками начальствующих лиц. СПб., 1911. 314 с.

Хасанов Тимур Nail'evich, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; *t.moor.bauer@mail.ru*

Formation of a health protection and medical care system in the Russian army during the Russian-Turkish war of 1877–1878

The article is devoted to the analysis of the formation of the medical support system in the Russian army during the Russo-Turkish war of 1877–1878. The author explores the key aspects of the organization of the military medical service, the structure of health institutions, the work of doctors and staff training. The main problems faced by military medicine have been identified. Among them, there is a chronic shortage of doctors and junior staff, insufficient transport for the evacuation of the wounded, as well as duplication of functions between departments. The role of such innovations as the introduction of stretcher bearers and the development of a network of field hospitals is emphasized. The author concludes that, despite the organizational difficulties, the experience of the war of 1877–1878 became an important stage in the development of the health protection system of the Russian army.

Keywords: military medicine, Russian-Turkish War of 1877–1878, divisional infirmaries, military hospitals

Кхасанов Тимур Nail'evich, graduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; *t.moor.bauer@mail.ru*

УДК 94(47)

Якупов А.Г.

Систематизация отчетной работы Казанской городской думы в 1871–1880 гг.: хозяйствственно-экономический аспект

В статье исследуется отчетная работа Казанской городской думы в 1871–1880 гг. Изучение проведено на основе делопроизводственных материалов органов местного самоуправления г. Казани, отложившихся в Государственном архиве Республики Татарстан. Выявлены функции органов местного самоуправления г. Казани по определению механизмов деятельности подготовительных комиссий и их кадрового состава. В работе анализируется взаимодействие Казанской городской думы с Казанской контрольной палатой и Казанским отделением МВД Российской империи. Было установлено дублирование центральными институциями

контрольных полномочий финансового надзора за работой органов местного самоуправления.

Ключевые слова: Казанская городская дума, отчетная работа, органы местного самоуправления

Городовое положение 1870 г. наделило органы местного самоуправления Российской империи широкими полномочиями в вопросах хозяйственно-экономического развития. Городские думы в пореформенное время осуществляли функции по развитию местного предпринимательства, обеспечению работы общественных банков и систематизации механизмов оценки недвижимости. Деятельность городских дум была направлена на формирование финансовой статистики в этих областях для дальнейшего использования органами центральной власти при определении направлений социально-экономической политики в городах Российской империи.

Для упорядочения показателей хозяйственно-экономического развития городов органами местного самоуправления осуществлялась работа по подготовке отчета о своей деятельности за конкретный год и предоставлению документов финансовым контрольным институциям.

Органы местного самоуправления были первичным звеном управленческой вертикали Российской империи и наиболее приближенными к населению общественными институтами. Городские думы являлись ключевой структурой по сбору, обработке и анализу информации о состоянии городского хозяйства и финансово-экономических показателей. В целях составления отчета согласно положению 1870 г. Казанская городская дума образовывала временную особую подготовительную комиссию из числа гласных. Важно отметить, что статья 61 Городового положения 1870 г. лишь предоставляла право городским думам образовывать временные подготовительные комиссии. Вместе с тем, их создание не носило обязательный характер.

Особая подготовительная комиссия являлась временным органом и распускалась после выполнения функций в области отчетной работы Казанской городской думы. Так, в состав временной особой комиссии Казанской городской думы в 1871 г. входили: Д.И. Вараксин, В.Г. Васильев, М.А. Коровин [4]. Необходимо отметить положительную роль Казанской городской думы в вопросе организации отчетной деятельности. Орган местного самоуправления Казани подбирал таких людей для участия в особой подготовительной комиссии, которые имели опыт, как в сфере государственного управления, так и в области предпринимательства.

О том, что отчетная деятельность Казанской городской думы представляла важное направление в ее хозяйственно-экономической работе, свидетельствует тот факт, что в состав комиссии был включен бывший голова думы Д.И. Вараксин. Дмитрий Иванович работал в должности главы Казанской городской думы в период с 1869 по 1871 гг. [6, с. 154-177]. Следует отметить, что он являлся и казанским предпринимателем, владея водочным заводом в городе. В силу этого Д.И. Вараксин имел навыки как в области городского самоуправления, так и в сфере ведения бухгалтерской отчетности. Это позволяло ему контролировать работу особой подготовительной комиссии не только на более профессиональном уровне, но и оценивать экономические проблемы в сфере городского хозяйства с разных точек зрения – государственной и предпринимательской.

В состав особой комиссии Казанской городской думы в 1871 г. входили также В.Г. Васильев, М.А. Коровин, которые являлись рядовыми сотрудниками Казанской городской думы и оказывали административную и юридическую поддержку Д.И. Вараксину в организации работы временной особой подготовительной комиссии. Так, Д.И. Вараксин являлся руководителем временной особой подготовительной комиссии, а В.Г. Васильев и М.А. Коровин считались его помощниками.

Временной особой подготовительной комиссии было поручено готовить годовой отчет о хозяйственно-экономической деятельности Казанской городской думы.

Вся хозяйственно-экономическая документация по вопросам деятельности Казанской городской думы хранилась в ее исполнительном органе – Казанской городской управе. Временная особая подготовительная комиссия активно сотрудничала с управой, которая полностью ей подчинялась и выполняла все ее распоряжения. Вследствие этого, временная особая подготовительная комиссия запрашивала необходимые комплекты финансово-экономических документов именно у Казанской городской управы в период проведения ревизионной работы и подготовки итогового годового отчета.

Отчет представлял собой доклад особой подготовительной комиссии за подписями ее участников. В 1871 г. годовой отчет был подписан Д.И. Вараксиным как руководителем особой подготовительной комиссии и двумя его помощниками: В.Г. Васильевым и М.А. Коровиным. Отчет был составлен по финансовым документам, которые были предоставлены казанской управой.

Итоговый отчет, подготовленный усилиями Казанской городской управы и временной особой подготовительной комиссии, защищался докладом перед Казанской городской думой. Структура

отчета содержала в себе три основных показателя: расходы, приходы и остатки за соответствующий финансовый год. Каждый из показателей имел точное описание и обоснование. Так, все приходные и расходные операции Казанской городской думы за год содержали в себе все городские, земские, благотворительные, пенсионные, казенные и партикулярные суммы, как в части доходов, так и в части расходов. Более того, отчет включал в себя информацию по доходам и расходам и их соотнесении с подлинными книгами и финансовыми документами. Структурный и серьезный подход к организации отчета Казанской городской управы и временной особой подготовительной комиссии позволял считать его полным отражением всей финансово-хозяйственной деятельности города и Казанской городской думы.

Таким образом, внутренняя организационная структура отчетной работы Казанской городской думы являлась сложной, составленной из нескольких органов – Казанской городской думы, Казанской управы, временной особой подготовительной комиссии. Временная особая подготовительная комиссия прекращала свою деятельность и распускалась после утверждения отчета Казанской городской думой.

После того, как итоговый отчет утверждался Казанской городской думой, он должен был направляться в органы верховной власти для проверки и высказывания замечаний и пожеланий с их стороны. Следует отметить, что утверждение новой модели ревизионной работы встретилось с определенными сложностями. Дело в том, что в системе государственных учреждений финансового контроля функционировал специальный орган, созданный для проверки хозяйственно-экономической деятельности городских дум еще в период финансовой реформы 1860-х гг. На территории Российской империи действовали губернские контрольные палаты, которые контролировали отчетность городских дум. Так, Казанская городская дума отчитывалась непосредственно перед Казанской контрольной палатой, являющейся единственным органом, имевшим право требовать финансовые документы от органов местной власти в городах. Именно в адрес Казанской контрольной палаты должен был отправляться утвержденный Казанской городской думой отчет о своей деятельности.

Казанская губернская контрольная палата получала от городской думы отчет, подготовленный временной особой подготовительной комиссией и Казанской городской управой, и в случае необходимости могла истребовать дополнительную документацию. Казанская губернская контрольная палата подходила к выполнению своих обязанностей самым серьезным образом и не поз-

воляла Казанской городской думе недобросовестно относиться к учету денежных средств. Например, по требованию от 10 июня 1872 г. палатой было отправлено предписание о заполнении учетного регистра статей, оставшихся без утверждения при ревизии отчетности Казанского окружного суда за 1871 г. [5]. В данном случае стоит отметить, что Казанская городская дума заведовала и бухгалтерской документацией по содержанию Казанского окружного суда.

Важно обратить внимание на механизм работы по контролю над неутвержденными денежными суммами, поскольку точность финансовой отчетности имела первостепенное значение в рамках ревизионной работы. Так, контрольная палата миновала Казанскую городскую думу (распорядительный орган), и обращалась непосредственно в Казанскую городскую управу, которая являлась исполнительным органом. Подобный подход фиксировал оптимизацию временных затрат контрольной деятельности и предотвращал бюрократические издержки, которые могли появиться в результате дополнительного взаимодействия с Казанской городской думой.

Так, в адрес управы направлялся особый документ – «Учетный регистр статей, оставшихся без утверждения при ревизии отчетности Казанского окружного суда за 1871 г.», который являлся формой, куда следовало внести финансовые данные в о расходах Казанской городской думы при организации работы Казанского окружного суда за 1871 г. Более того, по каждой строке неутвержденных статей расходов требовалось письменное объяснение и заверение городского головы, что свидетельствует о повышенном внимании Казанской контрольной палаты к контролю денежных средств города. В данном смысле, городская реформа вписывалась в систему государственного управления, построенной Александром II, поскольку представленные права городским думам по автономности и самостоятельности не могли оставаться без применения регулятивно-финансовых функций со стороны верховной власти. Так, необходимость заполнения учетного регистра статей, оставшихся без утверждения, была вызвана пониманием имперским центром необходимости представления об объемах финансирования на последующий год и включением данных текущего года в статистические материалы для дальнейшего анализа в масштабах всей Российской империи.

Метод работы Казанской контрольной палаты непосредственно с исполнительным органом думы подтверждает и некоторую автономность управы от думы по вопросам отчетной деятельности. Более того, самостоятельность Казанской управы относительно

думы подчеркивает точечное разграничение полномочий между ними, а также политическую логику того времени по улучшению работы аппарата управления.

Помимо оперативного взаимодействия Казанской контрольной палаты с Казанской городской управой при заполнении учетного регистра, существовали и бюрократические аспекты в деятельности контрольной палаты Казани. Это проявилось в осуществлении проверок Казанской контрольной палаты, на протяжении временной выборки 1871–1880 гг. Так, 12 июля 1872 г. Казанская контрольная палата направила в адрес управы дополнительное требование о предоставлении действительных финансовых документов за 1871 г. [2]. Это распоряжение в качестве приложения содержало в себе справку с перечислением внушительного количества бухгалтерской документации, которая должна была быть предоставлена управой: приходный журнал, расходный журнал, книга казенных сумм, приходные документы (4 тома), расходные документы (3 тома), квитанции Казанского губернского казначейства, книга на записку постановлений об отсылке в казначейство денег за проданные бланки для торговых документов, книга на записку прихода и расхода бланков для торговых свидетельств, бланки для торговых свидетельств, окладные книги по государственному налогу (7 томов).

Конечно, запрашивание дополнительных документов при проверке финансовой отчетности города является правильным и логичным. Однако, истребование Казанской контрольной палаты всей финансовой документации не содержал в себе обоснование такого требования с конкретной выборкой тех документов, в части которых у проверяющего органа возникли претензии.

Структурный и серьезный подход к организации подготовительной комиссией и казанской управой отчета перед Казанской городской думой позволял считать его полным отражением всей финансово-хозяйственной деятельности города. Можно предположить, что отчетный документ, подготовленный совместными усилиями двух институций думы (подготовительной комиссии и казанской управы) не требовал дополнительных проверок со стороны Казанской контрольной палаты. На мой взгляд, первоначально представляемый управой в Казанскую контрольную палату отчет содержал в себе все необходимые данные, позволяющие достигать целей отчетной деятельности по прогнозированию, ведению статистики и выявлению недочетов губернским центром.

Более того, представленный в справке перечень документов для представления управой Казанской контрольной палате являлся внушительным, сбор которого занимал много времени.

Отрицательной характеристики заслуживает и тот факт, что работа контрольной палаты не была оперативной, поскольку требование о получении дополнительных финансовых документов было представлено лишь спустя полгода после завершения 1871 г., а именно 12 июля 1872 г. Медлительный подход контрольной палаты к проверке отчетной документации думы, конечно, не отражался на состоянии городского хозяйства города, однако тормозил деятельность органов местного самоуправления. Так, Казанская городская управа была вынуждена заниматься делами прошлых лет, а не обеспечивать решение текущих проблем городского хозяйства. Кроме того, в результате реализации такого подхода задерживался анализ развития экономики городов, в связи с чем прогнозируемые показатели следующего года интерпретировались не полно, а финансирование происходило неправильным образом.

Ответная корреспонденция была переслана управой в контрольную палату только 26 августа 1872 г., и, соответственно, анализ документов проверяющим органом начинался лишь спустя 9 месяцев после завершения финансового года. Подобные условия не способствовали развитию системы отчетности, потому что длительная проверка документов делала затруднительным исправление финансовых ошибок, совершенных в 1871 г., в конце 1872 г.

Система отчетности органов местного самоуправления не была качественно проработана и в силу того, что городские управы отчитывались и перед контрольными палатами, и перед городскими думами, как это предписывалось ст. 147 Городового положения 1870 г. В аспекте отчетности управы и перед думой, и перед контрольной палатой наблюдается дублирование полномочий органовластной вертикали, что создавало дополнительные бюрократические преграды и значительные временные затраты. Излишнее бюрократическое давление на управу можно подтвердить тем примером, что доклад о финансовой деятельности управы за 1871 г. перед Казанской контрольной палатой заслушивался 20 ноября 1872 г. [1], тогда как отчет перед Казанской городской думой уже был представлен ранее, 5 марта 1872 г.

Более того, в отложившихся документах Казанской городской думы имеются ревизионные запросы палаты в адрес управы, которые требовали предоставления более ранних отчетных документов органов местного самоуправления Казани. Так, в 1875 г. палатой были затребованы документы за 1871 и 1872 гг., а в 1879 г. – документы 1865 г. [3]. Дополнительные проверки контрольной палатой финансовой отчетности думы спустя длительное время, на мой взгляд, не носили экономической логики в силу двух причин. Во-первых, ревизия старых финансовых документов не приводила

к определенным результатам. Вместе с тем, подготовка сотрудниками казанской управы финансово-экономических документов отнимала много времени у людей, которые занимались поиском нужных материалов и их пересылкой в контрольную палату. Вторых, внеочередная проверка финансовых документов спустя длительное время не могла привести к исправлению экономической ситуации прошлых лет, поэтому не была эффективной.

Вместе с тем, дополнительную ревизию отчетной документации исполнительного органа местного самоуправления Казани осуществляло и Министерство внутренних дел. Так, Казанское губернскоеправление МВД также направляло в Казанскую городскую управу запросы о необходимости предоставления действительных данных о расходах и доходах за 1871 г. Фактически,правление МВД осуществляло контроль над отчетной деятельностью Казанской городской думы, что являлось неправомерным. Подобная деятельность МВД явно нарушала Городовое положение 1870 г., где в ст. 147 указывалось, что «отчетность городского общественного управления не подлежит ревизии общих контрольных учреждений».

В данном аспекте прослеживается несогласованность в деятельности властной вертикали Российской империи – МВД и Казанской контрольной палаты, которые дублировали свои действия, как органы имперского контроля. Подобный выход МВД за пределы запретов, обусловленных в положении 1870 г., отражает тенденцию консервативных настроений определенной части элиты российского общества [7, 152–157].

Таким образом, после проведения городской реформы 1870 г. сформировался новый облик отчетной работы органов местного самоуправления г. Казани. Казанская городская дума определила механизм деятельности особых подготовительных комиссий и их кадровый состав. В ходе изучения выявлено, что контрольные институции центральной власти длительное время проверяли отчетные документы органов местного самоуправления г. Казани и немотивированно запрашивали дополнительную документацию.

Библиография

Источники

1. Доклад Казанской городской думы о деятельности управы перед Казанской контрольной палатой от 20 ноября 1872 г. // ГАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 574. Л. 54.
2. Дополнительное требование Казанской контрольной палаты в адрес Казанской городской думы о предоставлении действительных финансовых документов от 12 июля 1872 г. // ГАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 574. Л. 41.

3. Запросы Казанской контрольной палаты в адрес Казанской городской думы о предоставлении документации предшествующих лет // ГАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 574. Л. 115.

4. Отчет Казанской городской думы о хозяйственно-экономической деятельности за 1871 г. // ГАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 574. Л. 24.

6. Требование Казанской контрольной палаты в адрес Казанской городской думы от 10 июня 1872 г. // ГАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 574. Л. 35.

Литература

7. Дмитриева А.М., Исмагилов Р.Р., Нерозникова Н.Д., Шарангина Н.А. Достойны памяти потомков. (Городские головы Казани 1767–1917 гг.). Сборник документов и материалов. Казань, 2002. С. 154–177.

8. Федоров О.А. Реформы Александра II: неудавшаяся попытка «революции сверху» // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 8. С. 152–155.

Якупов Альберт Гумарович, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; Alba220495@gmail.com

Systematization of the reporting work of the Kazan city duma in 1871–1880: economic aspect

The article examines the reporting work of the Kazan City Duma in 1871–1880. The study was conducted on the basis of office materials of the local self-government bodies of Kazan, deposited in the State Archive of the Republic of Tatarstan. The functions of the local self-government bodies of Kazan in determining the mechanisms of the preparatory commissions and their personnel are revealed. The paper analyzes the interaction of the Kazan City Duma with the Kazan Control Chamber and the Kazan Branch of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire. The main communication problems were expressed in the duplication of control powers by the central institutions of financial supervision and the length of their inspections.

Keywords: Kazan City Duma, reporting work, local government bodies

Yakupov Al'bert Gumarovich, graduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; Alba220495@gmail.com

УДК 94(47)

Афанасьев А.Ю.

Влияние конфессиональной политики российских государей на численность старообрядческого купечества Казанской губернии в XIX – начале XX вв.

В статье исследуется влияние конфессиональной политики российских императоров на динамику численности представителей старообрядческого купечества в Казанской губернии в XIX – начале XX вв. Рассматриваются законодательные акты, принятые правительством в отношении старообрядческого движения. Оценивается воздействие данных нормативно-правовых актов на количество купцов, относящихся к поповскому и беспоповскому согласиям Казани. Выявлено, что несмотря на постоянные изменения политического курса в отношении староверов, число

купцов-староверов на протяжении всего XIX в. оставалось стабильным. Это было обусловлено хозяйственно-трудовой этикой старообрядческого сообщества.

Ключевые слова: конфессиональная политика, старообрядчество, купечество, Казанская губерния, законодательство

Отличительной особенностью демографического состояния Казанской губернии являлись полигэтничность и поликонфессиональность, которые были характерны для всех сословий. Исключением при этом не стало и купечество. В его гильдии входили представители как русского, так и других народов Среднего Поволжья [13, с. 58], что обуславливало их конфессиональное многообразие.

Весьма значимой этносоциальной группой считались купцы-староверы. Их численность на протяжении всего XIX столетия, а также в начале XX в., несомненно, менялась. Более того, уменьшался и увеличивался в зависимости от периода и размеров самих старообрядческих общин. Параллельно этой динамике происходили определенные преобразования и в конфессиональной политике российских императоров в отношении данного религиозного движения. Эта ситуация, в свою очередь, актуализирует проблему о влиянии правительственной политики на численность старообрядческого купечества региона. В статье будет исследоваться изменение в количественном составе купцов-старообрядцев города Казани, что обусловлено его статусом губернского центра и наибольшей концентрацией староверов среди прочих населенных пунктов региона.

Зачатки купеческого представительства в старообрядческом сообществе Казанской губернии появляются еще в последней четверти XVIII в. Общая статистика по численности староверов для этого этапа отсутствует, однако фрагментарные данные позволяют получить информацию по изучаемой проблеме. Так, согласно списку купцов за 1789 г., сохранившемуся благодаря исследовательской деятельности казанского краеведа Н.Я. Агафонова, в городе проживало около 5 старообрядцев, являвшихся представителями купеческого сословия. Все они были причислены к III гильдии, что свидетельствует об их «маловесности» в экономике города [10, л. 1251-1252].

Стоит отметить, что XVIII в. стало важным этапом в развитии старообрядческой общественности России, поскольку именно в этот период происходит формирование различных религиозных течений в данной среде. Наиболее крупными из них стали группы, приемлющие и не приемлющие священство, получившие, соответственно, названия поповского и беспоповского согласий. Так, в упомянутом ранее списке купцов за 1789 г. два их представителя,

а именно Иван Петрович и Иван Григорьевич Свешниковые, принадлежали к общине «поморского», т.е. беспоповского согласия [10, л. 1251].

Коренным образом ситуация меняется к началу XIX века. Правительство Александра I довольно благосклонно относилось к старообрядческому населению. В частности, оно придерживалось принципа «терпимость без признания». Стабильная ситуация в данном вопросе позволила старообрядцам более активно вовлекаться в публичную сферу путем вступления в купеческие гильдии. О наличии данной тенденции свидетельствуют статистические данные. В «Ведомости казанских купцов за 1811 г.» упоминается 24 старообрядческие купеческие семьи. Среди них преобладают представители III гильдии [10, л. 417-444]. Данный факт ярко свидетельствует о том, что старообрядцы только начали делать первые шаги в сфере предпринимательской деятельности. Подобная тенденция сохранялась вплоть до 1820-х гг. В «Списке казанских купцов за 1826 г.» присутствуют 23 старообрядческих семьи [10, л. 314-348]. Следовательно, число купцов-старообрядцев за 15 лет практически не изменилось.

Рассматриваемая ситуация не была характерна для правления императора Николая I. Напротив, период его царствования в исследовательской литературе связывают с реакционной политикой и тотальными гонениями на старообрядцев. Так, в Казани были закрыты духовные центры обоих согласий: «Коровинская часовня на Булаке» для поповцев и Прилуцкий (Стекольный) скит для беспоповцев [8, с. 104]. Кроме того, 1 января 1855 г. был опубликован указ, согласно которому старообрядцам запрещалось вступать в купеческие гильдии [9, с. 43].

В эти репрессивные по своему характеру годы государство совершило попытки подсчета численности старообрядческих общин. По поручению Министерства внутренних дел в 1835 г. была составлена специальная ведомость о живущих в Казани старообрядцах, приемлющих священство. Согласно ей, в общине на тот момент присутствовало 37 купеческих семей [10, л. 275-288]. В 1838 г. была составлена аналогичная ведомость о проживающих в г. Казани старообрядцах поморского беспоповского согласия. К ней относилось лишь 8 купеческих семей [10, л. 404-416].

Исходя из упомянутых данных, можно определить, что в конце 1830-х гг. в Казани проживало 45 купеческих старообрядческих семей. Следовательно, их число по сравнению с 1820-ми гг. выросло практически в 2 раза. Этот факт свидетельствует о том, что, несмотря на репрессивные меры со стороны государства, старообрядцы продолжали следовать своим религиозным канонам. Более

того, они активно развивались в сфере предпринимательской деятельности.

Одним из индикаторов результативности проводимой правительством реакционной политики в отношении старообрядчества должна была стать предпринятая Канцелярией казанского полицмейстера в 1850 г. перепись местных поповской и беспоповской общин [5]. Исходя из полученных данных, в указанный год в Казани проживало 42 купеческих семьи из «приемлющих поповство» [5, л. 1-6] и 9 купеческих семей поморского согласия [5, л. 24-38]. В совокупности, это составляло 51 купеческую семью численностью 1827 человек.

Сопоставляя эти показатели со статистикой конца 1830-х гг., можно наблюдать относительный рост количества семей. На мой взгляд, столь значительные изменения не были вызваны резким демографическим ростом старообрядческого сообщества. Скорее, они связаны с тем, что государство, опираясь на предшествующий опыт учета староверов, предприняло более систематизированный подход к решению этой задачи.

Восшествие на престол Александра II ознаменовало начало отхода от столь реакционной политики в отношении староверов и постепенному формированию терпимости в отношении их религиозных убеждений. Одним из ярких свидетельств данного тезиса может служить Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, принятое 29 ноября 1863 г. Согласно ему, «раскольники», не принадлежавшие к особо вредным сектам, отныне могли избираться на общественные должности [11, с. 264-265].

Однако подобные преобразования не способствовали моментальному изменению мировоззрения староверов и их отношения к правительству. Общины боялись активно выходить в публичное пространство и раскрывать подробности своей внутренней жизни. При этом часть представителей данных сообществ все же стремилась избежать замкнутости. Отражением подобных настроений являются статистические данные, собранные по казанскому купечеству в 1865 г. [1]. Согласно списку купцов г. Казани, в гильдиях в заданный год состояло 17 старообрядческих семей. Данная тенденция сохранилась и в 1870-е гг. Об этом свидетельствует список лиц, состоявших в Русском купеческом обществе г. Казани и объявивших капиталы на 1877 г. Исходя из представленных в документе данных, в городе было зарегистрировано 16 семей купцовстароверов [6].

Значительные изменения в правительственной политике в отношении старообрядцев наблюдаются в период правления Александра III. Знаменательным событием стало издание Высочайше

утверженного мнения Государственного Совета 3 мая 1883 г. Данный документ регламентировал не только духовную жизнь старообрядцев (отныне они могли на законных основаниях исполнять свои требы), но и формы их общественной деятельности. Так, согласно нормативно-правовому акту, они могли законоправно вести торговую деятельность и занимать различные общественные должности [12, с. 219-221]. Анализ данных преобразований свидетельствует о том, что староверы постепенно на законной основе начали встраиваться в общегосударственную систему.

Несомненно, издание этого акта должно было значительно повлиять на жизнь старообрядческих общин Российской империи. Однако статистические данные говорят об обратном. Так, согласно списку купцов, объявивших капиталы на 1883–1884 гг., в Казани проживало 19 старообрядческих купеческих семей [2]. Сопоставительный анализ с предыдущей представленной нами статистикой свидетельствует о незначительных изменениях численных показателей.

Статистика рубежа XIX–XX вв. также не говорит о каком-либо резком всплеске численности старообрядческих купеческих семей. В «Книге записи лиц, объявивших капиталы за 1899 г.» г. Казани упоминается лишь 17 купцов-староверов [3]. Более того, к 1905–1907 гг. это число сократилось до 12 [4]. Это было связано во многом с экономическим состоянием региона к данному периоду. В начале XX в. железнодорожные перевозки для российских предпринимателей являлись основным способом транспортировки собственной продукции. Однако купечество Казани, включая старообрядческое, в этом отношении оказывалось в неблагоприятном положении. Столица губернии была соединена с Москвой железнодорожной дорогой лишь к 1893 г., а мост через Волгу для более удобного движения был сдан лишь в 1913 г. Вследствие этого этот край был мало обеспечен продукцией для организации крупных производств, вследствие чего местные предприниматели оказались в «полуизолированном» от общероссийского рынка состоянии [13, с. 12]. Указанные обстоятельства привели к ослаблению экономических позиций и сокращению численности казанского купечества, включая старообрядческое.

Таким образом, анализ численности купцов-староверов г. Казани позволяет увидеть определенную стабильность. За исключением периодов специальных государственных переписей, их количество на протяжении всего рассматриваемого периода не превышало 20 человек. Более того, на эти показатели не влияли какие-либо реакционные или либеральные преобразования со стороны правительства.

На наш взгляд, причина данной ситуации кроется в мировоззрении старообрядцев и их хозяйственно-трудовой этике. Общины стремились всячески сохранить собственный капитал. Известно, что купцы не могли иметь своих личных сбережений. Все их средства составляли часть единого общинного капитала [14, с. 137]. В условиях репрессивной политики правительства в отношении старообрядчества члены согласий понимали, что сосредоточение всего капитала в руках лишь одного «брата по вере» крайне опасно. В случае очередного законодательного акта этот купец мог прийти в разорение и обанкротиться, тем самым лишив общину средств к существованию. Вследствие этого они разделяли капитал среди наиболее инициативных и предприимчивых членов согласий, при этом помогая им увеличить собственные накопления и тем самым приумножить общинный капитал.

Библиография

1. ГА РТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 70. 154 л.
2. ГА РТ. Ф. 98. Оп. 2. Д. 746. 389 л.
3. ГА РТ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 3221. 321 л.
4. ГА РТ. Ф. 98. Оп. 4. Д. 2216. 95 л.
5. ГА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 2163. 43 л.
6. ГА РТ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 55. 135 л.
7. Карташева Е.И. Старообрядцы в культурном пространстве Казани: личные коллекции // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. тр. Вып. 5. 2013. С. 273–301.
8. Карташева Е.И. Старообрядчество в Казани: вехи истории // Проблемы изучения истории Русской православной церкви и современная деятельность музеев. 2005. С. 99–113.
9. Латыпов И.Р. Развитие старообрядческих общин Казанской губернии XIX – начала XX веков: дис. ... к.и.н. Казань, 2011. 224 с.
10. ОРРК НБЛ КФУ. Рук. 218. 587 л.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. СПб., 1866. Т. 38. 942 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. СПб., 1886. Т. 3. 998 с.
13. Свердлова Л.М. Казанское купечество: социально-экономический портрет (кон. XVIII – нач. XX в.). Казань, 2011. 319 с.
14. Уэст Дж. Старообрядцы и предпринимательская культура в Царской России // Исторические хроники. 2008. № 3 (15). С. 130–143.

Афанасьев Андрей Юрьевич, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; 8andref8@mail.ru

Influence of confessional policy of Russian emperors on the number of old believer merchants in Kazan province in the 19th – early 20th centuries

This article examines the influence of confessional policy of Russian emperors on the dynamics of the number of Old Believer merchants in Kazan province in the 19th –

early 20th centuries. The article examines legislative acts adopted by the government regarding the Old Believer movement. The impact of these normative legal acts on the number of merchants belonging to the priestly and priest less consents of Kazan is assessed. It is revealed that despite constant changes in the political course towards the Old Believers, the number of Old Believer merchants remained stable throughout the 19th century. The reason for this situation relates to the economic and labor ethics of the Old Believer community.

Keywords: confessional policy, Old Believers, merchants, Kazan province, legislation

Afanasyev Andrey Yur'evich, graduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; 8andref8@mail.ru

УДК 94(470.342)"18/19"

Субботина А.М.

Интеграция народов и сохранение этнокультурных различий в условиях модернизации Российской империи в XIX – начале XX в.

В статье рассматривается проблема изменения национальной политики российского правительства в отношении интеграции народов в результате реформ, направленных на модернизацию страны в XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется процессам, происходившим в Вятской губернии. На примере мусульман, старообрядцев, евреев показано, как задачи включения поликонфессионального и полигностичного населения в единое государство сочетались с сохранением культурных различий. Делается вывод о важной роли развития школьного образования в распространении русского языка как нового по сравнению с православием символом государственного единства.

Ключевые слова: этноконфессиональная политика, национальная политика, Вятская губерния, мусульмане, евреи, старообрядцы, школьное образование

Российская империя накопила богатый опыт взаимодействия с проживавшими на ее территории многочисленными народами и религиозными конфессиями. В статье рассматриваются некоторые аспекты характера этих взаимоотношений в XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется процессам, происходившим на территории Вятской губернии.

М. Уолцер называет многонациональную империю одним из наиболее толерантных режимов по отношению к групповым различиям [10, с. 30]. Пока население входящих в состав государства автономных территорий платило налоги и поддерживало мирное сосуществование, имперские бюрократы не вмешивались в их внутреннюю жизнь. Толерантность многонациональной империи была основана на автократическом характере и дистанции

власти по отношению к управляемым ею народам. Сокращение полномочий автономных образований, отказ от предоставления автономии, распространение идеи суверенитета, развитие национальных движений на закате империй, по мнению М. Уолцера, способствовали их распаду [10, с. 34]. А. Каппелер отмечает, что до XIX в. политика Российского государства в отношении нерусских народов руководствовалась принципами pragmatизма и толерантности в интересах поддержания внутренней и внешней безопасности [4, с. 182]. Царское правительство сотрудничало с местными элитами, гарантировало сохранение их привилегий, если они проявляли лояльность и поддерживали стабильность в своих регионах. В XIX в. под влиянием формирования национального самосознания русских, национальных движений других народов, первым из которых стало польское, задачами модернизации и связанной с ней социальной мобилизации, развитием модели национального государства в Европе российская политика претерпела изменения в сторону интеграции общества на основе русского языка и культуры. Основными структурами мобилизации общества стали крестьянская реформа 1861 г., индустриализация и урбанизация, развитие грамотности, школьного образования и печати. Но, не смотря на предпринятые в этом направлении шаги, самодержавие сохранило верность донациональной политике, которая «единственно и могла обеспечить социально-политическую стабильность империи» [4, с. 183].

Российская империя к концу XIX в. в целом завершила формирование своих территориальных границ. На огромной площади проживали народы, сильно отличающиеся друг от друга по уровню социально-экономического развития, культуре, языку, вероисповеданию. Российское законодательство было достаточно гибким в вопросе управления этими народами, учитывая сложившиеся у них правовые, административные, социальные, культурные нормы. Прежде всего, это относилось к окраинам страны, где были созданы административно-территориальные единицы, отличные от внутренних губерний: Царство Польское (Привислинский край), Великое княжество Финляндское, Кавказское наместничество и др. В XIX – начале XX в. царское правительство предприняло шаги, направленные на дальнейшую интеграцию этих территорий. Сокращались права и привилегии местных элит, устанавливалась русская администрация, расширялась сфера применения русского языка за счет развития делопроизводства, школы и образования. Полнотью этот процесс не был завершен, следствием чего стала территориальная ограниченность модернизационных реформ второй половины XIX – начала XX в. Например, земская

реформа 1864 г. вводила новые органы самоуправления только в 33 губерниях страны. К 1917 г. их количество было увеличено до 43. На оставшейся огромной территории с населением более 60 млн человек действовали свои органы управления и самоуправления.

Во внутренних губерниях с полигэтническим и поликонфессиональным составом населения царской власти также приходилось балансировать между задачами интеграции и учета этнокультурной специфики населения. Территория Вятской губернии достаточно рано вошла в состав Российской империи. В XIX в. более половины населения было русским и православным. Достаточно высокая степень интеграции региона способствовала тому, что здесь действовала общероссийская административная система, общегосударственное законодательство. Несмотря на это до массового развития школьного образования удмуртское, мордовское, татарское, башкирское и другое нерусское преимущественно крестьянское население практически не знало русского языка, не пользовалось им в повседневной жизни. Для общения с русской администрацией достаточно было грамотного писаря. Определяющей продолжала оставаться конфессиональная, а не этническая принадлежность. Политика христианизации местного населения способствовала тому, что в конце XIX в. более 90 % его были православными. Представителям других религиозных конфессий сохранялась возможность не только исповедовать свою веру, но и иметь некоторые другие культурные права.

Каждая мусульманская деревня в губернии старалась иметь мечеть, муллу, школу. В крупных поселениях могло быть несколько мечетей и мусульманских школ [7, с. 16-17]. Конфессиональный принцип соблюдался при приведении к присяге в суде или должностных лиц. Определенные возможности для соблюдения религиозных обрядов были у мусульман-заключенных. Религиозными делами мусульман региона ведало Оренбургское магометанское духовное собрание. В число его полномочий входили производство испытаний лицам на духовную должность, надзор за деятельностью мулл. Дела о постройке мечетей, порядке богослужения, заключении браков и разводах, неповиновении детей родителям, управлении приходскими и школьными имуществами и др. [3, с. 45].

Достаточно представительными в Вятской губернии были старообрядческие общины разных толков. Начиная с правления Александра II легализованным из них разрешалось не только осуществлять богослужение, но и открывать свои школы грамотности,

занимать некоторые общественные должности и др. В начале XX в. их положение было почти уравнено с православными [2, с. 100]

Интересный опыт интеграции и сохранения особого положения в Российской империи представляет история евреев. Формированию еврейского населения Вятской губернии способствовали распространение на евреев в 1827 г. рекрутской повинности и выход законов Александра II, разрешавших выбирать место жительства за чертой оседлости ремесленникам, врачам, фармацевтам, повивальным бабкам, обладателям ученых степеней и некоторым другим категориям. В конце XIX в. в губернии проживало 904 еврея-иудея, не считая перешедших в православие [6, с. 244]. Если военнослужащие и ссыльные оказались здесь не по своей воле, то остальные выбрали регион добровольно. Евреи-иудеи были законодательно ограничены в правах, в том числе не могли участвовать в органах управления и самоуправления. В случае нарушения оснований проживания в губернии, несоответствия документов требуемым нормам, они подлежали немедленному выселению. В их среде, особенно среди военнослужащих, также проводилась политика христианизации. Несмотря на это, у сохранивших верность иудаизму была возможность легально выполнять религиозные обряды. Военная, заводская, губернская администрация и органы самоуправления шли навстречу пожеланиям местных еврейских общин и давали разрешение на открытие молельных домов и проведение богослужений.

Во второй половине XIX – начале XX в. реформы в сфере образования, массовое распространение русской школы у части населения, например, мусульман, вызывало негативную реакцию. Этнокультурное и конфессиональное многообразие потребовало от правительства разработки разных образовательных систем для разных групп населения. В рамках системы Н.И. Ильминского, которая была узаконена правилами 1870, 1907 и 1913 гг., были открыты русско-татарские, русско-удмуртские, русско-марийские и другие школы, в которых переход на русский язык учащихся происходил постепенно с помощью обучения на родном языке, получили развитие учебные пособия с русской графикой [8, с. 34-35]. Мусульманские школы в 1874 г. были переданы в подчинение Министерства народного просвещения. С этого времени началось расширение использование русского языка в них и правительственного контроля в целом [3, с. 112].

В XIX – начале XX в. в Российской империи под влиянием модернизационных реформ взаимоотношения власти и многочисленных народов и религиозных конфессий претерпели изменения. Пример Вятской губернии показывает, что стремление интегриро-

вать нерусское население, расширение роли русского языка могло наталкиваться на недовольство и противодействие с его стороны. В этих условиях российское законодательство и реальная практика вынуждены были учитывать существовавшие этноконфессиональные различия и сохранять их.

Библиография

1. Бикейкин Е.Н. Финно-угорские народы в пространстве государственной национальной политики Российской империи // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2020. С. 178-187.
2. Берестова Е.М. Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века): Социально-культурная деятельность. Ижевск, 2005. 232 с.
3. Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань, 2014.
4. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 342 с.
5. Ноженко М.В. Национальные государства в Европе. СПб., 2007. 343 с.
6. Субботина А.М. История евреев Вятской губернии в документах Центрального государственного архива Кировской области // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 3. С. 240–247.
7. Субботина А.М. Отношение татар Вятской губернии к русскоязычному образованию (по материалам земской статистики) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2018. № 8. Т. 2. С. 15–23.
8. Субботина А.М. Система христианского просвещения Н.И. Ильминского и подготовка учителей для школ Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2023. Т. 13. № 1. С. 32–39.
9. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2007. 354 с.
10. Уолцер М. О терпимости. М., 2000. 160 с.
11. Шебзухова Ф.Х. Особенности управления национальными окраинами в Российской империи на рубеже XIX – XX вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. Вып. 3 (184). С. 34–42.

Субботина Анна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Россия; anmisu@mail.ru

Integration of peoples and preservation of ethnic and cultural differences in the Russian empire modernization in the 19th and early 20th centuries

The author of the article examines the problem of changing the national policy of the Russian government regarding the integration of peoples as a result of modernization reforms in the 19th and early 20th centuries. The article pays special attention to the processes in the Vyatka province. Using the example of Muslims, Old Believers, and Jews, the author shows how the tasks of integrating a multi-confessional and multi-ethnic popula-

tion into a single state were combined with preserving cultural differences. The author concludes that the important role of the development of school education in the dissemination of the Russian language as a new symbol of the unity of the Russian Empire in comparison with Orthodoxy.

Keywords: ethno-confessional politics, national politics, Vyatka province, Muslims, Jews, Old Believers, school education

Subbotina Anna Mihajlovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia; anmisu@mail.ru

УДК 94 (47)

Яковлев А.Е.

Гендерный вопрос в кадровой политике контор Торгсина Среднего Поволжья

В статье рассматривается гендерный вопрос в кадровой политике контор Торгсина Среднего Поволжья (Татарской и Средне-Волжской). Выявлено, что гендерный состав работников контор Среднего Поволжья был преимущественно мужским, вместе с тем в ряде случаев женщины могли занимать высокие должности в кадровой иерархии Торгсина. Примером этому является установленный случай с тов. Пацевич, которая занимала должность заместителя управляющего Средне-Волжской конторы, рабочие качества которой высоко оценивались управляющим конторой.

Ключевые слова: Торгсин, Татарская контора, Средне-Волжская контора, гендерный вопрос, торговля

Относительно сущности государственного устройства СССР в историографии ведутся дискуссии. Ряд исследователей подчеркивают, что Советский союз имел некоторые черты государственности, в частности подчинение периферий центру, централизацию власти в одном центре, стремление к экспансии, которые позволяют характеризовать государственное устройство СССР как имперское [8, с. 49–62]. Так или иначе, при выстраивании советского государства происходило серьезное переустройство общества, важной составляющей которого был женский вопрос. В Российской империи женщины традиционно мало принимали участие в общественной жизни. С точки же зрения коммунистической идеологии женщины рассматривались как полноправные строительницы нового государства. Следовательно, это предполагало расширение прав женщин и расширение их участия в общественной жизни.

В историографии вопросам положения женщин в советском обществе 1920–1930 годов уделяется значительное внимания. Исследователи отмечают, что «С самых первых дней прихода к вла-

сти большевиков началось создание «новой женщины», которое включало в себя политику вовлечения женщин в общественное производство и политическую жизнь» [3, с. 56]. В то же время, период расширения прав женщин и увеличения количества доступных им социальных ролей, пришедшийся на 1920-е годы, в 1930-е сменился определенного рода консервативным поворотом, когда в государственной политике вновь была актуализирована роль женщины как жены и матери, произошло ограничение некоторых прав женщин, что отмечает исследовательница советской повседневности Н. Лебина [4, с. 224-258].

Роль женщин в истории Торгсина к настоящему времени не находит детального освещения в историографии. Крупный исследователь Торгсина, Е.А. Осокина замечает, что «Торгсин был преимущественно мужским предприятием. Его центральное и региональное руководство, а также директора магазинов, заведующие секций почти поголовно были мужчины» [5, с. 402]. В Торгсинах Средней Азии в 1935 году среди руководителей высшего и среднего звена в Торгсине работала только одна женщина, занимавшая должность заведующей секретной частью. Также в архивных материалах упоминается говорится о некой Славацкой, короткое время занимающей должность управляющей Киргизской конторы, но ее сняли с работы. Е.А. Осокина также приводит данные по гендерному составу работников Ленинградской конторы Торгсина по состоянию на осень 1933 года: «Среди 46 директоров было только две женщины, среди 86 зав. отделений в магазинах было всего семь женщин, среди более чем 70 ответственных продавцов – только две женщины. Даже среди рядовых продавцов в Ленинграде преобладали мужчины: среди 448 продавцов женщин было всего 136. Только состав кассиров в Ленинграде был преимущественно женским (323 из общего числа 352 человека). Преимущественно женщины работали и уборщицами» [5, с. 403]. Правление Торгсина призывало активнее привлекать женщин к руководству, но положение не успело измениться к моменту закрытия Торгсина.

Относительно количественного соотношения мужчин и женщин в конторах Торгсина Среднего Поволжья мы имеем следующие данные. В протоколе самопроверки сотрудников Татарской областной конторы, произведенной в июне 1933 года, содержаться данные о 131 работнике конторы, из которых 79 были мужчинами и 46 женщинами [1, л. 1-124]. В сентябре-октябре 1933 года в Татарской конторе вновь была проведена проверка, которой было охвачено 266 работников, из которых 142 мужчины и 79 женщин. Относительно Средне-Волжской конторы мы можем оценить гендерное соотношение работников по состоянию на декабрь 1934 го-

да, на тот момент в конторе работало 82 мужчины и 40 женщин соответственно [6, л. 1-47].

Таким образом можно сделать вывод о том, что конторы Торгсина Среднего Поволжья также были преимущественно мужскими по гендерному составу. Приведение данные о количественном соотношении мужчин и женщин из числа работников конторы показывают, что количество работников-мужчин в конторах в два раза превышало количество женщин. При этом на уровне контор задачи по увеличению числа женщин среди работников не ставились. В то время как по коренизации кадрового состава конторы планы существовали, так в Татарской конторе число представителей коренной нации должно было составлять около половины от общего количества работников [2, л. 20]. Соответственно, несмотря на призывы к привлечению женщин к работе в советских учреждениях, четких планов представленности женщин в конторах Торгсина не существовало. Как отмечает Е.А. Осокина, Правление Торгсина призывало к более активному привлечению женщин к работе в системе Торгсина, однако данные призывы, по всей видимости, носили характер рекомендаций и не выражались в конкретных распоряжениях и планах по увеличению представленности женщин среди работников Торгсина, так как в фондах контор не обнаруживаются соответствующих документов. В то время как по коренизации кадров существовали конкретные планы, которые конторы стремились реализовывать. Соответственно, нациальному вопросу в кадровой политике Торгсина уделялось больше внимания, нежели гендерному.

Стоит также рассмотреть вопрос представленности женщин на ответственных должностях в конторах Среднего Поволжья. Среди высшего руководства контор, к которым мы относим должности управляющего и заместителя управляющего Татарской и Средне-Волжской контор женщины практически не были представлены, за одним исключением.

А.С. Мирзоев, назначенный на должность управляющего Средне-Волжской конторой с февраля 1933 года, характеризуя положение дел в конторе жаловался на недостаток квалифицированных кадров. При этом он отмечал, что фактически единственным сотрудником среди прежнего руководства конторы серьезную поддержку ему оказывает тов. Пацевич, которая на тот момент занимала должность заместителя управляющего конторы [7, л. 13]. Данных о тов. Пацевич немного, достоверно известно, что она являлась женщиной и занимала высокую должность в Средне-Волжской конторе, являясь заместителем управляющего. Неизвестно, когда она была назначена на данную должность, так как

А.С. Мирзоев упоминает, что она одна оказала ему поддержку в управлении конторой, назначение произошло еще при прежнем управляющем, К.И. Шилинском. Также не представляется возможности проследить, когда тов. Пацевич покинула контору. Судя по характеристике, которую давал ее организационным способностям А.С. Мирзоев, мотивов быстро смещать ее с должности у нового управляющего не было. Таким образом можно заключить, что женщины могли входить в высшее руководство контор Торгсина и принимать деятельное участие в управлении делами контор. Значимость вклада тов. Пацевич в организацию деятельности конторы отмечал непосредственно управляющий А.С. Мирзоев. Вместе с тем стоит также отметить, что подобные случаи были редкостью, для Средне-Волжской конторы это единственный подобный пример, в Татарской конторе женщины должностей управляющего и заместителя управляющего не занимали вовсе.

Материалы проверок сотрудников Татарской конторы позволяют проследить соотношение мужчин и женщин среди среднего руководящего состава конторы. В списках сотрудников конторы, охваченных проверкой, произведенной в июне 1933 года, насчитывается 15 директоров магазинов, заведующих базами и секциями, а также их заместителей. Практически все они были мужчинами за единственным исключением: В.Г. Афанасьева, занимавшая должность заведующей секции трикотажа в одном из магазинов.

В списках сотрудников Татарской конторы, охваченных проверкой, произведенной осенью 1933 года, насчитывается 33 работника среднего руководящего состава, из которых пять женщин. Наиболее высокую должность занимала Е.Я. Карелина, будучи заведующей ларьком. В числе прочих А.Ш. Ибатуллина – заместитель заведующего в \g секцией дежурного магазина, Е.И. Петрякова, заведующая табачной секцией дежурного магазина и ее заместительница А.Н. Лынина, И.К. Лучинская-Степанова – заместитель заведующего бакалейной секцией магазина № 4. Все, кроме Е.Я. Карелиной, являлись членами партии.

Таким образом, средний руководящий состав контор Среднего Поволжья был преимущественно мужским как в количественном отношении, так и относительно важности занимаемых должностей. Так, среди директоров магазином и их заместителей находится только одна женщина, Е.Я. Карелина, которая заведовала ларьком. Заведующих секциями среди женщин также было немного, к тому же в ряде назначений можно усмотреть гендерные стереотипы. Возможно, Е.И. Петрякова и ее заместительница А.Н. Лынина сознательно назначены заведовать табачной секцией, так как это снижало риск кражи товара с целью личного потребления.

В то же время назначения примеры назначения женщин на должности среднего руководящего состава показывают открывшиеся перед ними возможности по вступлению в партию и карьерному росту.

Подводя итоги, можно заключить, что конторы Торгсина Среднего Поволжья, Татарская и Средне-Волжская, в гендерном отношении были преимущественно мужскими. Мужчины-сотрудники преобладали как в количественном отношении, так и в качественном, преимущественно занимая должности высшего и среднего управленческого состава. Данные положения согласуются с выводами Е.А. Осокиной. В то же время стоит заметить, что женщины составляли около одной трети от общего количества работников контор, что представляется значительным. Также обнаруживается случай занятия женщины должности заместителя управляющего конторы, причем ей удалось зарекомендовать себя в качестве инициативного и способного работника. Относительно должностей среднего руководящего состава контор, хотя на них наблюдается доминирование мужчин, женщины там также были представлены. Соответственно, несмотря на отсутствие в Торгсине планов по увеличению количества работающих в его системе женщин, последние внесли свой вклад в деятельность данного объединения.

Библиография

1. ГАРТ. Ф. Р990. Оп. 17. Д. 15.
2. ГАРТ. Ф. Р590. Оп. 1. Д. 4.
3. Коршунова Н.Е., Плотникова В.М. Трансформация государственной политики Советского союза по проблеме положения женщин в социальной и общественно-политической сферах. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 4. С. 55-59.
4. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 448 с.
5. Осокина Е.А. Золото для индустриализации: «ТОРГСИН». М., 2022. 624 с.
6. ЦГАСО. Ф. Р1078. Оп. 1. Д. 20.
7. ЦГАСО. Ф. Р1078. Оп. 1. Д. 3.
8. Шишков В.В., Хорошев С.В. Дискуссионные вопросы концепта «Советской империи». Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 49-62.

Яковлев Александр Евгеньевич, аспирант, ассистент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; Alexander1197@mail.ru

Gender issue in the hr policy of Torgsin offices of the middle Volga region

The article examines the gender issue in the personnel policy of the Torgsin offices in the Middle Volga region (Tatar and Middle Volga). It was found that the gender composition of the employees of the Middle Volga offices was predominantly male, however,

in some cases women could hold high positions in the Torgsin personnel hierarchy. An example of this is the established case of Comrade Patsevich, who held the position of deputy manager of the Middle Volga office, whose work qualities were highly appreciated by the manager of the office.

Keywords: Torgsin, Tatar office, Middle Volga office, gender issue, trade

Yakovlev Aleksandr Evgen'evich, graduate student, assistant, Kazan Federal University, Kazan, Russia; *Alexandr1197@mail.ru*

УДК 321

Иванова М.А.

Трансформация политических элит на постсоветском пространстве: динамика взаимодействия центра и периферии в условиях федеративной модернизации

В статье исследуется трансформация политических элит России после распада СССР в контексте противоречий между централизацией и регионами. На примере Татарстана показано, как советская номенклатура эволюционировала в гибридные элиты, сочетающие вертикаль власти с клановыми сетями. Выделены этапы: фрагментация 1990-х, централизация 2000-х и эрозия автономии (договор 1994 года и его отмена). Унификация имитирует модернизацию, сохраняя клановость через партийные инструменты и ротацию кадров. Татарстан иллюстрирует баланс лояльности центру и локальных интересов. Модель хрупка из-за коррупции, имитации реформ и зависимости регионов, что обнажает риски кризисов в системе «естественнего государства».

Ключевые слова: политические элиты, постсоветская трансформация, централизация власти, клановые сети, федерализм, гибридное управление

Распад СССР в 1991 году стал точкой бифуркации для политических институтов и элит, определив траекторию развития постсоветских государств. В формировании новой федеративной архитектуры России ключевым вызовом стало перераспределение власти между центром и регионами, где элиты выступали как агенты изменений и хранители преемственности. На примере Татарстана выделяются три этапа эволюции: фрагментация 1990-х годов, централизация 2000-х годов и эрозия автономии после отмены договора 1994 года.

В 1990-х годах Татарстан стремился к расширению автономии: в 1992 году принятая Конституция, провозгласившая республику суверенным субъектом международного права, а в 1994 году подписан договор с РФ, закреплявший особый статус и расширявший полномочия. Этот период характеризовался фрагментацией политической системы и укреплением региональных элит из советской номенклатуры в условиях ослабленного центра. В 2000-х годах

с приходом В.В. Путина началась централизация: федеральный центр усиливал вертикаль власти, ограничивая региональные особенности и сокращая автономию Татарстана. Региональные элиты адаптировались, интегрируя свои клановые сети в государственные структуры, сохраняя влияние и ресурсы. Республика утратила исключительные преференции, включая налоговые льготы и контроль над ресурсами. М.Ш. Шаймиев, оставаясь президентом до 2010 года, согласился на замену региональной элиты лояльными Москве кадрами. Под давлением центра Татарстан отказался от части конституционных положений, противоречащих федеральному законодательству.

Ключевой этап эрозии автономии – отмена договора 1994 года: после истечения срока продления в 2017 году республика окончательно интегрирована в общероссийское правовое поле без особых условий. Это символизировало завершение периода особого статуса и усиление контроля центра, который к 2020-м осуществляет ключевые силовые назначения. Судебные процессы над бывшими чиновниками демонстрируют давление на региональные элиты. Тем не менее республика сохраняет элементы автономии через неформальные договоренности. Назначение Р.Н. Минниханова в 2010 году позволило центру сохранить стабильность, постепенно заменяя старую элиту технократами, лояльными Москве. Минниханов вошел в руководство «Единой России» и Президиум Совета при Президенте РФ, что укрепило его лояльность, но ограничило самостоятельность.

Р.Н. Минниханов активно продвигает имидж Татарстана как «мягкой силы» России в мусульманском мире, участвует в саммитах Организации исламского сотрудничества и переговорах с Турцией, Саудовской Аравией и странами Средней Азии, привлекая инвестиции. Татарстан сотрудничает в энергетике, сельском хозяйстве, исламском банкинге и индустрии халяль, обеспечивая экспорт продукции на зарубежные рынки. В 2024 году Казань стала местом проведения саммита БРИКС, подчеркнув стратегическую роль республики в международной политике России. Случай Татарстана демонстрирует, как центр использует формальные (унификация законодательства, централизация фискальной системы, ротация кадров) и неформальные (допущение клановости в обмен на лояльность, символические уступки в культуре) инструменты для интеграции периферии. Это создает устойчивый, но хрупкий баланс: региональные элиты сохраняют ограниченную автономию в рамках, одобренных центром.

Унификация законодательства и административных практик привела к конфликту между общегосударственными стандартами

и региональными потребностями. Например, единые налоговые нормы не учитывают различия между регионами, а жесткая регламентация образовательных программ вызывает напряжение в полиэтнических субъектах, таких как Татарстан.

Политическая модернизация часто сводится к изменениям «на бумаге», не затрагивающим реальные механизмы власти. Это связано с доминированием неформальных институтов: по гипотезе «естественного государства» (Ковалев В.А.) элиты РФ действуют в рамках закрытых договоренностей, где доступ к ресурсам определяется лояльностью, а не правом. Реформы, угрожающие интересам элит, блокируются или подменяются риторикой. Кроме того, региональные элиты, интегрированные в вертикаль через партийные и административные инструменты, саботируют изменения, которые могут подорвать их контроль над ресурсами.

Устойчивость российской модели федерализма зависит от решения ключевых противоречий: между централизацией и гибкостью (жесткая унификация тормозит инновации, а децентрализация воспринимается как угроза) и между клановостью и эффективностью (для борьбы с коррупцией нужна ротация кадров с внешними экспертами, что противоречит логике «вертикали»).

Трансформация политических элит России после распада СССР отражает динамику взаимоотношений центра и регионов, сочетая формальную централизацию с сохранением неформальных клановых структур. На примере Татарстана можно проследить три этапа: децентрализация 1990-х годов, усиление контроля центра 2000-х годов и эрозия автономии после отмены договора 1994 года. Несмотря на внешнюю унификацию, клановые сети адаптировались и встроились в вертикаль власти через партийные и административные механизмы. Система устойчива за счет баланса между лояльностью региона и его интересами, но остается уязвимой из-за коррупции, отсутствия институциональных реформ и зависимости региональных элит от центра. Это подтверждает гипотезу о России как «естественном государстве», где власть основана на неформальных договоренностях элит. Основная задача – адаптировать «клановую систему» к новым внутренним вызовам. Система показала эффективность в ответ на внешние вызовы, но внутренние противоречия могут привести к замедлению развития страны.

Библиография

1. Белов В.В. Социальные факторы трансформации российской элиты // Социология и право. 2011. №3. С. 9–23.
2. Бушуев А.С. Динамика политических процессов в Республике Татарстан в 1994–2020 гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2021. №3. С. 92–103.
3. Гельман В. Тупик авторитарной модернизации // Pro et Contra. 2009. № 5–6. С. 51–61.

4. Елин С.П. Постсоветская элита в ее исторической динамике процесса структуризации // МНКО. 2013. № 5 (42). С. 418–422.
5. Ковалев В.А. Российские регионы и федерализм в ожидании оттепели» // PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 9: Российская политика в региональном измерении / ред. В.Ф. Турковский. Тамбов, 2009. С. 43–56.
6. Ковалев В.А. Изменение правил «игры без правил». Криминал-губернаторы и общество без «открытого доступа» в «естественном государстве» РФ. (гипотеза) // Политическая наука. 2017. № 4. С. 161–176.
7. Ковалев В.А. Проблемы политической модернизации в РФ: федеральные и региональные аспекты // ПРО нпс. 2014. № 1 (13). С. 11–23.
8. Ковалев В.А. [Рец. на:] Губернаторский корпус в условиях трансформации политической системы Российской Федерации / под общ. ред. Я.Г. Ашихминой, П.В. Панова, О.Б. Подвинцева. Пермь, 2014 // ВОЛИТЭКС. 2015. Т. 11, № 4. С. 220–223.
9. Ламажаа Ч.К. Клановость в политической жизни регионов России // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 133–144.
10. Лапина Н.Ю. Трансформация советской политической элиты // Управленческое консультирование. 2005. № 1. С. 112–130.
11. Равьо Ж.-Р. Феномен Татарстана и федеративное строительство в России // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 172–191.
12. Родионов М.А., Волкова Т. А. Ретроспективный анализ формирования и трансформации российских элит // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 3. С. 21–28.

Иванова Мария Александровна, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; *mashaivanovabelova@gmail.com*

Transformation of political elites in the post-soviet space: dynamics of interaction between the center and the periphery in the context of federal modernization

The article examines the transformation of Russia's political elites after the collapse of the USSR in the context of the contradictions between the policy of centralization and the regions. The example of Tatarstan shows how the Soviet nomenclature evolved into hybrid elites combining the vertical of power with clan networks. The following stages are highlighted: fragmentation of the 1990s, centralization of the 2000s, erosion of autonomy (the 1994 treaty and its cancellation). The author believes that unification mimics modernization, preserving cronyism through party tools and personnel rotation. At the same time, Tatarstan illustrates the balance of loyalty to the center and local interests. The fragility of the model is associated with corruption, imitation of reforms, and regional dependence, exposing the risks of crises in the “natural state” system.

Keywords: political elites, post-Soviet transition, centralization, clan networks, federalism, hybrid governance

Ivanova Mariya Aleksandrovna, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; *mashaivanovabelova@gmail.com*

Раздел 3

ИМПЕРСКАЯ ИСТОРИЯ: ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

УДК 94(38)

Бочаров В.В.

Внешняя политика Гиерона Сиракузского: борьба за сохранение державы Дейноменидов

В статье предпринимается попытка понять, что двигало Гиероном Сиракузским в процессе усиления и упрочения влияния его самого как тирана, и Сиракуз как главного города его державы на соседние полисы Сицилии и Италии. В связи с этим рассматриваются взаимоотношения Гиерона с сицилийскими полисами: Акрагантом и Гимерой, а также с итальянскими полисами: Регием, Сибарисом и Кумами. В частности, анализируется влияние личных и более объективных (экономических и политических) мотивов на принимаемые Гиероном решения в отношении соседних городов-государств. Делается вывод о том, что для Гиерона было в первую очередь важно сохранение статуса-кво в регионе подконтрольном державе Дейноменидов.

Ключевые слова: Античная Сицилия, греки-италиоты, Гиерон, Дейномениды, Сиракузы

В своем эссе «Что такое политическая философия?» Лео Штраус пишет, что всякое политическое действие стремится либо к сохранению, либо к изменению [6, р. 10]. Суждение одинаково справедливое как для современной политики, так и для политики прошлого. Однако не всегда можно сказать точно, по какому из этих двух путей шел тот или иной политик. Подобные сомнения справедливы и для военных и дипломатических успехов Гиерона в развитии сиракузской экспансии в Великой Греции.

Победив карфагенян в битве при Гимере и подчинив полисы Сицилии и Южной Италии своей воле, Гелон, старший из сыновей Дейномена, стал основателем державы Дейноменидов. На долю наследовавшего его власть Гиерона (Diod., XI, 38, 3) выпала задача эту державу сохранить.

Смерть Гелона развязала руки соседним тиранам, заключившим в свое время союз именно с ним. Самыми нестабильными ре-

гионами стали Южная Италия и западная часть державы Дейноменидов, т.е. центральная Сицилия.

Сначала обратимся к итальянскому направлению. В 476 г. до н.э. Гиерон отправил своего брата Полизела на помощь Сибарису, осажденному кротонцами (Schol. Pind., Ol., II, 29 b-d; Diod., XI, 48). Полизелу удалось спасти Сибарис (Tim. apud Schol. Pind., Ol., II, 29 d), но от продолжения экспедиции уже для помощи Локрам Эпизефирским, как трактует сообщения Диодора и схолиаста Пиндара (Diod., XI, 48, 5; Schol. Pind., Ol., II, 29 c) М. Ф. Высокий [1, с. 208], он отказался.

Локры были под угрозой вторжения Регия. Тиран Регия Анаксилай, заключивший после блистательной победы сиракузян и их союзников при Гимере в 480 г. до н.э. союз с Гелоном, после смерти старшего из Дейноменидов решил вновь усилить свое влияние в регионе. Однако Гиерон не позволил ему этого сделать, пригрозив через посла, что сам готов вступиться за локрийцев (Schol. Pind., Pyth., II. 36 c). Наступления не последовало – баланс сил был сохранен.

В 467 г. до н.э., когда Регием правил уже Микиф, опекун сыновей Анаксилая, Гиерон призвал тех в Сиракузы и убедил потребовать с Микифа сложения своих полномочий (Diod., XI, 66, 1), что тот и сделал (Ibid., 2–3). Если бы не скорая смерть Гиерона (Ibid. 4) и последовавшие за ней события в Сиракузах, Дейномениды могли бы на долгое время установить контроль над югом Италии.

Следующая экспедиция, созданная на помощь грекам-италиотам, состоялась в 474 г. до н.э. Сиракузский флот успешно защитил Кумы от натиска этрусков (тирренов) (Diod., XI, 51; Pind., Pyth., I, 70–75). Тиррены, в честь которых даже море получило свое название, были важным игроком в средиземноморской торговле, поэтому если Гиерон действительно претендовал на контроль торгового пути, то ему необходимо было проучить их, заручившись поддержкой угнетаемого греческого населения. И хотя дальнейшую экспансию в Италию после Кумской победы он не продолжил, согласно Страбону, по приказу Гиерона были колонизированы Питекуссы в Неаполитанском заливе (Strab., V, 4, 9), ставшие на времена форпостом сиракузского влияния.

М.Ф. Высокий отводит особую роль завоеванию Питекусс, [1, с. 213] и подчеркивает значимость итальянского направления внешней политики Гиерона именно торговыми интересами. А. Моракис же считает, что походы в Италию были нужны Гиерону в большей степени для усиления своего престижа и для того, чтобы приравнять свои заслуги к заслугам Гелона [5, р. 266–267], который тоже заигрывал с городами Апеннинского полуострова (при-

мером тому служит бесплатная доставка хлеба в Рим (Dion. Hal., Ant. Rom., VII, 70, 5; Liv., II, 34, 7). Не делая акцент ни на личных мотивах Гиерона, ни на торговых интересах, Э. Фримен отмечает роль сиракузского тирана в защите городов италиотов как друг от друга, так и от варваров [3, р. 250]. Э. Фримен говорит о свершившемся факте – Гиерон – освободитель италиотов, А. Моракис же пытается реконструировать мотивы тирана.

Сам факт того, что флот Гиерона спас Кумы, но тиран не навязал полису свою волю и не продолжил войну с этрусками за полное господство в регионе, может стать косвенным подтверждением мнения А. Моракиса. Но более красноречиво в его пользу говорит первая Пифийская ода Пиндара, где Кумское сражение ставится в один ряд с Саламинской битвой, сражением при Кифероне (при Платеях) и битвой при Гимере (Pind., Pyth., 1. 70–80). Материальным подтверждением этой победы служили два шлема, этрусский и коринфский, принесенные Гиероном и сиракузянами в дар в Олимпийский храм (IGASMG V 67a–67b). К тому же, по одной из версий, на полученную после этой битвы добычу Гиероном был построен храм Афины на Ортигии, из чего Ф. де Анжелис сделал вывод, что Гиерон использовал культ Афины, чтобы увековечить себя как воина [2, р. 188.]. Что в очередной раз говорит о том, что Гиерон занимался укреплением личной власти в державе.

Изучая последствия италийской политики Гиерона, Э. Миллер из того факта, что сиракузяне и при демократии продолжили экспансию в Италию и боролись с пиратами в Тирренском море (Diod., XI, 88, 4–5), делает довольно странный вывод, что интервенция на северо-запад колонизированной греками части Италии (где находятся Кумы) не зависела от политического режима в Сиракузах [4, р. 402], личные мотивы тирана при подобной трактовке отходят на второй план. Даже если это так, нельзя не отметить, что начало этой интервенции положил Гиерон, дорогу которому прокладывал Гелон.

Сами экспедиции и в Сибарис, и Кумы и даже неосуществленная экспедиция в Локры Эпизефирские были актом помощи полиса-державы полису, который терпел притеснения от более сильного соседа. В этих экспедициях сиракузский тиран выступал третьей силой – он не усилил Кумы и Сибарис, как не усилил бы и Локры, но лишь помог в сохранении статус-кво в регионе и упрочил свою власть в Сиракузах и других подчиненных полисах.

Для того, чтобы мнение о личных мотивах тирана не выглядело столь однозначным, нужно обратиться к сицилийской политике Гиерона. О важности для Гиерона именно сохранения статус-кво по всей протяженности державы Дейноменидов говорят и случаи

неповиновения в Гимере и Акраганте. Первый связан с жестоким правлением в Гимере Фрасидея, сына тирана Акраганта Ферона, у которого в это время скрывался Полизел (Diod., XI, 48, 5; Tim. apud Schol. Pind., Ol., II, 29 d). Гимерцы обратились за помощью в борьбе против Фрасидея и Ферона к Гиерону, который, однако, решил сохранить добрососедские отношения с Фероном и выдал тому планы заговорщиков (Diod., XI, 48, 8). Если этот случай можно связать или с продолжением политики Гелона, или с уважением к старшинству Ферона, то восстание Фрасидея в Акраганте против власти Гиерона и его результаты полностью подтверждают мнение о попытках Гиерона как можно дольше сохранить державу в том положении, в каком ее передал ему Гелон. Фрасидей, восстав против Гиерона, получил сильнейший отпор и был побежден. Акрагантие, установившие в городе демократию (κοινούμενοι τὴν δημοκρατίαν), заключили с Гиероном мир (Diod., XI, 53, 5). Как видно из этого примера, Гиерону было не важно с кем заключать соглашение: с тираном Фероном или с демократическими силами Акраганта, ему было важно то, какое из соглашений сохранит Акрагант и Гимеру под контролем Сиракуз (до смерти Ферона – в союзе с ними).

Гиерон Сиракузский, получивший от Гелона сильную и богатую державу, сумел ее сохранить. Внешняя политика Гиерона в отношении сицилийских полисов за рамки сохранения приобретений старшего брата не выходила. В Южной Италии же Гиерон предпринимал довольно смелые попытки утвердиться на полуострове, но ни Питекуссы не стали долгосрочным форпостом сиракузян, ни Регий не удалось подчинить полностью из-за скорой кончины тирана. Настоящую выгоду политика Гиерона на Апеннинском полуострове и у его берегов принесла только его личной власти, но на следующего тирана Сиракуз Фрасибула эта выгода уже не распространялась.

Библиография

Источники

1. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. Т. II / Пер. с древнегреч., отв. ред. И.Л. Маяк. М., 2005. 274 с.
2. Страбон. География: в 17 кн. / Пер., ст. и комм. Г.А. Стратановского. Л., 1964. 941 с.
3. Тит Ливий. История Рима от основания города. В 3 т. Т. I / Переводы под ред. М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе, В.М. Смирнина. Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1989. 575 с.
4. Diodorus Siculus. Library of History. Vol. IV: Books IX-XII.40 / Translated by C.H. Oldfather. Cambridge, Mass., 1946. 480 p.
5. IGASMG V. Arena R. Iscrizioni greche arcaiche di Sicilia e Magna Grecia. Vol. 5, Iscrizioni di Taranto, Locri Epizefiri, Velia e Siracusa. Alessandria, 1998. 162 p.

6. Pindar. The Complete Odes / Translated by A. Verity. Oxford, 2007. 186 p.
7. Scholia vetera in Pindari carmina. Vol. I: Scholia in Olympionicas. Lipsiae, 1997. 395 p.
8. Scholia vetera in Pindari carmina. Vol. II: Scholia in Pythonicas. Lipsiae, 1909. 270 p.

Литература

1. Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху (ранняя греческая тирания конца VII – середины V вв. до н.э.). М., 2014. 573 с.
2. De Angelis F. Archaic and Classical Greek Sicily. A Social and Economic History. Oxford, 2016. 437 p.
3. Freeman E.A. The History of Sicily from the Earliest Times. Vol. II. Oxford, 1891. 583 p.
4. Miller A. Anatomy of a Polis-system: Magna Graecia during the Archaic Period. Vol. 2. Master of Arts. University of Tasmania, 1999. P. 274–499.
5. Morakis A. The Fleet of Syracuse (480–413 BC) // Historika. Studi di storia greca e romana. 2015. Vol. V. P. 263–276.
6. Strauss L. What is Political Philosophy? // What is Political Philosophy? and Other Studies. Glencoe, Illinois, 1959. P. 9–55.

Бочаров Всеволод Витальевич, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; seva.bocharov.02@mail.ru

The foreign policy of Hieron of Syracuse: the struggle for the preservation of the Deinomenid empire

The article attempts to understand what motivated Hiero of Syracuse in the process of strengthening and consolidating his own influence, and the influence of Syracuse as the main city of his power on Sicily. In this regard, the relationship of Hiero with the Sicilian poleis (Akragas and Himera), as well as with the Italian poleis (Rhegion, Sybaris, and Cumae) is considered. In particular, the influence of personal and more objective (economic and political) motives on the decisions made by Hiero in relation to neighboring city-states is analyzed. It is concluded that for Hiero it was primarily important to maintain the status quo in the region controlled by the Deinomenid empire.

Keywords: Ancient Sicily, Italiotes, Hiero, Deinomenides, Syracuse

Bocharov Vsevolod Vital'evich, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; seva.bocharov.02@mail.ru

УДК 94 (37).03

Шмелева Л.М.

Рим и Латинский союз в V – IV вв. до н.э.: изменения во взаимоотношениях

В статье рассматривается проблема взаимоотношений Рима и Латинского союза в V–IV веках до н.э. В начале V в. до н.э. латины и Рим находились в состоянии войны, одержанная римлянами победа при Регильском озере привела к подтверждению старого договора, а затем и к заключению в 493 г. до н.э. нового, который определял взаимоотношения между Римом и Латинским союзом до IV в. до н.э.

После галльского нашествия 390 г. до н.э. отношения вновь становятся конфликтными. Кроме военного решения вопроса о подчинении латинских общин римляне стали использовать и другие методы: дарование прав римского гражданства, выведение колоний на территории Лация. Латины предпринимают несколько попыток освободиться от римского влияния. Однако все они в конечном итоге оказались неудачны. Последний крупный военный конфликт между Римом и латинскими общинами происходил в 340–338 гг. до н.э. Рим одержал победу в этой войне, Латинский союз был распущен, а римляне заключили соглашения с каждой *civitas* в отдельности. Можно сказать, что такой исход борьбы между латинами и Римом привел к формированию новой внешней политики и стало поворотным пунктом в Римской истории.

Ключевые слова: Древний Рим, Латинский союз, галльское нашествие, Лация, *foedus Cassianum*

Усиление влияния Рима в регионе происходит в царствование последнего римского царя Тарквания Гордого, о чем свидетельствует возможность римского царя созывать собрания в Ферентинской роще, а также римско-карфагенский договор 509 г. до н.э., заключенный первыми консулами, но, по мнению большинства исследователей, подготовленного именно в правление Тарквания Гордого [1, с. 524; 12, р.30–31; 21, р. 7]. Тогда же было создано общее войско из римлян и латинов с выборным командованием, но в источниках сохранились лишь римляне. Конфликты между общинами Лация должны были решаться мирным путем на общих собраниях (*Dion. Hall. IV. 26. 3; Liv. I. 52. 6*) [19, р. 204].

Однако усиление других общин Лация, например, Ариции и Тускула, приводит к тому, что латинские общины стараются выйти из-под власти Рима и образовывают новый союз. Религиозными центрами были выбраны святилища Дианы в Неми и Корне, так как в этих центрах Рим не играл существенной роли и, соответственно не мог претендовать на установление своей гегемонии [15]. Главенствующую роль в новом объединении играл Тускул [6, с. 128–129; 8, р. 53–55]. Однако в этот период местом сбора латинов по-прежнему оставалась Ферентинская роща, где, по сообщению Дионисия Галикарнасского, латины и приняли решение о войне с Римом (*Dion. Hall. V. 61. 1–2*). Инициатором принятия такого решения Дионисий называл Тарквания Гордого и правителя Тускула Октавия Мамилия. Возможно, что на принятие решения латинами повлияли и изменения в политической жизни Рима – установление Республики и изгнание Тарквания Гордого, так как латины могли воспринимать гегемонию Рима как личную власть римского царя. Для Рима это означало потерю гегемонии в Лации. Тем более что новый договор между Римом и царем Клузия Порсеной ограничивал завоевательные возможности Рима (*Liv. II. 10–*

14; Dion. Hall. IV. 22–34; Plut. *Popl.* 16-19; *De mul. Virt.* 13; Plin. *N.H.* XXXIV. 139; Tat. *Hist.* 3.72] [7, с. 130; 8, р. 73; 19, р. 255].

Рим достаточно быстро стал восстанавливать свое влияние в Лации. Так, Дионисий Галикарнасский сообщал, что римляне взяли Фидены и Крустумерию (Dion. Hall. VI. 60), а Ливий писал о добровольном переходе Пренеста на сторону Рима (Liv. II. 19.2) [16, р. 422]. Такие действия Рима означали возвращение к политической подчинения Лация, что привело к военному столкновению римлян и латинов (Dion. Hall. V. 61.1–2). Решающее сражение состоялось у Регильского озера в 499 г. до н.э. (по Ливию) (Liv. II. 19–20) или в 496 г. до н.э. (по Дионисию) (Dion. Hall. VI. 3–21). Р.М. Огилви называет Рим агрессором, так как Регильское озеро находилось на территории Тускула, что еще раз подтверждает важность подчинения Лация и установления там своей гегемонии для Рима в начале V в. до н.э. [19, р. 286]. Римляне одержали победу в этой битве, после чего был подтвержден старый договор (Dion. Hall. VI. 21. 2). Однако это не привело к окончательному урегулированию конфликта.

Экспансия эквов и вольсков на земли Лация и его соседей привела к заключению между латинскими общинами и Римом нового договора в 493 г. до н.э. (*foedus Cassianum*), который отражал произошедшие изменения в отношениях между Римом и латинскими городами, а также новое международное положение Рима (Liv. II. 33.4; Dion. Hall. VI. 95. 1–2; Cic. *Balb.* 23,53; Fest 166 L) [12, р. 38]. Этот договор стабилизировал римско-латинские отношения на весь V в. до н.э.

По условиям нового договора латинские общины сохранили свою самостоятельность и возможность заключать двухсторонние соглашения между собой и с Римом [8, р. 111–122; 11, р. 261s]. Во главе союза сначала стоял диктатор, а затем преторы, в функции которых входило также командование союзными войсками. Должности эти были выборными, а значит Рим мог руководить войсками и через свои колонии, которые также входили в союз (Liv. VIII. 3.9) [9, р. 128–129; 21]. Это также позволяло использовать силы латинских общин для дальнейших завоеваний.

Разрешение кризиса в отношениях между Римом и латинскими общинами способствовало расширению контактов: культурных, политических, экономических, что в свою очередь способствовало проникновению римского политического и правового опыта в латинский мир, а латинского в Рим (об этом, в частности, говорят названия должностей в Риме, латинских городах и общесоюзных) [9, р. 133]. В юридическом плане на основе *foedus Cassianum* и разрешения спорных вопросов между римлянами и латинами стало

формироваться преторское право, которое не регламентировалось жреческими коллегиями, часть норм договора вошла в Законы XII таблиц, как считает Л.Л. Кофанов (*XII tab. II.2; XII tab. VI.4 etc*) [3, с. 343].

Обострение отношений между римлянами и латинами произошло после галльского нашествия 390 г. до н.э. Союз Рима и Латинских общин, заключенный в 493 г. до н.э., распадается (*Liv. VI. 13. 8; 21. 9; 22.4; VII. 9. 1–2*) [8, р. 364–365, 406–407; 13, р. 306, 322–323; 17, р. 358]. И хотя часть общин сохранила верность союзническим отношениям [13, р. 322], Риму снова пришлось восстанавливать свою гегемонию в Лации и в ближайших землях. В этот период восстановление гегемонии шло не только военным путем, но и выведением колоний и дарованием прав гражданства.

Выведение колоний было прекрасным средством держать территории в подчинении, так как жители колоний представляли собой фактически римские воинские контингенты на враждебной или могущей стать таковой территории. Колонисты получали права римских или латинских граждан. В 80-х годах IV в были основаны четыре «латинские колонии»: две в южной Эtrурии (Сутрий и Непете в 383 г.) и две на территории вольсков (Сатрик в 385 г. и Сетия в 382 г.).

Дарование прав римского гражданства должно было внести раскол в некогда единые ряды римских союзников, так как некоторые из итальянских общин, прежде всего, латинских, получили более привилегированное положение по сравнению с другими. Первой общиной, которая получила права полного римского гражданства, был Тускул (381 г. до н.э.) (*Liv. VI. 26.8*) [2, с. 160; 13, р. 323; 14, р. 257; 17, р. 357], дарование ему прав римского гражданства фактически выводило общину из Латинского союза, тем самым существенно ослабляя его. Тускул стал первой римской муниципией (*Cic. Planc. 19*). Корнелий пишет о захвате Тускула Римом, так как город был окружен римскими владениями, обращая внимание на то, что в этот период (IV в. до н.э.) статус и значение термина «муниципия» не было определено, а позднее стало стандартным термином для обозначения любой общины, включенной в римское государство как самоуправляющаяся единица римских граждан, поэтому предлагает считать дарование прав римского гражданства Тускулу не щедростью, как это представлено в источниках, а завуалированным захватом, так как в IV в. до н.э. статус римского гражданина на был еще привлекателен для латинов [13, р. 323]. Отсюда и присоединение к восстанию латинов в 340 г. до н.э. и неоднократные попытки латинов отделить Тускул от Рима (*Liv. VI. 36. 1–6. – 370 г. до н.э.*) [13, р. 323; 14, р. 257; 17, р. 357].

В дальнейшем эту меру римляне активно использовали по отношению к латинским союзникам. Но все же основным средством восстановления своей гегемонии в регионе Рим видел войну.

В конце 80-х годов IV в. до н.э. сдались Пренест и Велитры, что было вызвано наступлением Рима на земли плодородной Помтинской равнины и угрожало интересам латинских городов (Liv. VI. 30.8) [17, р. 356–357, 573–574]. Были успешными и военные действия против Тибура (Liv. VII. 11–12) [17, р. 151]. Однако в источниках не упоминаются другие города латинов, которые выступили против Рима после галльского нашествия, что дает основания предположить, что стороны не были заинтересованы в сохранении союза [13, р. 322; 17, р. 356–357, 573–574; 21, р. 14–15].

Новый договор, на новых условиях, был заключен в 358 г. до н.э. под давлением галльской угрозы (Liv. VII. 12.7–8; Pol. 2.18.5) [13, р. 324; 17, р. 5]. Корнелл считает, что новые соглашения с латинами и герниками были заключены на более выгодных для Рима условиях, чем *foedus Cassianum* [13, р. 324]. Корнелл обращает внимание на то, что при заключении договора латины должны были согласиться на оккупацию римлянами Помтинской области, а герники уступить часть своей территории для римских граждан [13, р. 324]. По мнению С.И. Ковалева, «вряд ли договор 358 г. был механическим повторением документа 493 г. до н.э., ... маловероятно, чтобы при новой ситуации, изменившейся не в пользу латинов, Рим согласился на прежнее равноправие сторон. По-видимому, в договор были внесены какие-то пункты, закреплявшие руководящую роль Рима в латинском союзе» [2, с. 163], однако имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют проследить изменения в тексте договора. Соглашение продолжало действовать до 340 г. до н.э.

Следующая фаза противостояния Рима и Латинского союза относится к 40-м годам IV в. до н.э., когда латины отказались подчиняться римлянам и поставлять контингенты в армию, несмотря на галльскую угрозу (Liv. VIII. 25. 5–6) [18, р. 13–15]. И в 343 г. до н.э., во время самнитской войны, латины также планировали напасть на Рим, однако известия о римских победах нарушило этот план, и латины напали на Пелигни (Liv. VII. 38.1). В тоже время мы можем сказать о том, что со стороны других народов Центральной Италии отношения между Римом и латинами выглядели как подчинение последних власти Рима. Об этом говорит ситуация с самнитами в 341 г. до н.э., когда был заключен мирный договор между Римом и Самнитской федерацией, однако латины и кампандцы двинулись против самнитов в ответ на обращение к ним сидицинов, что возмутило самнитов. Они отправили послов в Рим,

посольство просило приказать латинам и кампанцам «раз они находятся под покровительством римлян» не воевать против самнитов, «а в случае неповиновения принудить к этому силой оружия» (Liv. VIII. 2.11). Римский сенат дал неоднозначный ответ, так как не хотел признать перед самнитами, что римляне не могут контролировать латинские города, к тому же союз Рима и латинских общин был основан на равноправии, а это не запрещало им вести войну с кем они пожелают (Liv. VIII. 2. 12–13). В то же время сенат обещал принудить кампанцев не нападать на самнитов, так как договор с ними был заключен на других условиях, а именно на условиях безоговорочной сдачи.

Накопившиеся противоречия между Римом и латинами вылились в полномасштабную войну в 340 г. до н.э., когда римляне отвергли все требования латинских общин: включение латинов в состав римского гражданства, избрание одного консула из латинов, ввести в сенат представителей от латинских общин, участие в разделе добычи и завоеванных земель (Liv. VIII. 3–6) [13, р. 322–323].

В военном конфликте (340–338 гг. до н.э., Вторая Латинская война) участвовали как древние города Лация, так и латинские колонии. В этой войне Латинский союз в этот период возглавлялся представителями Цирцеи и Сетия – римских колоний. Ливий не приводит отдельного списка городов, которые участвовали в военных действиях, но в ходе описания войны и связанных с ней событий упоминает следующие города и колонии Тускул (Liv. VIII. 7. 2), Пед, Тибур, Пренест, Велитры, Ланувий, Антий (Liv. VIII. 12.7), Ариция, Велитры (Liv. VIII. 13. 5–6), Лавиний (Liv. VIII. 11.3). Такая избирательность может указывать на тот факт, что данное выступление на деле было поддержано не всеми латинскими городами [22, р. 56]. Это выступление было неудачным для латинов. Они были вынуждены признать победу Рима.

В последующем мирном урегулировании Рим прямо аннексировал некоторые латинские общинны, в то время как другие оставались автономными, однако Латинский союз был распущен. Вместо этого латинские города были связаны с Римом отдельными двусторонними договорами. Статус каждой общинны был определен римским сенатом в соответствии с той позицией, которую занимала та или иная община в Латинской войне (Liv. VIII. 14. 2–3, 10) [4, с. 41; 13, р. 348].

На положении союзников особого ранга (латинские союзники) оказались те общинны, которые ранее не входили в Арицийскую федерацию. Их особое положение можно объяснить значением Лация для Рима, исконными связями гостеприимства и родства [4, с. 72]. Эти общинны удержали за собой *ius conubii*, *ius commercii*,

ius migrationis, а также право участвовать в основании колоний латинского права.

Этим было положено начало формированию римско-италийского союза, а созданная римлянами система альянсов обеспечивала ресурсы для экспансии и интеграцию в единое пространство союзников и завоеванных [20, р. 49]. По мнению De Sanctis, это событие (ротпуск Латинского союза и создание системы альянсов) было поворотным пунктом в Римской истории [13, р. 348].

Таким образом, в начале V в. до н.э. латины и Рим заключили равноправный договор о союзе, который продержался до галльского нашествия 390 г. до н.э. Однако к этому времени политика Рима в отношении союзников значительно изменилась. Изменилось также отношение латинов к союзу с Римом. Латины требовали соблюдения равноправия на деле, учета их интересов, что мы видим в источниках в виде предъявляемых латинами требований в римском сенате. Договориться стороны не смогли, и выходом стало очередное противостояние. После него мы видим уже не союз Рима и латинов, а союз Рима с отдельными *civitas* Лация, где часть общин получила уравнение прав с римскими гражданами, а часть стала латинскими союзниками, с сохранением части прав в отношении друг друга и римской общинны.

Военное противостояние 340–338 гг. до н.э. привело к окончательному подчинению Лация власти Рима. При этом Латинский союз фактически был расформирован. С этого момента Рим стал гораздо в более широком масштабе использовать ресурсы союзников и зависимых общин для дальнейших завоеваний, которые теперь были нацелены на Центральную Италию.

Можно сказать, что такой исход борьбы между латинами и Римом привел к формированию новой внешней политики и стало поворотным пунктом в Римской истории. То есть завоевание Лация – это начало пути к построению Империи.

Библиография

1. Залесский Н.Н. Эtrуски и Карфаген // Древний мир: сборник статей в честь академика В.В. Струве. М., 1962. С. 520–526.
2. Ковалев С.И. История Рима. Курс лекций. Л., 1986. 742 с.
3. Кофанов Л.Л. *Lex и ius*: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М., 2006. 574 с.
4. Маяк И.Л. Взаимоотношения Рима и италийцев в III–II вв. до н.э. (до гракханского движения). М., 1971. 159 с.
5. Мосолкин А.В. Прекрасный мыс и датировка первого римско-карфагенского договора // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбэнка (Казань, 9–11 декабря 2009 г.) / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2009. С. 30–38.

6. Циркин Ю.Б. Первый римско-карфагенский договор // Пунические войны: история великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном: коллективная монография / Науч. ред. О.Л. Габелько, А.В. Короленков. СПб., 2017. С. 125–142.
7. Шифман И.Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.; Л., 1963. 106 с.
8. Alföldi A. Early Rome and Latins. Michigan, 1965. 434 p.
9. Ampolo Carmine. Roma arcaica ed i Latini nel V secolo // Crise et transformation des sociétés archaïques de l'Italie antique au Ve siècle av. JC. Actes de la table ronde de Rome (19–21 novembre 1987), Rome, 1990. P. 117–133.
10. Ampolo C. Un supplizio arcaico: l'uccisione di Turnus Herdonius // Du châtiment dans la cité. Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique. Table ronde de Rome (9–11 novembre 1982), Rome, 1984. P. 91–96.
11. Catalano P. Linee del sistema sovrannazionale romano. Torino, 1965. 318 p.
12. Chiabà M. Roma e le priscae Latinae coloniae: ricerche sulla colonizzazione del Lazio dalla costituzione della repubblica alla guerra Latina. Trieste, 2011. XX, 242 p.
13. Cornell T.J. The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze age to the Punic wars (c. 1000–264 BC). London; New-York, 1995. 507 p.
14. Forsythe G. A Critical History of Early Rome: From prehistory to the First Punic War. London, 2005. 416 p.
15. Green C.M.C. Roman Religion and the Cult of Diana at Aricia. Cambridge, 2007. 347 p.
16. Martinez-Pinna Jorge. Observaciones sobre el origen de la liga Latina // Mediterraneo antico. 2012. Vol. XV. 1-2. P. 411–424.
17. Oakley S.P. A Commentary on Livy Books VI–X. Vol. I. Book VI. Oxford; New York, 1997. 799 p.
18. Oakley S.P. A Commentary on Livy Books VI–X. Vol. II. Books VII–VIII. Oxford; New York, 1998. 866 p.
19. Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books I–V. Oxford, 1965. 776 p.
20. Rawlings L. Army and Battle During the Conquest of Italy (350–264 BC) // A Companion to the Roman army. Oxford, 2007. P. 45–62.
21. Rich J. Warfare and the Army in Early Rome // A companion to the Roman army. Oxford, 2007. P. 7–23.
22. Sánchez P. Latini id est foederati: Le Statutjuridique des colonies latines sous la République // Athenaeum. 2016. 104. P. 50–82.

Шмелева Людмила Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; procella@rambler.ru

Rome and the Latin league in the V–IV centuries bc: changes in relations

The article examines the problem of the relationship between Rome and the Latin Union in the 5th–4th centuries BC. At the beginning of the 5th century BC, the Latins and Rome were at war. The victory of the Romans at Lake Regil led to the confirmation of the old treaty, and then to the conclusion of a new one in 493 BC, which determined the relationship Relations between Rome and the Latin League before the fourth century BC. After the Gallic invasion of 390 BC became conflictual again. In addition to the military solution of the issue of subjugation of the Latin communities, the Romans began to use other methods: granting the rights of Roman citizenship, the withdrawal of colonies on the territory of Latium. Latins are making several attempts to free themselves from Roman influence. However, all of them ultimately proved unsuccessful. The last major military conflict between Rome and the Latin communities took place in 340–338 BC. Rome

won this war, the Latin League was dissolved, and the Romans concluded agreements with each civitas separately. It can be said that this outcome of the struggle between the Latins and Rome led to the formation of a new foreign policy and became a turning point in Roman history.

Keywords: Ancient Rome, Latin League, Gallic invasion, Latium, foedus Cassianum

Shmeleva Liudmila Mihajlovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; procella@rambler.ru

УДК 94 (37)

Качан С.А.

Победоносный образ императора в римском Египте

В статье рассматривает победоносный образ римского императора. Несмотря на то, что в храмовых центрах в римском Египте стали реже появляться сцены, изображающие императора в образе египетского фараона, который поражает своих врагов, сохранились два вида сцен, в которых императоры проникают врага – крокодила или антропоморфную небольшую фигуру, символизирующую чужака. Победоносный образ римского правителя в образе Хора отображался в греческой и египетской титулature, связанные с защитой Египта и завоевательными войнами, через которые император приносит цивилизованный образ жизни и Pax Romana. Завоевание Египта Октавианом Августом воспринималось как освобождение долины реки Нил от власти Птолемеев, которые вели несправедливую политику, а сам первый император почитался как Зевс Элевтерий (освободитель), образ которого переплетался с Хором. Победоносный образ императора из храмовых центров инкорпорировался в частные культовые практики, в ходе которых создавались изображения императора, повержающего врагов, либо египетским богам – Хору, Анубису и Апису – придавались римские иконографические черты.

Ключевые слова: римский императорский культ, Октавиан Август, Pax Romana, империя, Хор, Анубис, Апис, римский Египет

В результате установления единоличной власти Октавиана Августа в Римской державе и ее территориальной экспансии на Восток появилась проблема легитимизации власти императора в подчиненных провинциях. В Малой Азии этой цели служили императорские храмы – Себастионы, в которых правитель Рима почтится как theos synnaos вместе с традиционными богами. В Анкире и Афродисиаде в этих храмах, наряду с образом Октавиана Августа, были представлены изображения аллегорий покоренных народов, которые демонстрировали тщетность восстания против власти правителя Рима [22, р. 73]. Победоносный образ Октавиана Августа, инкорпорированный в традиционные храмы Малой Азии, показывал, что, подчинив народы востока Римской державы, он получил покровительство местных божеств и в сознании

местного населения его победы связаны с переходом богов на сторону римлян [5, р. XII]. В то же время в римском Египте происходило почти полное исчезновение храмовых сцен, которые представляли римского императора в образе египетского фараона, повергающего своих врагов, что стало следствием пересмотра идеи об императоре как защитнике Египта [19, р. 232]. Такие храмовые рельефы, изображающие Октавиана Августа, Тиберия и Траяна, представлены только тремя случаями в Филах и Эсне [11, р. 476–479]. Хотя со временем Нового царства образ фараона, повергающего своих врагов [17, III. Bl. 61], был проявлением могущества египетского правителя, который устанавливает справедливый порядок вещей – «Маат».

Итак, в этом исследовании будут рассмотрены следующие проблемы: какие формы репрезентации власти могли появиться в римском Египте, передававшие победоносный образ императора в условиях, когда правители Рима фактически отсутствовали в долине реки Нил и исчезали храмовые рельефы с изображением императора, повергающего врагов; как эти формы могли способствовать продвижению Pax Romana и легитимизации власти владыки Рима в долине реки Нил.

Во времена правления Августа в Египте появляется неофициальная греческая титулатура, которой египетские писцы наделяли римского правителя – (αἴττητος / αίνικητος) «непобедимый» [15, р. 107–110]. Так, в примечании на письмо Октавиана Августа, датируемое 10–9 г. до н.э., к Александрийцам первый император назван (Καῖσαρ ἀνείκητε ἥρως) «Цезарь, непобедимый герой» (P. Oxy. 3020.1) [8, Р. 190. № 555]. Образ непобедимого героя мог сочетаться с образом Хора-Аполлона, который совершил завоевательный поход (Diod. I. 17.3) и, наряду с Осирисом, нес благоустройство и цивилизованный образ жизни (Diod. I. 20.3). Это представление сочеталось с идеей об Августе как защитнике Египта и завоевателе всей ойкумены, что отражается в Хоровом имени императора: (nḥ Hr-R' t̄m³- ḥwy h̄s.wt wr ph.ty nḥt B̄k.t) «Да живет Хор-Ра, чья длань сильна, побивающий иностранные земли, великий монстр, защищающий Египет» (14, S. 413–414. Н2-3. Храм Опет).

Захват Октавианом Августом Египта рассматривалось как освобождение из-под власти Клеопатры и Антония, которые проявляли черты нечестивых правителей (Dio Cass. II. 15. 1-4). И именно первый император смог восстановить справедливый порядок вещей после нечестивой династии Птолемеев: «Таков он: дал свободу (ἐλευθερίαν) всем городам, привел хаос к порядку (τὴν ἀταξίαν εἰς τάξιν ἀγαγόν), укротил враждебные и дикие народы, обустроив их жизнь» (Philo. Leg. 147). Как освободитель и устрои-

Итак, победоносный образ Октавиана Августа отражался в неофициальной титулатуре, которую создавали египетские писцы и которая называла императора «непобедимым героем». Этот образ был связан с образом Хора-Аполлона, совершившего завоевательный поход с целью установления цивилизованного образа жизни. Сам император, включавший черты Хора, устанавливает *Pax Romana* в долине реки Нил. Завоевание Египта Октавианом

Августом в образе Зевса Элевтерия связывалось с освобождением долины реки Нил от власти нечестивой династии Птолемеев и установлением справедливости и порядка – образы, которые имели параллели в Италии. Черты победоносного Хора-Аполлона и Зевса Элевтерия (освободителя) сочетались в образе первого императора, который, согласно Хорову имени правителя, включал в свой образ черты Хора и Ра (‘nb Hr-R) «Да живет Хор-Ра»), отождествляемого в Египте с Зевсом / Юпитером. Образ Зевса Элевтерия, связанный с императором Августом, стал образцом для обожествления последующих императоров (в частности, Нерона) и являлся формой *Imitatio Augusti* образа римских правителей.

Как земное воплощение бога Хора римский император в храмах Египта изображался в образе победителя крокодила, которого правитель в одеянии египетского фараона протыкает копьем и который символизировал силы зла и воплощение бога Сета. Это храмовое изображение демонстрировала в правителе его способность устанавливать справедливый порядок вещей и провозглашала императора «Новым Хором», сыном Исицы и Осириса [1, с. 299–300; 2, 78–79]. В похожем образе был представлен император Адриан, попирающий крокодила, на Александрийских монетах (130–131 или 134–136 гг.) [18, р. 30–31, 33, Fig.1]. Изображение крокодила, который подавляется римским правителем, мог вызывать в памяти победоносный образ императора Августа, который гордо заявил: (Aegyptum imperio populi Romani adieci) «Египет власти римского народа я подчинил» (RG. 27.1). Также император выпустил монеты: на аверсе изображена голова Октавиана Августа, на реверсе – крокодил (легенда – AEGYPTO CAPTA) [13, р. 18]. Изображение Адриана, попирающего крокодила, уходило таким образом корнями в аналогичные храмовые изображения и были проявлением *Imitatio Augusti* [1, с. 300].

К изображениям императора, протыкающего крокодила, примыкают образы повержения врагов в храме в Филах, где представлен на двух рельефах император Тиберий в образе египетского фараона, протыкающего копьем небольшую антропоморфную фигуру врага [17, IV. Bl. 74b; 75d]. Примечательно, что в обоих случаях император стоит перед фигурой, восседающей на троне и являющейся фараоном. Одно из изображений этой фигуры сопровождается надписью (pr ‘nb Hr pw s3 Is.t jw’t mn3 prj m Is.t k3 n3t h3j-f rkj-f) «фараон, это Хор, сын Исицы, наследник превосходный, выходящий из Исицы, бык сильный, низложил он врагов своих» [17, IV. 75d]. Появление сцен протыкания правителем врагов при помощи копья в храмах Египта во времена господства Птолемеев и римлян стало продолжением давней традиции, идущей со времен Нового

царства, изображать победоносного царя, который побеждает своих врагов. При этом образ копья мог стать проявлением влияния эллинистических традиций, представляющих правителя в образе всадника, поражающего врага [11, р. 437].

В храме в Филах Тиберий изображался в образе египетского фараона, который одной рукой держит группу врагов, а другой – бьет их булавой [17, IV. 74c]. Это изображение напоминает терракотовую статуэтку времени правления Адриана из ГМИИ имени А.С. Пушкина, которая изображает бородатую фигуру императора, который одной рукой держит врага, а другой – меч (Инв. I. 1a. 2741). Это статуэтка демонстрирует императорский триумф и является романизированным вариантом традиционного древнеегипетского сюжета [4, с. 224-225] – побивания врагов правителем. Иконографически похожая статуэтка представлена в Городском музее Ливерпуля. Но, как считает М. Бергманн, эта статуэтка не является изображением императора, поражающего варвара, а образом воинственного божества в римской униформе, отдельные иконографические черты которого – короткие вьющиеся волосы и борода – соответствуют греческому типу [7, S. 19. Abb. 9d]. Но и иконография ливерпульской статуэтки, испытавшая влияние образа римского воина, указывает на ее связь с римским владычеством и также напоминает традиционный храмовый образ поражения врагов египетским правителем. Итак, в условиях, когда традиционные изображения поражения врагов исчезали в римское время с храмовых рельефов, эти образы переносились в частные культовые практики. Это было связано с желанием местного населения инкорпорировать римского правителя египетскую религиозную систему и без которого немыслимо было поддержание справедливого порядка вещей – «Маат».

Победоносный образ императора мог отражаться в статуэтках египетских божеств в римской униформе. Изображение антропоморфного Анубиса, восседающего на коне, в короне царя Верхнего и Нижнего Египта в римской униформе (правая рука поднята вверх, вероятно, держащая копье) (Луврский музей. Инв. № E17410) [24, р. 144. Fig. 12] находит параллель в изображении бога Хора-всадника, представленного в схожей иконографии и поражающего крокодила (Луврский Музей. Инв. № X5130) [1, рис. 7]. Изображения победоносных божеств-всадников в римской униформе могли появиться под влиянием эллинистических традиций изображения правителей-всадников, поражающих своих врагов, а также под влиянием египетских храмовых рельефов, представляющих римских императоров, проникающих копьем врага.

Статуэтки антропоморфного Хора в римской броне, который поднимает правую руку вверх (вероятно, держит копье), стоит, левая нога выдвинута вперед, на которую божество опирается, на голове корона царя Верхнего и Нижнего Египта (ГМИИ имени А.С. Пушкина. Инв. № I, 1а 2985; I, 1а 2794), также обнаруживает параллель в иконографии антропоморфного Анубиса со схожими чертами (но на голове у божества солнечный диск) (ГМИИ имени А.С. Пушкина. Инв. №I, 1а 6667) [3, с. 225-226]. Со схожими иконографическими чертами представлен бог Апис-imperator, который поднимает правую руку, как бы приветствуя легионы [16, р. 371. Fig. 11]. Образцом для этих статуэток могла выступать статуя Августа из Прима Порты, появление которой символизировало новую идеологию принципата, связанную с торжеством мира, безопасности и процветания, наступивших после десятилетий гражданских войн [20, р. 174. Fig. IV. 15a-15b]. В римское время божественная власть была копией власти императорской, поэтому появлялись статуэтки египетских божеств с императорскими чертами, в том числе, Аписа, который как бы обращается к солдатам с жестом *adlocutio*, поднимая правую руку вверх [23, р. 422], что обнаруживается в иконографии императора Августа.

Итак, победоносный образ императора в Египте обнаруживается в традиционных храмах, в которых римский правитель держит копье, поражающее врагов – небольших антропоморфных фигур или крокодилов. Несмотря на то, что сцены поражения врагов исчезали в храмах, египетское население переносило эти образы в частные религиозные практики, изображая римского правителя в статуэтках как победителя врагов. Победоносный образ императора отражался в греческой и египетской титулатуре римского правителя и тесно переплетался с идеями защиты, завоевательных войн, которые несут цивилизованный образ жизни и *Pax Romana*. Завоевание Египта Октавианом Августом рассматривалось как освобождение от кризисного периода правления Птолемеев, когда не было порядка и торжествовала несправедливость, а сам римский правитель объявлялся освободителем в образе Зевса Элевтерия, тесно связанного с образом бога Хора, сына Исиды и Осириса. Победоносный образ императора также проявился в изображениях Анубиса, Хора и Аписа, что являлось воплощением идеи о том, что эти божества поглощают личность императора [3] и что Египтом на самом деле правят египетские боги [1].

Библиография

1. Качан С.А. Римский император в образе египетских богов в изображениях и текстах // *Via in tempore. История. Политология.* 2024. № 51 (2). С. 297–308.

2. Качан С.А. Император в образе Хора: продолжающиеся традиции и греко-римские влияния в поклонении правителю в Римском Египте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2020. № 1. С. 76–98.
3. Ладынин И.А. Хор и другие египетские божества в обличье римских воинов: к возможной интерпретации // Восток (Oriens). 2023. № 5. С. 224–235.
4. Обухов С.В. Терракотовая статуэтка, изображающая триумф римского императора, из коллекции В.С. Голенищева (ГМИИ им. А.С. Пушкина) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 1. С. 220–227.
5. Ando C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley, Los Angeles, London, 2000.
6. Barbagli N. Faraoni Romani Rappresentazioni del potere imperiale in Egitto da Augusto a Domiziano. PhD Thesis. Pisa, 2021.
7. Bergmann M. Stile und Ikonographien im kaiserzeitlichen Ägypten // Tradition and Transformation. Egypt under Roman Rule / Proceedings of the International Conference, Hildesheim, Roemer- and Pelizaeus-Museum, 3–6 July 2008 / Ed. By K. Lembke, M. Minas-Nerpel, S. Pfeiffer. Leiden, 2010. P. 1–36.
8. Braund D.C. Augustus to Nero: A Sourcebook on Roman History, 31 BC–AD 68. Michigan, 1985.
9. Bremer J.M. Augustus and the Lord of Actium: A hymnic epigram of the 1st century // Hymnes de la grèce antique: approches littéraires et historiques. Actes du colloque international de Lyon, 19–20 juin, 2008 / Ed. by R. Bouchon, P. Brillet-Dubois, N. Le Meur-Weissman. Lyon, 2012. P. 151–166.
10. Camia F. Which relationship between Greek Gods and Roman Emperors? The cultic implications of the “assimilation” of Emperors to Gods in mainland Greece // Arys. 2018. № 16. P. 105–137.
11. Coppens F. The Ptolemaic Basileus and the Roman Emperor Slaying the Enemies of Egypt. The *sm'sb/ḥftyw/ḥswt/stt* Ritual Scene in Context // Continuity, Discontinuity and Change Perspectives from the New Kingdom to the Roman Era / Ed. F. Coppens. Prague, 2021. P. 405–490.
12. Galinsky K. Augustan culture: an interpretive introduction. Princeton, 1996.
13. Herklotz F. AEGYPTO CAPTA. Augustus and the Annexation of Egypt // The Oxford Handbook of Roman Egypt / Ed. C. Riggs. Oxford, 2012. P. 11–21.
14. Herklotz F. Prinzeß und Pharao: der Kult des Augustus in Ägypten. Frankfurt-am-Main, 2007.
15. Jong de, J. Emperors in Egypt. The Representation and Perception of Roman Imperial Power in Greek Papyrus Texts from Egypt, A.D. 193–284. PhD Thesis. Nijmegen, 2006.
16. Kantorowicz E.H. Gods in Uniform // Proceedings of the American Philosophical Society. 1961. № 4. Vol. 105. P. 368–393.
17. Lepsius R. Denkmäler aus Ägypten und Athiopien II. Leipzig, 1970.
18. Levi A.C. Hadrian as a King of Egypt // The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society. 1948. № 1/2. Vol. 8. Ser. 6. P. 30–38.
19. O'Neill S.J. The Emperor as Pharaoh: Provincial Dynamics and Visual Representations of Imperial Authority in Roman Egypt, 30 B.C.–A.D. 69. PhD Thesis. Cincinnati, 2011.
20. Polini J. From Republic to Empire. Rhetoric, Religion, and Power in the Visual Culture of Ancient Rome. Norman, 2012.
21. Reymond, E.A. E. From the records of a priestly family from Memphis. Wiesbaden, 1981.
22. Rubin B.B. (Re)presenting Empire: The Roman Imperial Cult in Asia Minor, 31 BC–AD 68. PhD Thesis. Michigan, 2008.
23. Vandorpe K., Clarysse W. Cults, Creeds, and Clergy in a Multicultural Context // A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt / Ed. K. Vandorpe. Hoboken, 2019. P. 407–427.

24. Veymiers R. Nouveaux visages des dieux en Égypte gréco-romaine // Dieux, génies et démons en Egypte ancienne: A la rencontre d'Osiris, Anubis, Isis, Hathor, Rê et les autres / Ed. by A. Quertinmont. P., 2016. P. 135-146.

Качан Сергей Александрович, независимый исследователь, г. Москва, Россия; *sergey-md@list.ru*

Victorious image of the emperor in Roman Egypt

The article examines the victorious image of the Roman emperor. Despite the fact that scenes depicting the emperor as an Egyptian pharaoh, defeating his enemies, appeared rarely in the temples in Roman Egypt, two types of scenes have survived in which the emperors pierced the enemy – a crocodile or an anthropomorphic small figure symbolizing the foes. The victorious image of the Roman ruler in the guise of Horus was reflected in Greek and Egyptian titles associated with the defense of Egypt and the wars through which the emperor brought a civilized way of life and the Pax Romana. The conquest of Egypt by Octavian Augustus was perceived as the liberation of the Nile Valley from the power of the Ptolemies, who pursued an unjust policy, and the first emperor himself was revered as Zeus Eleutherius (the liberator), whose image was intertwined with Horus. The victorious image of the emperor from the temples was incorporated into private cult practices, in which images of the emperor defeating enemies were formed, or the Egyptian gods – Horus, Anubis and Apis – were given Roman iconographic features.

Keywords: Roman imperial cult, Octavian Augustus, Pax Romana, empire, Horus, Anubis, Apis, Roman Egypt

Kachan Sergej Aleksandrovich, Independent Researcher, Moscow, Russia; *sergey-md@list.ru*

УДК 94(37).09

Беденко Э.В.

Влияние римских имперских традиций на становление варварских королевств

В период раз渲ала Римской империи в V–VI веках н.э. произошли значительные изменения в общественной и политической структуре Европы. Падение Рима привело к формированию Романо-Варварских королевств, в которых сложилось новое социальное и культурное окружение. В данной работе будет рассмотрено влияние традиций Римской империи на процесс становления королевств варваров.

Ключевые слова: Римская империя, средние века, романо-варварские королевства, история

Падение Западной Римской империи в V веке н.э. послужило началом новой эры в истории Европы. На территории бывшей империи варварские племена, к числу которых относились готы, вандальы и франки, учредили свои королевства. При этом коренное население, римляне, оказало значительное влияние на формиро-

вание социальной структуры этих вновь возникших государств. Несмотря на политическое господство варваров, римляне сохранили значительное влияние в высших слоях общества варварских королевств. Многие из них занимали высокие посты в администрации и церкви. Римские аристократы часто вступали в брак с варварскими королями и знатью, создавая смешанную элиту. Одним из ярких примеров этого является король остготов Теодорих Великий (493–526 гг. н.э.). Например, Аниций Манлий Северин Боэций, который занимал должность первого министра королевства Остготов с 522 по 524 год, во времена правления Теодориха Великого, несмотря на то что происходил из знатного римского рода Анициев. И в целом Одоакр, Теодорих и другие варварские правители V–VI вв. очень ценили грамотных и образованных римских деятелей и старались не менять основы государственного устройства на территории Апеннинского полуострова.

Помимо элиты, римляне составляли значительную часть среднего и низшего классов в варварских королевствах. Они работали ремесленниками, торговцами, фермерами и рабами. Римское право и традиции продолжали оказывать влияние на повседневную жизнь, особенно в городах. Например, в Вестготском королевстве Испании римское право было официально признано в 506 году нашей эры. Это помогло сохранить римские правовые и административные структуры, которые обеспечивали стабильность и преемственность в обществе [2].

Положение римлян варьировалось в зависимости от региона и политической ситуации. Римская культура и административный опыт оставались востребованными, поскольку местные правители и элита стремились использовать римское наследие для укрепления своей власти и лучшего управления землями. Местные правители часто назначали римлян на должности советников, администраторов и деятелей церкви. Роль римлян как носителей римской культуры оказывала положительное влияние на процесс интеграции. К примеру, франкские короли использовали римских администраторов для управления своими землями и сбора налогов. Это создало новые возможности для римлян, которые, в свою очередь, адаптировались к местным условиям через смешение культур. Некоторые римляне даже вступали в брак с местными жителями, усваивая их обычай и образ жизни.

Взаимодействие между римлянами и местными жителями происходило через несколько ключевых механизмов. Во-первых, следует отметить процесс взаимного заимствования культурных установок. Римляне принесли с собой свои традиции, религию и язык, однако местные жители, в свою очередь, также влияли

на римлян, придавая новому обществу гибкость и многообразие. Римские семьи, например, начали принимать участие в языческих культовых практиках и обычаях, что служило для налаживания диалога с местным населением. Во-вторых, экономические взаимодействия также играли важную роль. Римляне, обладая знаниями в области сельского хозяйства и торговли, внедряли свои методы обработки земли и управления хозяйственными процессами. Это способствовало повышению производительности и развитию новых аграрных технологий. Местные жители могли извлечь выгоду из этих новшеств, что снижало социальную напряженность и способствовало взаимовыгодным отношениям. В-третьих, возникает вопрос о военных взаимодействиях. Нередко использовало римских ветеранов и солдат для защиты своих территорий. Это создавало особую группу, обладающую как римским опытом, так и местными традициями. Примером можно привести создание новых военных союзов или формирований, состоящих из римлян и местных жителей для защиты от внешних угроз [4].

Историческая литература разнообразна в своих подходах к анализу взаимодействия между римлянами и местными жителями. Археолог А.Дж. Тойнби подчеркивает важность культурной ассимиляции, утверждая, что взаимодействие на этой основе сыграло решающую роль в формировании новой европейской идентичности. Он считают, что римская культура, несмотря на свое падение, закрепилась в новых реалиях и продолжала оказывать влияние на варварские общества. С другой стороны, исследовательница Т.С. Терещенко акцентирует внимание на социальном прочтении конфликта. Она называет римлян «жертвами своего наследия», которые сталкивались с негативной реакцией местного населения [5]. Она утверждает, что этот конфликт становился причиной для формирования новых социальных структур. Также стоит отметить работу А.В. Шипилова, который рассматривает всеобъемлющее влияние римлян на политическую систему варварских королевств. Он указывает на то, что без участия римлян в процессе управления дело могло бы обернуться хаосом и дезинтеграцией [6].

Также большое влияние на историю средневековой Европы оказало правовое наследие Римской империи. Римское право, развивавшееся на протяжении многих веков и оказавшее значительное влияние на правовую систему Европы, стало основой для формирования и преобразования правовых систем варварских народов, которые жили на территории, ранее контролируемой Римом.

Принципы римского права, такие как устойчивость правовых норм, юридическая логика и системность, привнесли в варварские

правовые системы элементы, которые помогли им стать более структуризованными.

Согласно работе А.С. Кулябина «Римское право и его влияние на правовые системы варваров» (1998), варвары начали использовать римские правовые нормы, адаптируя их под свои нужды. Например, законы франков, известные как «Салическая правда», были существенно изменены под воздействием римских правовых концепций. В отличие от ранних варварских обычаев, которые часто носили произвольный характер, римское право способствовало систематизации норм и предписаний [3].

Исследования В.Н. Болотина в «Трансформация римского права в варварских монархиях» (2005) показывают, что многие аспекты римского права были переняты варварскими народами. Например, в «Законниках» варваров можно проследить заимствование понятий о собственности, контрактах и наследовании, что способствовало более четкому и предсказуемому правоприменению. Это также вело к юридической верификации и формализации процессов, что нередко нивелировало влияние личной воли правителей [1].

Таким образом, влияние римского права на варварские правовые системы произошло на уровне не только конкретных норм, но и юридических институтов. По мнению историка права Г.Я. Соловьева в его труде «Римское право и его наследие» (2010), именно римская идея о правителе как о верховном защитнике правосудия и гражданских свобод нашла отражение в управлении варварскими королевствами. Короли варваров, подобно римским императорам, начали рассматривать себя как законодателей, придавая большее значение правовых нормам. В результате исследования можно сделать вывод о том, что римское право оказalo значительное влияние на варварские правовые системы, что послужило основой для формирования более совершенных и системных правовых норм. Работы таких ученых, как А.С. Кулябин, В.Н. Болотин и Г.Я. Соловьев, позволяют лучше понять степень этого влияния и его последствия для правовой истории Европы. Это влияние стало важным этапом в переходе от древних варварских обычаев к более обоснованным и структуризованным правовым системам, что открывало новые горизонты для европейской юриспруденции.

Библиография

1. Болотин В.Н. Трансформация римского права в варварских монархиях. СПб., 2005.
2. Зотов К.И. Готы и Рим: военно-политические отношения. Ростов-на-Дону, 2014. 306 с.

3. Кулябин А.С. Римское право и его влияние на правовые системы варваров. М., 1998.
4. Синяков И.П. Римская империя на границах: сценарии контактов. М., 2013. 295 с.
5. Терещенко Т.С. Дихотомия «римляне – варвары», этническая идентичность и границы в контексте этнокультурной трансформации эпохи великого переселения народов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–1 (57). С. 171–176.
6. Шипилов А.В. «Свои» и «чужие» в динамике: пример Рима // Человек. 2017. № 3. С. 77–91.

Беденко Эдуард Владимирович, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; bedenko.edik@mail.ru

The influence of Roman imperial traditions on the formation of barbarian kingdoms

During the collapse of the Roman Empire in the 5th – 6th centuries AD, significant changes occurred in the social and political structure of Europe. The fall of Rome led to the formation of the Romano-Barbarian kingdoms, which developed a new social and cultural environment. This paper will examine the influence of the traditions of the Roman Empire on the process of formation of the barbarian kingdoms.

Keywords: Roman Empire, Middle Ages, Romano-Barbarian Kingdoms, History

Беденко Эдуард Владимирович, graduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; bedenko.edik@mail.ru

УДК 94(363).4

Бикеева Н.Ю.

Дипломатические отношения между франками и Восточной Римской империей в 60-х гг. VI в.

В статье рассматриваются дипломатические отношения между франками и восточной Римской империей в 60-х гг. VI в. Обмен посольствами был связан с просьбой королевы-монахини Радегунды о получении реликвии св. Креста от византийского императора Юстина II и его супруги Софии для женского монастыря в Пуатье. Королевство франков в тот момент было разделено между сыновьями короля Хлотаря I. Правитель одной из частей королевства – Австразии, Сигиберт стремился усилить власть и влияние среди франков и на внешнеполитическом уровне. Кроме того, франки и византийцы были вынуждены искать мира друг с другом из-за завоеваний лангобардов. В статье показано, что король Сигиберт и император Юстин II использовали ситуацию с реликвией для заключения мирного договора. Рассмотрена роль отдельных участников организации посольства ко двору императора Юстина II в 568 г. На примере данного события показаны некоторые способы решения внешнеполитических задач, стоящих перед королем Сигибертом.

Ключевые слова: Франки, Австразия, Византия, Радегунда, Венанций Фортунат, Сигиберт, Юстин II, реликвия св. Креста

Как известно, Западная Римская империя прекратила свое существование в 476 г. Но это не означает, что исчезли связи между теми образованиями, которые возникли на ее месте, и восточной частью Римской империи с центром в Константинополе. Образ былой империи продолжал играть большую роль в сознании многих жителей постимперского мира, в том числе расселившихся на этих территориях варваров. Так, например, основатель Франкского королевства Хлодвиг, судя по свидетельству Григория Турского, получил признание императора Восточной Римской империи, после того, как в 507 г. победил готов при Вуйе: «И вот Хлодвиг получил от императора Анастасия грамоту о присвоении ему титула консул, и в базилике святого Мартина его облачили в пурпурную тунику и мантию, а на голову возложили венец... И с этого дня он именовался консулом или Августом» (ГТ, II. 38). Посольство Восточной Римской империи с известиями о даровании титулов королю франков прибыло в Галлию в 508 г. Хотя в Консультских фастах того времени имя Хлодвига не упоминалось, это событие способствовало укреплению его авторитета в глазах местного галло-римского населения, для которого Хлодвиг становился своего рода наместником империи в Галлии. По мнению современных историков, «именно победа Хлодвига над Аларихом II и визиготами в 506/507 гг. была важнейшим событием в истории королевства франков, потому что именно она сделала франков частью еще контролируемого на тот момент Восточной империей Средиземноморского мира» [10, с. 21].

Территория Галлии, завоеванная франками, продолжала и после смерти Хлодвига интересовать Византийских правителей. В свою очередь, короли франков также не забывали об империи ромеев. На территории меровингской Галлии встречаются предметы византийского происхождения, франки копируют восточные литургические практики, знакомятся с византийским законодательством и т.п. Григорий Турский и Венанций Фортунат – самые известные авторы франкского королевства второй половины VI в. – были в курсе происходящего в Византийской империи, о чем свидетельствуют их сочинения. В их глазах Византия – это Римская империя, которая сместилась на Восток. Империя в это время выступает также местом политического убежища для франкской аристократии [5, с. 60].

В середине VI в. после смерти императора Юстиниана византийские императоры еще продолжают придавать Западу большое значение. В свою очередь, для франков император также оставался

своеобразным арбитром, признавался его авторитет. Французский историк Б. Дюмезиль, говоря об этом периоде, указывает наличие дипломатических отношений между франками и Византией, отмечая, что «дипломатическая игра варварских королевств иногда оборачивалась против империи, но она не могла происходить без участия в империи» [3, с. 144].

Проиллюстрируем это на следующем примере. После смерти в 561 г. короля Хлотаря, сына Хлодвига, королевство франков было разделено между его сыновьями на несколько частей. Восточная часть, которая немного позднее стала называться Австразией, досталась королю Сигиберту. [6, с. 118–119]. Через несколько лет он добавил к своим владениям важные города Пуатье и Тур. [3, с. 150]. Помимо сложных отношений с братьями, королю Австразии пришлось решать и внешнеполитические задачи, в том числе связанные с Византией, которая к концу 60-х гг. после успешных завоеваний эпохи императора Юстиниана столкнулась с большими трудностями [7, с. 189].

В 565 г. в Восточной Римской империи к власти пришел Юстин II, племянник Юстиниана. Через несколько лет после этого в византийские владения на севере Италии вторглись лангобарды, стремившиеся захватить такие крупные города, как Рим и Равенна. До этого лангобарды считались «союзниками» Византии [8, с. 210–211], а правительство Юстиниана I проводило гибкую политику в отношении этого народа, имея в разное время контакты с отдельными лангобардскими племенами и родами.

Незадолго до вторжения лангобардов в Италию с ними заключил союз и король франков Сигиберт. Целью союза Австразии с лангобардами было нанесение ущерба Византии, которую франки в середине VI в. стали воспринимать как своего внешнеполитического конкурента [17, р. 14–15]. Юстин II в ответ на это разорвал отношения с Австразией. Однако вскоре у самих франков возникли проблемы с лангобардами, не смотря на заключенный мир. Для Сигиберта, вероятно, было неожиданным, что лангобарды захватили северную Италию, на которую у франков к тому времени были свои планы [3, с. 144]. Кроме того, лангобарды стали нападать и на юго-восточные земли Галлии (ГТ. IV, 42). В этих условиях Сигиберт решил наладить отношения с Восточной Римской империей [17, р. 14–15].

Именно в этот период в 568 г. вдова Хлотаря королевамонахиня Радегунда, основательница женского монастыря в г. Пуатье, отправила посольство в Константинополь ко двору императора Юстиниана II и его супруги Софии (ГТ. IX, 40; Б. 16) с целью получить от них ценную христианскую реликвию – фрагмент древа

св. Креста. Монастырь, основанный Радегундой, был одним из наиболее крупных и влиятельных в королевстве франков того времени.

Монахиня Баудонивия, автор одного из двух житий св. Радегунды, отмечает, что та, основав монастырь, «решила собрать коллекцию реликвий святых» со всех «четырех сторон света» (Б. 13). Что касается реликвии св. Креста, то она по значимости превосходила другие святыни, находящиеся в монастырях королевства франков. Как сообщает Баудонивия, чтобы получить фрагмент дерева св. Креста, королева-монахиня обратилась к королю Сигиберту с просьбой разрешить ей отправить послов в Константинополь. В своем письме к франкскому правителю Радегунда указала на то, что реликвия будет способствовать не только большему религиозному рвению жителей, но и «благосостоянию всего отечества и стабильности королевства» (Б. 16).

Радегунда получила согласие от короля и отправила послов к византийскому императору Юстину II и императрице Софии с просьбой выслать ей реликвию (ГТ. IX, 40; Б. 16). Императорская чета ответила согласием, и священная реликвия в роскошном реликварии была отправлена Радегунде [14, р. 67] вместе с драгоценным молитвенником, отделанным золотом и драгоценными камнями (Б. 16).

Известно, что кроме просьбы о передаче реликвии, послы Радегунды везли написанные от ее лица две стихотворные поэмы – «О разорении Тюрингии» (*“De Excidio Thuringiae”*) (Ф, р. 271-275) и «К Артакию» (*“Ad Artachis”*) (Ф, р. 278–279). Они были адресованы родственникам Радегунды, которые ранее проживали в Константинополе, – ее двоюродному брату Амалафриду и племяннику Артакию. Вероятно, это были последние уцелевшие представители тюрингского королевского рода после захвата Тюрингии франками в 531 г. В ходе той войны король Хлотарь в качестве трофея захватил Радегунду и через несколько лет женился на ней, чтобы закрепить свою власть над Тюрингией [3, с. 80]. В 534 г., после убийства франками последнего короля тюрингов Герменефреда, его супруга Амалаберга вместе с двумя оставшимися детьми, сыном Амалафридом и дочерью, бежала в Равенну к своему брату, королю остготов Теодахаду. В 540 г. дети оказались в Константинополе. Когда Амалафрид подрос, он был принят на византийскую военную службу. Его сестра вскоре была выдана замуж за короля лангобардов Аудоина. В 552 г. Амалафрид, в числе других византийских военачальников, был отправлен императором Юстинианом I с большим войском в помощь лангобарам, в то время византийским союзникам, воевавшим с гепидами. О дальнейшей судьбе

Амалафрида ничего не известно. Вероятно, он умер приблизительно в 552 г. [9, с. 102-103]. Знала ли Радегунда о смерти своего двоюродного брата, когда отправляла посольство Юстину и Софии в 568 г.? Не исключено, что об этом ей было известно, поэтому адресованные Амалафриду письма могли преследовать другие цели, о которых будет сказано дальше.

После получения от императора Юстина II и его супруги Софии реликвии св. Креста, Радегунда отправила в ответ еще одно поэтическое послание «Августам Юстину и Софии» (*“Ad Justinum et Sophiam Augustos”* (Ф, р. 271-275), в котором выражала благодарность.

По поводу авторства этих трех поэм в историографии нет единого мнения, но большинство историков считает, что их написал Венанций Фортунат, поэт, родившийся на севере Италии и получивший прекрасное риторическое образование в Равенне, бывшей в то время основным центром образованности в Византийской Италии. Известно, что в 566 г. Фортунат приехал в королевство франков. [4, с. 550-551]. Некоторые историки высказывают предположение, что он был византийским агентом, отправленным с определенной миссией к франкам [12]. Как бы то ни было, в 568 г. Венанций Фортунат оказался в Пуатье, где познакомился с Радегундой. В дальнейшем их связывали теплые отношения и искренняя дружба [1]. Позднее он стал автором первого жития св. Радегунды. Поскольку поэмы, отправленные с посольством в Константинополь, были написаны после приезда Венанция Фортуната в Пуатье, точка зрения о том, что он был их автором представляется обоснованной.

Б. Дюмезиль утверждает, что составление поэтических посланий в Константинополь, написанных от лица Радегунды, было специально поручено Фортунату как выдающемуся поэту того времени. По мнению французского историка, сам король Сигиберт направил поэта в Пуатье с целью помочь Радегунде составить письмо византийскому императору и его супруге [3, с. 145]. Сигиберт, как указывалось выше, в этот период был заинтересован в возобновлении связей с Византийскими правителями. Поэтому, инициатива отправки посольства в Константинополь действительно могла исходить от него [19, р. 13-14].

Австралийский специалист по Поздней античности Б. Бреннан также считает, что Венанция Фортуната пригласил в Пуатье для составления писем в Константинополь сам король Сигиберт. При этом историк высказывает предположение, что совет королю и, возможно Радегунде, дал турский епископ Евфроний [11, р. 61]. Епископы на протяжении VI в. стремились играть важную полити-

ческую роль в королевстве, поэтому подобная активная деятельность Евфрония не вызывает сомнения. Известно, что королевы-монахиня ранее уже предпринимала попытки получить реликвии (Б. 16). Но ее усилия прежде не были успешными [18, р. 291-298]. Пообещав помочь Радегунде в получении реликвии, епископ Евфроний мог рассчитывать на определенные политические выгоды, поскольку король Сигиберт был ее пасынком.

В ситуации, в которой король Австразии в 568 г. пытался восстановить мирные отношения с империей, посольство Радегунды в Константинополь предоставляло хорошую возможность. Поэтому, Сигиберт ответил согласием на просьбу королевы-монахини об отправке клириков в Константинополь (ГТ. IX. 40; Б. 16). Поэтому, посольство Радегунды в Константинополь к Юстину II и Софии следует рассматривать в контексте политических переговоров о мире между Византией и Австразией в 568-569 гг.

Таким образом, в данном случае мы видим пересечение интересов нескольких влиятельных сил – византийских и франкских правителей, королевы-монахини Радегунды, а также епископов. Венанций Фортунат не случайно впервые приехал в Пуатье в тот самый момент, когда Радегунда затеяла переговоры с целью получить от византийской императорской четы реликвию св. Креста для своего монастыря.

Посольство от имени Радегунды в Константинополь было успешным, и реликвия св. Креста была доставлена в Пуатье. После этого в Константинополь была отправлена благодарственная поэма Юстину и Софии [11, р. 61]. По мнению английского византиниста А. Кэмерон, этот обмен реликвий и поэм можно рассматривать как имеющий не только религиозное, но и политическое значение в контексте взаимоотношений между франками и Византией [13, р. 59]. Благодарственная поэма, которую Фортунат от имени Радегунды написал в честь Юстина и Софии, без сомнения, была также написана с согласия короля Сигиберта. Связи франкских и византийских правителей традиционно носили характер обмена посольствами и дарами и имели давнюю историю еще со времен античности. Обмен дарами, особенно реликвиями, между правителями всегда имел символическое значение, и подобные посольства нередко сопровождались поэтическими благодарственными поэмами. Византийские правители преследовали в этих событиях свои цели. Реликвия св. Креста рассматривалась ими как инструмент для решения внешнеполитических задач. В результате Юстин II и София заручились поддержкой франков против лангобардов [13, р. 59-60].

Как уже отмечалось выше, поэмы «О разорении Тюрингии» и «К Артакию» были адресованы родственникам Радегунды в Константинополе – двоюродному брату Амалафриду и племяннику Артакию. Но ко времени отправки посольства в Константинополь в 568 г. оба, вероятно, уже умерли. Скорее всего, королевамонахиня и все остальные участники подготовки посольства знали об этом, но предпочли использовать родственные связи Радегунды как предлог для отправки поэм вместе с просьбой о получении реликвии. Предполагалось, что письмо будет прочитано императорской четой и их окружением, поскольку дипломатические послания в то время не предполагали уединенного чтения адресатом, но становились достоянием «общественности» [16, р. 129, 150-151].

Поэтические послания должны были объяснить византийским правителям, кто такая Радегунда и почему она достойна получить от них такую ценную христианскую святыню как св. Крест. В поэме «О разорении Тюрингии» подчеркивался королевский статус Радегунды и ее лояльность к империи. Это должно было свидетельствовать о том, что святая реликвия попадет в хорошие руки. Также в поэме отмечалось, что меровингские короли питают к Радегунде почти сыновнюю любовь. Тем самым подчеркивалась роль Радегунды как посредника между византийскими и франкскими правителями.

Вопрос об отправке реликвии в Пуатье был решен достаточно быстро, но чтобы «не создать впечатление, что дипломатические контакты с франками восстановлены официально, основные шаги... император поручил сделать своей жене, императрице Софии» [3, с. 145]. От ее имени реликвия св. Креста была подарена монастырю Радегунды, что символизировало успешность австразийской дипломатии.

В ответном письме Радегунда благодарит императора Юстина II и императрицу Софию за реликвию. В этом послании особенно подчеркиваются высокие достоинства императрицы, ведь «дипломатические связи римлян и варваров во многом поддерживались через женщин» [3, с. 146]. Франкские правители и епископы, по всей вероятности, знали об особенностях власти императора Юстина II, на которого имела большое влияние его супруга [15, р. 48]. В благодарственном послании София сравнивается Еленой, матерью императора Константина, описываются ее благочестие и щедрость. В поэме «Августам Юстину и Софии» подчеркивается королевский статус и самой Радегунды, так как автор послания к императорской чете должен был соответствовать им по своему положению.

Таким образом, казус с поэтическими посланиями в Константинополь, написанными от лица королевы-монахини Радегунды, сыграл особую роль в политике короля Сигиберта. Ему удалось решить проблему в отношениях с Византией. В условиях взаимного стремления Сигиберта и византийского императора Юстина II заключить мир между их государствами, Радегунда сыграла роль посредницы. Мирный договор между Византией и Австразией был заключен в 569 г.

В итоге все непосредственные участники описываемых событий остались в выигрыше. Сигиберт упрочил влияние и власть в своих владениях, явив свое благочестие и помогая обретению ценной христианской святыни для блага своего королевства. Кроме того, он обрел политического союзника в лице византийского императора, при этом смог сохранить лицо, не обращаясь к нему официально с мирными предложениями. Юстин II, в свою очередь, также проявил себя весомой фигурой на внешнеполитической арене, арбитром европейской дипломатии, доказал свою ортодоксальность и приверженность Халкидонскому собору, и в сложных внешнеполитических условиях для Византии получил важного союзника в лице франкского короля.

Сама Радегунда, сыгравшая роль посредницы, тоже оказалась в выигрыше. Она умело воспользовалась ситуацией и, получив значимую христианскую реликвию, на долгие годы обеспечила своему монастырю защиту и процветание. Автор поэтических посланий в Константинополь Венанций Фортунат стал духовным наставником Радегунды и в течение почти двадцати лет проживал при ее богатом и влиятельном монастыре. С этого момента началась его религиозная карьера в Пуатье, приведшая его к получению сана епископа этого города в конце VI в. По всей вероятности, Венанций Фортунат заслужил и благодарность короля Сигиберта за помощь в налаживании отношений с Византией. Наконец, турский епископ Евфоний, по всей видимости, смог повысить свое влияние в регионе и также получил благосклонность короля Сигиберта.

Австразийский и константинопольский дворы продолжали обмениваться дипломатическими миссиями и в последующие десятилетия уже после смерти короля Сигиберта, когда Австразией стала править его вдова Брунгильда и их наследники [2, с. 211]. В этих событиях мы видим франков в качестве средства ведения византийской политики в Италии. Однако дальнейшие процессы внутреннего и внешнеполитического развития Византии и Франкского королевства значительно уменьшат степень взаимодействия между ними. В начале VII в. влияние восточной Римской империи

на земли франков ослабнет, византийские историки покажут отсутствие знаний и интереса к событиям на Западе. Франки также будут следовать своим путем, пока не придут к созданию собственной империи.

Библиография

Источники

ГТ – *Gregorius Turonensis. Decem libri historiarum* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum*: 7 т. / Ed. by B. Krusch, W. Levison. Hannover: Impensis Bibliopolis Hahniani 1951. Т. 1, V. 1. – URL: <http://www.thelatinlibrary.com/gregorytours.html>, свободный. = Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. В.Д. Савуковой; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М., 1987. 462 с.

Б – *Baudonivia. De Vita Sanctae Radegundis* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum* / Ed. B. Krush. Hannover, 1888. Т. II, V. 2. S. 377–395. = Баудонивия. Житие святой Радегунды Гл. 1-14 / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2017. № 25. С. 306–328; Баудонивия. Житие святой Радегунды. Гл. 15–28 / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2018. Вып. 26. С. 207–225.

Ф – *Venantius Fortunatus. Opera Poetica. Appendix Carminum* / Ed. Fridericus Leo. // *Monumenta Germaniae historica: Auctorum antiquissimorum*. Vol. 4, part 1. Berlin: Weidmann, 1881. P. 271–75; 278–279. = Фортунат Венанций. Избранные стихотворения / Пер. с лат., вст. статья, коммент. Р.Л. Шмаракова. М., 2009. 280 с.

Литература

1. Бикеева Н.Ю. Частная жизнь святой женщины в эпоху Меровингов: Радегунда в кругу близких // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2011. № 19. С. 98–118.
2. Вершинина Ю.Е. Дипломатическая переписка между австраазийским двором и Византийской империей (*Epistulae Austrasicae* 25–39) // *Graphosphaera*: письмо и письменные практики. 2022. № 2. Т. 2. С. 209–241.
3. Дюмезиль Б. Королева Брунгильда / Перевод с французского М.Ю. Некрасова. СПб., 2012. 560 с.
4. Зайцев Д.В. Венанций Фортунат // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 7. С. 550–551.
5. Кириллов В.М. Восприятие Византии VI века варварскими историками на примере “Истории франков” Григория Турского и оценка его сведений в современной отечественной историографии // Нравственные ценности и будущее человечества: Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений в рамках регионального этапа XXVI международных Рождественских образовательных чтений. Вып. II. Борисоглебск, 2017. С. 58–64.
6. Лебек С. Происхождение франков. V–IX века. Т. I. М., 1993. 352 с.
7. Мурхед Дж. Византийцы на Западе в VI в. // Новая Кембриджская история Средних веков, 500–700 гг. / Под. ред. П. Форакра. Т. I. Ч. 1. М., 2020. С. 169–195.
8. Мурхед Дж. Остготская Италия и вторжение лангобардов // Новая Кембриджская история Средних веков, 500–700 гг. / Под. ред. П. Форакра. Т. I. Ч. 1. М., 2020. С. 196–222.
9. Назаров А.Д. Готская война 535–554 гг. и кризис идентичности варварского сообщества: германские перебежчики и военнопленные в Византии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 4 (70), № 2. Симферополь, 2018. С. 99–107.

10. Старостин Д.Н. Захват франками Галлии: византийский взгляд // *Byzantinoslavica*. 2016. Т. 74. № 1–2. С. 1–31. – URL: <https://hal.science/hal-02542605/document> (дата обращения: 28.04.2025).
11. Brennan B. The career of Venantius Fortunatus // *Traditio*. New York, 1985. P. 49–78.
12. Brennan B. Venantius Fortunatus: Byzantine agent? // *Byzantion*. Vol. 65, no. 1, 1995. P. 7–16.
13. Cameron A. The Early Religious Policy of Justin II // *Studies in Church History*. 1976. № 13. P. 51–67.
14. Edwards J.C. Their Cross to Bear: Controversy and the Relic of the True Cross in Poitiers // *Essays in Medieval Studies*. Volume 24. West Virginia University Press, 2007. P. 65–77.
15. Garland L. *Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium AD 527–1204*. Routledge, 2002. 368 p.
16. Gillett A. Love and Grief in Post-Imperial Diplomacy: The Letters of Brunhild // *Studies in Emotions and Power in the Late Roman World: Papers in Honour of R. Newbold* / Ed. by B. Sidwell, D. Dzino. Pascataway, 2010. P. 127–165.
17. Hancock B. Studies in Austrasian politics and diplomacy from Theudebert I to Childebert II. Concordia University. Montreal, 1990. 108 p. – URL: <https://spectrum.library.concordia.ca/id/eprint/5904/1/MM64638.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).
18. Moreira I. Provisatrix Optima: St. Radegund of Poitier's Relic Petitions to the East // *Journal of Medieval History*. Amsterdam, 1993. Volume 19, Issue 4, December 1993. P. 285–305.
19. Widdowson M. Merovingian partitions: a 'genealogical charter'? // *Early Medieval Europe*. Volume 17, Issue 1. Oxford, 2009. P. 1–22.

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; binata@rambler.ru

Diplomatic relations between the franks and the eastern Roman Empire in the 6os of the 6th century

The article examines the diplomatic relations between the Franks and the Eastern Roman Empire in the 6os of the 6th centuries. The exchange of embassies was associated with the request of the nun queen Radegund to receive the relic of the Holy Cross from the Byzantine emperor Justin II and his wife Sophia for the convent in Poitiers. The kingdom of the Franks at that time was divided between the sons of King Chlothar I. The ruler of one of the parts of the kingdom – Austrasia, Sigebert sought to strengthen his power and influence among the Franks and at the foreign policy level. In addition, the Franks and the Byzantines were forced to seek peace with each other due to the conquests of the Lombards. The article shows that King Sigebert and Emperor Justin II used the situation with the relic to conclude a peace treaty. The role of individual participants in organizing the embassy to the court of Emperor Justin II in 568 is examined. Using this event as an example, some methods for solving foreign policy problems facing King Sigebert are shown.

Keywords: Franks, Austrasia, Byzantium, Radegund, Venantius Fortunatus, Sigebert, Justin II, relic of the st. Cross

Bikeyeva Natalya Yurevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kazan federal university, Kazan, Russia; binata@rambler.ru

Рахов Д.Д.

Проблема обороны крепостей Византийской империи

Статья посвящена исследованию проблемы обороны крепостей Византийской империи, их роли в сохранении государства. Работа представляет анализ эволюции фортификационных сооружений Византийской империи. Особое внимание уделяется экономическим и социально-политическим проблемам Ромейского государства. Крепости рассматриваются как ключевые элементы военной стратегии, символы власти и факторы устойчивости империи, чье падение стало катализатором ее краха.

Ключевые слова: крепость, Византийская империя, гарнизон, государство

Византийская империя, огромное государство, просуществовавшее более тысячи лет, ставшее уникальным примером того, как огромные страны могут адаптироваться к постоянным внешним угрозам. И конечно, у такого большого государства их было немало: варвары на севере Балкан, на востоке – персы, а затем и огромные армии арабов и монголов, и это только малая часть тех проблем, с которыми пришлось столкнуться военным империи. Для защиты собственных земель византийцы делали большую ставку на крепости. Сегодня эти древние постройки разбросаны от Балкан до Месопотамии, и каждая из них уникальна, будучи когда-то включенной в оборонительную систему огромного государства. Однако здесь появляется логичный вопрос, а как была устроена эта система обороны, с каким проблемами она столкнулась? Ведь, как будет видно в дальнейшем, именно проблема системы обороны Византии станет одной из важнейших причин ее крушения.

В основу византийской крепостной системы заложили еще во времена Рима принцип строительства, которой был крайне прост – массивные стены, башни с фланкирующим обстрелом, многоярусные системы защиты. Но византийцы не стояли на месте, и уже при императоре Юстиниане I (527–565 гг.) началась модернизация. Типичными становятся крепости с двойными стенами и башнями, как например Дара или Константинополь. Феодосиевы стены столицы, построенные в V веке, включали ров, внешнюю низкую стену (для поглощения ударов таранов) и внутреннюю высотную с чередующимися квадратными и шестиугольными башнями. В скором времени римский акцент на «вечность» и «монументальность» уступил место прагматизму. Примером тому являются археологические данные крепости Сердика (совр. София): стены

ее тоньше римских, но усилены треугольными башнями для лучшего обзора [10, р. 56].

В VII–IX веках, с началом арабских набегов, Византия столкнулась с необходимостью защиты протяженных границ при сокращающихся ресурсах. Ответом стала сеть малых крепостей (кастрон), рассредоточенных вдоль горных перевалов и дорог. Маврикий в «Стратегиконе» [3, с. 257] рекомендовал: «Укрепляй не города, а узкие места, где враг не сможет развернуться». Пример – крепость Лулун в Киликии, контролировавшая проход между Тавром и морем. Ее стены, встроенные в скалы, делали штурм практически невозможным [11, р. 132]. Для оповещения о начале вторжения врага была придумана сигнальная система. Кострами на башнях сообщали о приближении врага за сотни километров. К крепостям, находившимся в осаде, сразу выступало войско императора для их спасения. X век стал «золотым веком» византийской фортификации. Особое внимание в это время стало уделяться гидротехническим системам. Крепость Никея, перестроенная после арабских набегов, имела подземные акведуки, наполнявшие рвы даже в засуху. Византийцы видели в крепостях не только военные объекты, но и символы божественной защиты. На стенах Константинополя размещали иконы, а ворота Никеи украшали крестами.

С появлением сельджуков, мастеров скоротечных осад и подкопов, византийские укрепления начали устаревать. Крепость Манцикерт, павшая в 1071 г., была захвачена благодаря поджогу деревянных опор под стенами [13, р. 114]. Ответом стало усиление каменной кладки и отказ от дерева в критических узлах. В империи во многих крепостях арки ворот стали выкладывать базальтом, например, так было в Ламброне (Киликия). С приходом османской артиллерии в XIV веке традиционные стены стали уязвимы. Византия пыталась адаптироваться: в Мистре построили земляные валы перед каменными стенами, чтобы гасить удары ядер [10, р. 213]. Часто византийцы пытались заимствовать опыт и технологии с запада, но этого будет недостаточно.

Устойчивость оборонительной системы крепостей на прямую зависел и от экономики. Был необходим баланс между расходами на строительство и содержанием крепостей, возможностями снабжения гарнизонов и эффективностью налогового аппарата.

Строительство выше указанных крепостей было одной из самых затратных статей бюджета. Прокопий Кесарийский в «Войнах» [5, с. 185] отмечал, что Юстиниан I «...тратил на стены больше, чем на армию», приводя в пример Дарру, возведение которой обошлось в 200 000 номисм. Подобные траты не могли не сказаться на бюджете и, отдавая предпочтения строительством новых

замков, императоры зачастую не думали, кто будет их охранять. А ведь это был очень важный вопрос! Основу обороны любой крепости составляли ее гарнизоны. Ежегодные расходы на среднюю по размеру крепость (300–500 человек) составляли около 500–700 номисм, включая жалование, продовольствие и ремонт [12, р. 144]. Эти суммы ложились на провинции через систему синоны (налог на военные нужды). Однако к XI веку инфляция и злоупотребления чиновников превратили налог в непосильное бремя. Михаил Пселл в «Хронографии» [4, с. 89] описывал, как жители Каппадокии «продавали детей, чтобы заплатить за стены, которые их же защищали». Огромное влияние имела система логистики. Византия опиралась на систему апанд – государственных складов, созданных вдоль ключевых дорог. Пополнялись они за счет местного населения и казны, но к XII веку многие апанды опустели из-за воровства.

Эффективность снабжения так же зависела от контроля над дорогами и реками. Крепость Дора в Палестине служила ключевым пунктом на пути из Египта в Сирию, но после арабских завоеваний VII века эта артерия была перерезана. Даже в периоды стабильности транспортировка грузов была рискованной. В X веке караван с серебром для гарнизона Тарса был разграблен арабами у горных перевалов Тавра. Византийские императоры приказывали возить золото и продукты в том числе и по морю, несмотря на то что такой путь будет намного длиннее. Однако морские маршруты тоже не были безопасны: в 1090 г. пираты перехватили корабль с продовольствием для Херсона, что едва не вызвало голод в городе [1, с. 337]. К XIV веку Византия сохраняла лишь островки контроля вроде Фессалоник и Миstras. Содержание их гарнизонов стало невозможным: налоги с окрестных земель не покрывали даже десятой части расходов. Особенно показательна судьба Филадельфии – последней византийской крепости в Малой Азии. Ее гарнизон, лишенный поддержки из Константинополя, десятилетиями существовал за счет торговли с турками.

Социально-политическая структура Византии, основанная на балансе между центральной властью и регионами, играла ключевую роль в эффективности обороны крепостей. Однако к XI–XIV векам этот баланс нарушился, превратив некогда надежные цитадели в очаги кризиса. Основу этой системы составляла фемы, созданные в VII веке. Это система подразумевала передачу власти военным губернаторам (стратигам), ответственным за свои регионы. В «Стратегиконе» [3, с. 258] подчеркивалось, что «стратиг должен быть отцом своей фемы, знающим каждую тропу и каждый камень». Однако к X веку стратиги, накопив ресурсы, стали оспаривать власть Константинополя.

Гарнизоны крепостей зависели от поддержки местного населения, но часто становились его бременем. Во время осады Антиохии арабами в 968 г. гарнизон конфисковал весь хлеб, обрекая горожан на голод. Арабский историк аль-Масудди [6, с. 89] иронизировал: «Ромеи защищали стены от нас, но не от собственной жадности». К XI веку переход к наемничеству усугубил проблему. Наемники-печенеги и норманны, нанятые для защиты Дураццо, грабили окрестные села. Николай Калликл [7, с. 112] писал: «Они говорили, что защита стоит дорого, и брали плату кровью тех, кто их кормил». Это часто приводило к вспышкам восстаний, как, например, в 1081 г. в Диррахии.

Коррупция в провинциальной администрации стала роковой для обороны. Константин VII Багрянородный в «Об управлении империей» [2, с. 239] сетовал, что «чиновники крадут даже гвозди из крепостных ворот». Система синоны (военного налога) превратилась в инструмент личного обогащения. Михаил Атталиат [8, с. 167] описывал, как сборщики в Каппадокии «взимали налоги трижды: для казны, для себя и для тени императора».

Крушение византийской системы обороны крепостей стало не просто военным поражением, а симптомом глубинного кризиса, который определил судьбу империи. Потеря ключевых укреплений, таких как Дара, Манцикерт или Адрианополь, запустила цепную реакцию: сокращение территорий, утрата налоговых баз, деморализация элит и населения. Эти процессы, растянувшиеся на столетия, выявили роковую взаимосвязь между военной слабостью, экономическим истощением и политической дезинтеграцией.

Крепости Византии изначально выполняли роль «буферных зон», позволяя сдерживать врага на границах и выигрывать время для мобилизации. Однако к XIV веку империя лишилась большинства таких форпостов. Потеря Галлиполи в 1354 г., ставшей первой османской крепостью в Европе, открыла туркам путь на Балканы. Без сети укреплений Византия не могла контролировать коммуникации. Крепости были не только военными объектами, но и экономически-ми узлами. Их утрата разрушала торговые пути, сокращала сельскохозяйственные земли и лишала казну налогов. Ангелики Лайу [12, р. 768] подсчитала, что после потери Малой Азии в XI веке доходы империи сократились на 40%, а к XIV веку – еще на 60%.

Крепости были материальным воплощением идеи «Ромейского царства» – государства, объединяющего христианский мир под властью василевса. Их падение подрывало саму легитимность империи. К XV веку Константинополь, окруженный османскими землями, превратился в символ угасания. Путешественник Берtran-

дон де ла Брокиер в 1432 г. писал: «Их великие стены теперь защищают лишь церкви да развалины» [9, р. 67]. Долгосрочные последствия упадка крепостей Византии – это история о том, как военная слабость становится катализатором системного краха. Каждая потерянная цитадель не просто сокращала границы, но подрывала экономику, деморализовала элиты и лишала империю сакрального статуса «Дома Богородицы». Как писал Джон Хэлдон, «крепости пали не потому, что их стены рухнули, а потому что рухнула идея, которая ихозвела» [11, р. 402].

Библиография

1. Анна Комнина. Алексиада / пер. Я.Н. Любарского. М., 1965. 688 с.
2. Константин VII Багрянородный. Об управлении империей / пер. Г.Г. Литаврина. М., 1991. 496 с.
3. Маврикий. Стратегикон / пер. В. В. Кучмы. СПб., 2004. 256 с.
4. Михаил Пселл. Хронография / пер. Я.Н. Любарского. М., 1978. 320 с.
5. Прокопий Кесарийский. Войны / пер. С.П. Кондратьева. М., 1993. 576 с.
6. аль-Масудди. Золотые копи и россыпи самоцветов (Мурудж аз-захаб) / пер. В.В. Бартольда. М., 2002. 560 с.
7. Николай Калликл. Похвала Алексею Коминну // Византийские историки / пер. А.П. Каждана. М., 1959. С. 110-115.
8. Михаил Атталиат. История / пер. А.П. Каждана. М., 1961. 280 с.
9. Берtrandон де ла Брокиер. Путешествие по Святой Земле / пер. Е.В. Ламановой. М., 2012. 224 с.
10. Foss C. Byzantine Fortifications: An Introduction. Pretoria, 1985. 300 p.
11. Haldon J. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204. London, 1999. 400 p.
12. Laiou A. The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Washington, 2002. 1200 p.
13. Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180. Cambridge, 1993. 557 p.

Рахов Денис Дмитриевич, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; *denis.rafov@yandex.ru*

The problem of defense of fortresses of the Byzantine Empire

The article is devoted to the study of the problem of defense of fortresses of the Byzantine Empire, their role in preserving the state. The work presents an analysis of the evolution of fortifications of the Byzantine Empire. Particular attention is paid to the economic and socio-political problems of the Roman state. Fortresses are considered as key elements of military strategy, symbols of power and factors of stability of the empire, whose fall became a catalyst for its collapse.

Keywords: Fortress, Byzantine Empire, garrison, state

Rakhov Denis Dmitrievich, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; *denis.rafov@yandex.ru*

Садретдинов Р.А.

Влияние имперского дискурса на конфликт между Римской католической церковью и Мартином Лютером

В статье рассматриваются ключевые аспекты влияния имперского дискурса на политическое и религиозное противостояние между Католической церковью и реформатором Мартином Лютером в начале XVI века. Рассмотрена трансформация конфликта из религиозного в политико-светский, где значительное влияние приобрели император Священной Римской империи и имперские сословия.

Ключевые слова: Реформация, Мартин Лютер, Католическая церковь, имперский дискурс

Процесс Реформации, как феномен религиозного противостояния ряда богословов, направленный против Католической церкви, привычно рассматривается в контексте двухсторонней борьбы: реформаторов и папства, как ключевой структуры церкви во главе с Римским папой. Ранний этап Реформации, который характеризуется активной деятельностью немецкого богослова Мартина Лютера, критиковавшего Римскую католическую церковь за отступление от канонов христианского вероучения, в историографии традиционно рассматривается как начальная стадия Реформации, в дальнейшем распространившейся по всей территории Западной Европы. Говоря о самом процессе социально-религиозных волнений начала XVI века, необходимо отметить, что помимо самого Мартина Лютера в списке религиозных реформаторов-богословов множество имен мыслителей, которые транслировали собственные идеи Реформации церкви: Жан Кальвин, Уильрих Цвингли, Томас Мюнцер и т.д. Однако в контексте влияния имперского дискурса на реформационные споры фигура Мартина Лютера является наиболее значимой, поскольку именно он является ключевой фигурой популяризации идей Реформации в обществе.

Помимо ряда публичных выступлений с критикой в адрес церкви, необходимо в этой связи упомянуть также громкой религиозный процесс 1521 г., известный как Вормсский рейхстаг. Именно здесь Священная Римская империя выступила как посредник в споре Церкви и Мартина Лютера.

В целом идеи реформатора можно охарактеризовать как всестороннее осуждение деятельности Римской Католической церкви: ее финансовой политики, включая продажу индульгенций и церковных должностей, а также попыток папства стать не только ду-

ховным, но и политическим лидером Европы. Сам вопрос разделения понятий «светская и духовная власть» поднимается в трудах Мартина Лютера довольно часто, но более всего эта тема раскрыта в его трактате «О светской власти», в котором высказывается мысль о том, что светская власть должна принадлежать светскому правителю, а духовная – главе христианской церкви. Тем не менее Лютер подчеркивал, что и те, и другие погрязли в попытках подчинить себе обе составляющие власти и что, по мнению реформатора, приведет к «...упадку светского правления, как это было с духовными тиранами...» [2, с. 149]. Так, можно отметить, что Мартин Лютер не выступал против светской власти открыто, как против Католической церкви, которая являлась главным объектом его нападок. Однако в вышеупомянутом трактате, а также в трудах «К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства» и «Открытое увещевание ко всем христианам воздержаться от смуты и мятежа» Лютер не раз повторяет идею о том, что светскую власть не стоит воспринимать как равную духовной, поскольку первая – полна пороков и грехов, но тем не менее поставлена Богом с целью «внешней защиты» от человеческой неправедности [2, с. 152]. Таким образом, осторожность Лютера в высказываниях относительно светских правителей, а также акцент, который он делает на проблеме разорения германской земель в процессе различных финансовых спекуляций Римской католической церкви, позволило ему в дальнейшем привлечь на свою сторону ряд немецких князей, которых подобная политика Церкви также не устраивала.

Здесь в первую очередь необходимо упомянуть саксонского курфюрста Фридриха III Мудрого, который, несмотря на поддержку Карла V при выдвижении на его престол, в последствии встал на сторону Мартина Лютера, фактически взяв его под свой протекторат [1, с. 225]. В контексте имперского дискурса интересным является и тот факт, что особый статус и привилегии курфюрстов позволяли им противиться даже воле императора.

Помимо отдельных князей, к процессу Реформации присоединились и другие субъекты имперской политики, в частности, имперские города, входившие в состав имперских сословий. Так, уже после решений Вормсского рейхстага о мерах наказания Мартина Лютера, верхнегерманские города стали проводить на своих землях политику постепенной реформы церкви, а в июле 1524 г. и во все собрались на общий съезд, что вызвало незамедлительную реакцию Карла V, пригрозившего представителям этих городов отлучением и репрессиями. Однако уже в 1526 г. рейхстаг фактически подтвердил право городов на управление и верование по их

собственному желанию, которое к этому моменту уже было наполнено духом реформационных идей [1, с. 228].

В последствии к имперским городам присоединилась часть германских князей, в частности, Альбрехт Прусский, магистр Тевтонского ордена, Иоганн Твёрдый (Постоянный), ставший Саксонским курфюрстом после смерти своего брата Фридриха Мудрого, а также ряд германских областей: Люнебург (1526), Гессен (1528), Дитмаршен (1532) и другие [1, с. 229]. Стоит сказать, что мотивация имперских сословий присоединиться к Реформации заключалась в первую очередь в возможности секуляризировать часть или все церковные земли, а также прекратить папский произвол, заключавшийся, например, в практике назначения немецких епископов лично Римским папой и в отмене подати Святому Престолу с германских земель.

Возвращаясь к самому противостоянию церкви и реформатора, стоит также упомянуть церковно-юридическую сторону вопроса. После ряда публичных выступления самого Лютера, а также эскалации конфликта в 1520 г., выраженной в папской булле «Exsurge Domine», отлучавшей Лютера от церкви, и в дальнейшем акте публичного сожжения им этой буллы в Виттенберге, противостояние Католической церкви и Лютера, очевидно, нуждалось в посредничестве третьей стороны. Изначально Мартин Лютер попытался апеллировать к Вселенскому собору, тем самым подвергая сомнению решение Римского престола о его отлучении от церкви. Основные идеи свободного собора, который был бы освобожден от тиарии догм папского престола, Лютер изложил в труде «Обращение доктора Мартина Лютера или обращение к христианскому свободному собору от папы Льва и его несправедливой веры» [6, с. 5]. Безусловно, данное обращение, равно как и раннее письмо реформатора лично к Папе Льву X, церковь оставила без внимания, ограничиваясь собственными полномочиями в вопросах церковного суда. Тем не менее конфликт не мог быть решен в рамках только религиозного диспута, поскольку и Католическая церковь, и сам Мартин Лютер твердо стояли на своем. И потому церковь обратилась за помощью к императору Священной Римской империи Карлу V, который мог воспользоваться для решения данного конфликта ресурсами светской власти.

При этом дипломатия Католической церкви в начале XVI века была довольно сложной и многоаспектной, поскольку церковь все еще имела политические амбиции, а также возможность влияния на светскую власть. С другой стороны, Священная Римская империя превратилась в потенциального союзника церкви лишь после Болонского конкордата 1516 г., фактически закрепившего за фран-

цузским монархом право назначать людей на ряд церковных должностей, включая епископов и аббатов [5, р. 231]. Принятие этого документа привело к тому, что Католическая церковь сочла необходимым переориентировать свою политику на Священную Римскую империю, хотя и не оставляла попыток искусно лавировать между несколькими светскими государствами в этот период.

Так, например, в 1520 г. Карл V, выбранный немецкими курфюрстами на императорский престол, принял титул без той части церемонии, в которой император получает корону из рук Римского папы. Но, в то же время, сама коронационная месса в 1520 г. состоялась в присутствии духовных электоров и сопровождалась традиционными вопросами в духе *«volo»* (желаю). [3, с. 236]. Так или иначе, полноценная коронация Карла V прошла лишь 10 лет спустя, в 1530 г. в присутствии папы Климента VII. Данный факт показывает, в первую очередь, противоречивое отношение Карла V к защите ценностей и идей Католической церкви. Более того, идеи Мартина Лютера о разделении светской и духовной власти, подкрепленные схожим настроением у ряда имперских сословий, которые имели определенные рычаги давление на самого императора, вполне могли сыграть роль в сохранении императором статуса гаранта охраны римского понтификата.

Вопрос же о роли имперского дискурса в противостоянии Католической церкви и Мартина Лютера, наиболее ярко отражается в упомянутом выше решении Вормсского рейхстага. И здесь можно отметить как роль имперских сословий в развитии данного конфликта, так и роль императора, который в своем «Вормсском эдикте», выпущенном по итогам рейхстага, полностью запретил распространение трудов Мартина Лютера, а также объявил последнего еретиком и врагом государства.

Реформатор был обвинен в *lèse majesté* (государственной измене), нарушении таинства исповеди, в ряде оскорблений против Священного престола и лично Римского папы и т.д. [4, с. 112-113]. В эдикте также отмечалось, что все книги Лютера должны быть повсеместно запрещены или сожжены. Один из основных пунктов гласил, что любая поддержка Лютера будет оценена как преступление против короны и наказание будет соответствовать преступлению. Но, как уже отмечалось выше, несмотря на обещание применения столь суровых мер к лицам, поддерживающим Лютера, курфюрст Саксонский все-таки решился взять реформатора под свою защиту, а ряд других имперских сословий, включая города и князей активно выступили против императора, оставляя за собой право на определение собственной веры и реформировании цер-

ковной структуры, что и происходило в последующее десятилетие на территории германских земель.

Таким образом, в истории данного конфликта явно просматривается специфика имперского дискурса в Священной Римской империи XVI века, которая заключается в необходимости для императора считаться с мнением курфюрстов и прочих представителей рейхстага даже в вопросах, касающихся религии и веры. С другой стороны, становится очевидно, что противостояние Католической церкви и Мартина Лютера не могло бы разрешено только в контексте религиозных и теологических диспутов. Тем более, что инструменты влияния церкви, в частности механизм «отлучения», к моменту начала Реформации уже не воспринимался как реальная угроза, что приводит Католическую церковь ко все большей зависимости от акторов светской власти даже в вопросах, касающихся религиозных противоречий (хотя, безусловно, выступление Лютера и не было чисто религиозным, а затрагивало самые разные аспекты деятельности папства). При этом, несмотря на то, что императору Священной Римской империи реформационные идеи должны были быть близки, поскольку подрывали влияние церкви и усиливали влияние светской власти, Карл V остался верен Святому престолу, что подтверждается итоговой церемонией венчания на царство и риторикой Вормсского эдикта, в котором не раз упоминается необходимость сохранения вековых традиций, что в данном контексте означало поддержку Католической церкви.

Библиография

1. Грей К. Полная история Германии. М., 2024. 352 с.
2. Лютер М. Избранные произведения / Под ред. А.П. Андрюшкина, пер. К.С. Комарова, Ю.А. Голубкина, Ю.М. Каган. СПб., 1994. 433 с.
3. Хеер Ф. Священная Римская Империя. История союза европейских государств от зарождения до распада / Пер. с англ. Л.А. Карповой. М., 2023. 447 с.
4. Хрестоматия по истории средних веков. Т. 3 / под редакцией Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1950. 350 с.
5. Creighton M. A history of the Papacy during the period of the Reformation. 4, The Italian princes, 1464–1518. London, 1887. 314 р.
6. Luther M. Appellation oder Berufung an ein christlich frei Concilium von dem Papst Leo und seinem unrechten Frevel verneuert und repetirt. München, 1520.

Садретдинов Руслан Альбертович, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; monsssssr@gmail.com

The influence of imperial discourse on the conflict between the Roman Catholic Church and Martin Luther

The article examines the key aspects of the influence of imperial discourse on the political and religious confrontation between the Catholic Church and the reformer Martin Luther at the beginning of the 16th century. The transformation of the conflict from

religious to political and secular is considered, where the Emperor of the Holy Roman Empire and the imperial estates acquired significant influence.

Keywords: Reformation, Martin Luther, Catholic Church, imperial discourse

Sadretdinov Ruslan Al'bertovich, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; monssssr@gmail.com

УДК 94(510).02-03

Анисимов И.О.

Предпосылки введения надельной системы в Китае при первых империях

В статье будут рассмотрены тенденции экономического развития в первых китайских империях: Цинь (221–206 гг. до н.э.), Хань (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.), а также краткосрочной империи Синь (9–23 гг. н.э.), которая разделила историю империи Хань на два периода. Этот период наложил отпечаток на всю последующую историю Китая, в том числе непосредственно на те эпохи, которые последовали прямо за ним – времена упадка и раскола страны на части, многочисленных варварских нашествий и варварских царств в колыбели китайской цивилизации, которые пришли на III–VI вв., а также на новые империи, вновь объединивших страну – Суй (581–618 гг.) и Тан (618–907 гг.). Этот период характеризуется попыткой введения государственной монополии на землю, известной как надельная система, а предпосылки ее проявились уже при первых империях, изучению которых и будет посвящена данная статья.

Ключевые слова: Китай, экономика, сельское хозяйство, Цинь, Хань, Синь

В III–VIII вв. в Китае проводилась политика по установлению государственной собственности на землю с последующей раздачей крестьянам отдельных участков для землепользования и выплаты. Такая форма организации сельского хозяйства известна как «надельная система». Предпосылки для ее введения зародились еще при предыдущих империях – Цинь (221–206 гг. до н.э.) и Хань (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Короткая империя Синь (9–23 гг. н.э.), разделившая империю Хань на две эпохи, также оставила след в экономической истории Китая. В данной работе будет рассмотрена экономическая политика имперских властей Китая от провозглашения империи Цинь до восстания Желтых повязок, уничтожившего империю Хань как единую систему. Данное исследование посвящено политике непосредственно в самой империи, вопрос военных поселений на окраинах как элемента экономической политики выносится за его рамки.

Эпоха Сражавшихся царств в Китае подошла к концу в 221 году до н.э. Длительный междуусобные войны между отдельными

царствами завершились объединением всей Поднебесной царством Цинь. Взлет царства Цинь был обеспечен принятой в нем экономической моделью, направленной на мобилизацию всех имеющихся в стране ресурсов, которые затем успешно использовались для ведения войн и укрепления внутренней стабильности. Она была заложена реформами сановника Шан Яна, проведенными в IV веке до н.э. В экономической сфере Шан Ян предлагал тотальный переход экономики под государственный контроль: ввести закон о едином налоге, запретить частную торговлю зерном и т.д. [11, с. 141-147].

В царстве Цинь практиковался уравнительный подход к наделению крестьян землей. Взрослые сыновья должны были обзаводиться собственными участками, а не оставаться под крышей отца. С крестьян брали налоги зерном, а также сеном и соломой, шедшими на фураж. Активно практиковались мобилизации населения для несения воинской службы и трудовых повинностей. К последним относилась даже государственная гражданская служба – многие циньские чиновники попадали на службу по мобилизации и служили за паек [5, с. 850].

Объединение страны под властью циньского вана (царя) Ин Чжэна привело к тому, что он перестал довольствоваться прежним титулом, потребовав у своих приближенных создать новый, соответствующий его положению титул. Выслушав предложения сановников, он внес в них правки, остановившись на титуле «хуанди», «властитель-император», став именоваться «Цинь Шихуанди», что можно перевести как «Первый властитель-император Цинь» [10, с. 62]. Китай стал империей.

Большинство приближенных императора предлагали правительству сохранить прежние царства как административно территориальные единицы, а для обеспечения надлежащего контроля над ними поставить во главе их сыновей императора. Это предложение было подвергнуто критике со стороны главы судебного приказа Ли Сы. Он сослался на опыт основателей древнего царства Чжоу Вэньвана и У-вана, которые уже проводили такую политику, раздавая уделы членам семьи. Это привело к тому, что все более и более отдалявшиеся друг от друга родственники со временем превратились во врагов, погубив своими смутами государство. Ли Сы предлагал обращать доходы от земель, разделенных на административные единицы уже в составе империи, в казну и уже из казны выделять средства на содержания сановников и принцев. Предложение Ли Сы было принято императором, который согласился, что выделение уделов приведет к распаду страны. По приказу императора страна была разделена на тридцать шесть областей, в каждой

из которых управление осуществлялось назначаемыми императором наместником, воеводой и инспектором [10, с. 64].

Смерть императора, случившаяся в 210 году до н.э., стала началом конца первой империи Цинь. Вскоре она рухнула под тяжестью внутренних противоречий, переходящих в вооруженные конфликты. В 202 году до н.э. страна была объединена Лю Баном, бывшим провинциальным чиновником, выдвинувшимся в годы падения империи Цинь. Он объединил страну, создав новую империю Хань и став ее первым императором под именем Гао-цзу.

Устройство новой империи получилось сложносоставным. Семь человек (родственники императора и соратники по завоеванию власти) получили в свое владение по уделу и стали именоваться ванами (царями). Часть страны при этом осталась непосредственно под управлением императора. Ваны в своих владениях получили право самостоятельно вести экономическую политику по своему усмотрению [7, с. 20].

Система удельных владений ванов продолжала существовать вплоть до 154 года, когда семь ванов подняли мятеж против империи Хань, но потерпели поражение. Это привело к изменению системы государственного устройства в пользу ее дальнейшей централизации. В соответствии с принятым во время правления императора У-ди (141–87 гг. до н.э.) указом, уделы ванов должны были делиться между всеми сыновьями [1, с. 232]. Данный указ был замаскирован под милостивое разрешение делиться наследством с братьями. Это привело к их резкому ослаблению, а вскоре окончательно уничтожило любые остатки их прежнего могущества [7, с. 21].

Налог на урожай был установлен в размере 1/15 доли [6, с. 392]. Социальная структура занятого в сельском хозяйстве населения империи Хань отличалась явно выраженным расслоением. Крестьянство Китая переживало процесс обезземеливания, когда земли переходили под контроль богатых землевладельцев, обрабатывавших ее с помощью рабов и быков [8, с. 70]. Попытки завладеть землей предпринимали также торговцы и ростовщики. Эти люди составили свои состояния на организации производства соли и железа. Они смогли пережить империю Цинь и последующие гражданские войны. В эпоху Хань они стали для нового режима источником денег. С них брали повышенные налоги и подвергали всевозможным сословным ограничениям. Эти люди, разбогатевшие в годы восстановления экономики при первых императорах Хань, проникали в деревню со своим капиталом и разоряли крестьян посредством ростовщичества, лишая их земли, присваивая ее себе и становясь т.н. «сильными семьями», концентри-

ровавшими в своих руках значительные ресурсы и средства. Государство пыталось помешать этому, используя раздачу имевшегося в его распоряжении фонда неосвоенных земель обездоленным земледельцам [8, с. 70].

Период правления императора У-ди (141–86 гг. до н.э.) отмечается активной внешней политикой и завоевательными войнами. Эти довольно затратные мероприятия привели к усилению налогового гнета на население страны. Необходимость изыскания новых средств вынуждала искать новые методы налогообложения. Были установлены государственные монополии на соль и железо. Это произошло в 119 г. до н.э. В 98 г. до н.э. была учреждена государственная монополия и на алкоголь. При наследниках У-ди государственные монополии подвергались критике и в конце концов были отменены к 44 г. до н.э. [8, с. 82–86]. Несмотря на ослабление роли государства в экономике, были предприняты новые безуспешные попытки наступления на торговцев и ростовщиков, не оставлявших попытки проникнуть в деревню, которые закончились ничем.

Экономическая политика периода Западная Хань характеризуется резким, по сравнению с предшествующей империей Цинь, ослаблением роли государства в экономику. Государство смогло победить лишь владельцев крупнейших земельных уделов (ванов), чьи владения были достаточно велики, чтобы претендовать на статус отдельных государств, чему дополнительно способствовала полученная от Гао-цзу автономия. Но с более мелкими землевладельцами, чьего могущества не хватало для создания угрозы центральной власти, ситуация лишь ухудшалась: эти люди успешно проводили политику закабаления и обезземеливания крестьян, что вело к росту социального напряжения.

Решительная попытка резко разрешить эту проблему была предпринята в начале I в. н.э. реформатором Ван Маном, сумевшим занять императорский трон. Царедворец Ван Ман, родственник императорской семьи, тестя предпоследнего малолетнего императора Пин-ди (правил в 1–6 гг. н.э.) и регент при следующем императоре-ребенке, организовал отречение своего трехлетнего государя, после чего занял его место [4, с. 249–250]. Было провозглашено создание империи Синь («Новая»), что символизировало начало новой эпохи.

Став императором, Ван Ман предпринял попытку воссоздать систему «колодезных полей» цзинь-тянь, чье описание приводится в трактате «Мэн-цзы». Эта система предусматривала деление обрабатываемой земли по схеме, напоминающей иероглиф 井 (колодец), блоками три на три. Восемь крайних участков обрабатыва-

лись, соответственно, восемью семьями, а центральный, девятый – всеми ими совместно, урожай с которого отдавался в качестве налога [9, с. 78-79]. Ван Ман в своем указе о возрождении этой системы также указывал, что семьи в древности отдавали 1/10 урожая со своих участков [3, с. 89]. Фактически эта реформа предусматривала установление государственной монополии на землю, которая затем передавалась непосредственно земледельцам, которые должны были вносить налоги с урожая.

Было запрещено рабство, поддерживавшееся в империи Хань за счет закабаления крестьян. Кроме того, в государстве Синь произошел возврат к практике государственных монополий. Новое государство объявило своей исключительной сферой деятельности производство железа, соли, алкоголя, разработку горных недр, чеканку монет и контроль над финансовыми операциями. Главной жертвой таких реформ становились представители купечества, ростовщики и крупные землевладельцы. Реформы насаждались сверху, непосредственно из императорского дворца и были призваны облегчить положение народных масс, и именно такой их характер сделал их невозможными, ведь именно промежуточные слои, в чьих руках были силы и средства по исполнению воли императора-реформатора, саботировало их. Ван Ману пришлось пойти на уступки и издать указ о разрешении свободно торговать землей и рабами [3, с. 90-91].

Фактором, оказавшим грандиозное влияние на политику Ван Мана, стало грандиозное наводнение на Хуанхэ, затопившее большие площади обрабатываемых и густонаселенных земель и вызвавшее большие разрушения и человеческие жертвы. Оно было воспринято как недовольство Небом нынешним императором и ускорило сворачивание земельной реформы. Несмотря на уступки императора, недовольство по стране усилилось и привело ко множеству больших и малых восстаний, крупнейшее из которых известное как восстание «краснобровых». Оно закончилось гибелью Ван Мана в 23 г. до н.э. и реставрацией империи Хань во главе с одним из представителей разросшейся династии [4, с. 251-252]. Начался второй период империи Хань – Восточная Хань (25–220 гг. н.э.).

Политика Ван Мана представляла собой попытку решительными действиями уничтожить обезземеливание и закабаление крестьян, которые в последующем превращались в рабов, и подчинить государственному контролю отрасли экономической деятельности, связанные с разработкой природных ресурсов и финансами. Она шла против интересов правящего слоя, набирающих мощь «сильных семей», а также и глобальных тенденций экономическо-

го развития Китая, в соответствии с которыми мелкие крестьяне разорялись, уступая место крупным землевладельцам. Это и предопределило ее провал. На фоне прошлых подобных попыток, которые предпринимались ранее, эта особенно выделяется своими масштабами и последствиями.

Период Восточной Хань характеризуется возобновлением этой тенденции, «сильные семейства» вновь стали обретать большое могущество, подтачивая государство. Особенно сильно этот процесс усилился во II в. н.э., когда крестьяне все чаще и чаще стали переходить под покровительство тех, кто мог его им обеспечить [2]. Опасность для государства здесь заключалась в том, что «сильные семейства», собиравшие под своей властью большие земельные угодья, не выплачивали с них полноценно налоги, сокращая тем самым экономическую базу империи. Доходило до того, что «сильные семейства» обзаводились собственными укрепленными пунктами и вооруженными отрядами [4, с. 253]. Ухудшение положения крестьян вылилось в грандиозное восстание «Желтых повязок», последствия которого и похоронили империю Хань.

Империя Цинь была построена в условиях тотального государственного контроля над экономикой и погибла, не сумев перепланировать в единый монолит составлявшие ее бывшие царства. В Западной Хань практиковались разные подходы к экономике – от самоустраниния до введения монополий, но разрешить ключевую проблему роста «сильных семей» не смогли. Радикальная попытка разрубить этот гордиев узел в империи Синь окончилась провалом, после которой в Восточной Хань больше не предпринимались попытки решить вопрос обезземеливания мелких крестьян и концентрации земель в немногих руках, который в итоге привел к ее разложению и гибели.

Таким образом, опыт первых империй показал, что и вмешательство, и невмешательство государства в экономику могут оказаться бесполезными для решения проблем. С другой стороны, опыт Цинь, введение монополий и эксперименты Ван Мана показали, что у государства есть возможность управлять экономикой в ручном режиме. Вызревший земельный вопрос и опыт экспериментов с государственным вмешательством с экономикой – вот предпосылки надельной системы, которая в последующие века была введена в попытках сохранить стабильность и обеспечить развитие новых империй в Китае в условиях опустошения, вызванного последствиями падения империи Хань и последующих вторжений варваров.

Библиография

1. Бань Гу. Хань шу (История Хань). Т. I. Пер. с кит. В.В. Башкеева, М.Ю. Ульянова. М., 2021. 510 с.
2. Васильев Л.С. История Востока. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/-goYme1PhYEEJzdOrHC9YvOP9OsIQPi5m9ejpA3rYLFXz4C7bfUmNH__-lNaqdhgSTcXBMNRol_omvhASevFDBffm3JyNECR5dTYoXVtphfDDhwH/Vasilyev_L_Istoria_Vosto ka_Tom_1.pdf (дата обращения: 16.03.2025)
3. Думан Л.И. Реформы Ван Мана (из социально-экономической истории древнего Китая) // Вестник древней истории. 1940. № 1 (10). С. 82-98.
4. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.) / отв. ред. Л.С. Переломова. М., 2014. 687 с.
5. Корольков М.В. Налоговая система периода формирования древнекитайской империи (вторая половина IV–I вв. до н.э.) // Вестник древней истории. 2017. Т. 77. № 4. С. 840-869.
6. Крюков. М.В. Империя Хань в III в. до н.э. – I в. н.э. // История древнего Востока. Под ред. В.И. Кузицина. М., 2001. С. 392-398.
7. Крюков М.В., Переломов С.Н., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. 426 с.
8. Кудрин В.И. Экономическая политика в период Западная Хань // Социальная и социально-экономическая история Китая / отв. ред. В.П. Илюшечкина. М., 1979. С. 66-89.
9. Мэн Кэ. Мэн-цзы. Пер. с кит. В.С. Колоколова. СПб., 1999. 272 с.
10. Сыма Цзинь. Исторические записки (Ши Цзи). Пер. с кит. Р.В. Вяткина и М.С. Таскина. Т. II. М., 2003. 567 с.
11. Шан. Ян. Книга правителя области Шан. Пер. с кит. В.С. Переломова. М., 1993.

Анисимов Илья Олегович, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; a.2022.ilya@gmail.com

The prerequisites for the introduction of the equal-field system in China during the initial empires

The article will consider the trends of economic development in the first Chinese empires: Qin (221–206 BC), Han (202 BC – 220 AD), and the short-term Xin Empire (9–23 AD), which divided the history of the Han Empire into two periods. This period left its mark on the entire subsequent history of China, including directly on those eras that followed it – the times of decline and split of the country into parts, numerous barbarian invasions and barbarian kingdoms in the heart of Chinese civilization, which occurred in the 3rd-6th centuries, as well as new empires that reunited the country – Sui (581–618) and Tang (618–907). This period is characterized by an attempt to introduce a state monopoly on land, known as the equal-field system, but the prerequisites for it were already evident in the first empires. This article will be devoted to studying them.

Keywords: China, economy, agriculture, Qin, Han, Xin

Anisimov Il'ya Olegovich, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; a.2022.ilya@gmail.com

Сапарова Ш.

Родоплеменные традиции в Монгольской империи на этапе зарождения

В данной статье раскрываются особенности зарождения и последующего развития Монгольской империи на этапе протогосударственности через призму родоплеменных традиций. Характеризуются социальные нормы, религиозные верования, особенности воспитания кочевников монгольских племен.

Ключевые слова: Монгольская империя, родоплеменные традиции, кочевники, вожди, религиозные верования

Родоплеменные традиции играли основополагающую роль в формировании социальной структуры монгольского общества. Эти традиции определяли, как выстраивались отношения между различными кланами, какой была иерархия власти и как передавались ресурсы, что важно для понимания механизмов управления и политических процессов того времени. Изучение этих традиций помогает проследить связь между древними обычаями и современными культурными практиками. Многие элементы этих традиций сохранились в культурном наследии, что позволяет исследовать продолжение исторических линий в современности.

Прежде всего родоплеменные традиции оказали влияние на историю формирования Монгольской империи, поскольку они способствовали объединению различных племен под единой властью Чингисхана, создавая условия для политической стабильности и военной мощи. Далее, изучение родоплеменных традиций также позволяет оценить, как зарождение Монгольской империи повлияло на соседние народы и их культуры, открывая новые горизонты для понимания динамики межкультурных взаимодействий в Центральной Азии. Таким образом, исследование родоплеменных традиций в контексте зарождения Монгольской империи является важным направлением, которое обогащает наши знания об историческом и культурном наследии региона.

Во второй половине XII – начале XIII в. на огромных пространствах от Великой Китайской стены до озера Байкал жили многочисленные монгольские племена. Собственно монголы были одним из этих племен. Именно это племя дало потом обобщенное имя всему монгольскому государству [2].

Исследователь М. Александров отмечал, что племена, называемые «монголы» (китайцами), впервые фиксируются не раньше XI века, а в исторических источниках появляются в XII веке. Ско-

рее всего, это слово означало «серебряные». Так называлось одно из объединений племен, живших на территории нынешней Монголии и говоривших на одном из монгольских языков [1].

В сведениях персидского летописца Рашид-ад-Дина можно почерпнуть значимые сведения о зарождении и развитии Монгольской империи от самых ее истоков. Благодаря данным сведениям мы можем говорить о том, что на рубеже XII – XIII вв. у кочующих монгольских племен формируется принципиально новый тип общины в силу постоянных военных столкновений и перехода имущества от одного общинного коллектива к другому («так как скот и пастбища – легко отчуждаемое имущество, то у различных коллективов, связанных между собой отношениями родства и свойства, возникала необходимость в постоянной готовности к их защите» [6]).

В данный период при сохранении кровнородственной основы в общине стали медленно изменяться принципы линейности родства, что было связано с расширением роли и функций мужчин в обществе. Род и община становятся постепенно патрилинейными, а на смену тотемическому материнскому роду приходит генеалогический отцовский род. Постоянное ядро общины составляет группа родственников разных поколений, принадлежащих к одному отцовскому роду. Как уже ранее отмечалось, это было обусловлено, прежде всего, ролью мужчины-воина, защитника, обеспечивающего сохранность движимого имущества общины (скот).

Летописец Рашид-ад-Дин приводит сведения о «легендарном родоначальнике монголов – «Бортэ-Чино» (Серый Волк)». Этот образ демонстрирует формирование новых родоплеменных традиций, основанных на тотемических религиозных представлениях – культе родоначальника, ассоциируемого с божеством-тотемом. Впоследствии оно дополняется представлениями о «небесном происхождении» родоначальника, что, по мнению исследователей обусловлено, переходом к производящему типу хозяйства и элементам начавшейся централизации.

В основание этой системы была положена «Легенда об Алангоа», которая, будучи использована автором «Сокровенного сказания монголов», логически продолжала «Легенду о Бортэ-Чино» и была призвана окончательно и безоговорочно обосновать с позиций верований древних монголов – тэнгрианства – «небесное избранничество» прародителей Чингисхана: во-первых, подтвердить небесное происхождение «главы и вождя некоторых племен» монголов Бортэ-Чино и, во-вторых, объявить о «небесном праве» на ханскую власть рода хиад-боржигин, из которого вел происхождение Чингисхан [5].

О.В. Лушников в своем обобщающем труде отмечал оформление у монголов к XIII в. так называемой «мифологической нормативной системы», непосредственно связанной с родовыми традициями. От родственных отношений, имевших в основе брачно-семейные нормы, зависели властные отношения (отношения подчинения одних групп, одних индивидов другим) и распределительные отношения. Это в значительной мере определило иерархию, социальную структуру монгольского общества в процессе дальнейшего формирования и развития Монгольской империи.

В выделяемую исследователями эпоху прародителей Чингисхана не только шли самоорганизационные процессы формирования традиций, обычая, обрядов, но и проходило сознательное, творческое создание социальных норм, также в значительной мере основаны на родоплеменных традициях. Тем самым судебные функции выполнялись зачастую не только старейшинами или вождями, но и зачастую родственниками провинившегося [5].

Одним из значимых регуляторов общественных отношений на этапе зарождения и последующего становления Монгольской империи – как порождение родоплеменных традиций – были запреты, табу, ограничивающие недопустимое поведение монголов. Табу были подкреплены, как правило, религиозными, мифологическими нормами, передавались в роду из поколения в поколение, что обуславливало их прочное закрепление.

Так, например, запрещались убийство, воровство, систематическая ложь, соблазнение чужих жен, кровосмешение. Запрет на кровнородственные браки предстал одним из ключевых факторов последующего смешения родов и перехода к племенной структуре.

Значимыми регуляторами, наравне с табу, были и определенные дозволения, которые определяли возможности кочевников и также влияли на характер родоплеменных отношений. Так, например, в брачно-семейных отношениях дозволялась полигамия, что также обуславливало первостепенную передачу родовых привилегий по отцовской линии.

Кроме того, разрешалась кровная месть, что стимулировала острые конфликты между отдельными родами. Монгольская империя тем самым в период самых своих истоков развивалась в ходе военных столкновений и непрерывной борьбы кочевников как за ресурсы, так и в силу сложившихся традиций и обязательств.

Еще одним способом регулирования отношений в родовых сообществах монголов было позитивное связывание или обязывание, обеспечивающее строгое соблюдение установленных правил, обычая и традиций в различных областях жизнедеятельности. Например, процесс проведения облавной охоты регламентировал-

ся особым порядком, где ведущую роль играл, безусловно, племенной вождь.

Санкции, применявшиеся к нарушителям этих социальных норм, имели свою структуру. Общественное порицание, изгнание из общины, нанесение телесного повреждения, смертная казнь – вот наиболее типичные их формы.

Важно отметить, что указанные нами нормы и в целом основы воспитания транслировались в роду – от родителей к детям. Основной целью воспитания было подготовить молодое поколение к жизни в условиях кочевого существования, где выживание зависело от навыков охоты, скотоводства и военного дела. С раннего возраста дети учились управлять лошадью, что считалось важнейшим умением, так как лошадь была основным средством передвижения и источником пищи [5].

Так, Чжао Хун писал о воинах-монголах следующее: «ожидаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы [они] каждый день гоняются и охотятся. [Это] и есть их средство к существованию...» [7].

Семья играла центральную роль в воспитании. Мальчики часто учились у отцов, а девочки – у матерей, перенимая от них не только навыки, но и культурные ценности. Воспитание акцентировалось на соблюдении традиций, уважении к старшим и коллективной ответственности. С ранних лет детям прививали идеи товарищества, мужественности и стойкости, что было обусловлено военными походами и необходимостью защиты своего племени.

Также важным аспектом было наличие ритуалов и обрядов, которые формировали у детей чувство принадлежности к своему народу и культуре. Через рассказы, песни и легенды передавались исторические знания и моральные уроки. Таким образом, воспитание в кочевых племенах монголов сочетало в себе практическую подготовку к жизни в условиях степи и духовное развитие, что способствовало сохранению их уникальной идентичности.

Обязательным компонентом воспитания монгольских детей той эпохи было упомянутое нами ранее «наставление в знании родословия каждого появившегося на свет ребенка. Безусловно, это было важно для формирования представлении об иерархии и родовой принадлежности, и особенности это было значимо в семьях монгольской элиты – вождей.

Ярким примером воспитания через легенды, притчи о родословной и происхождении предков было воспитание Тэмуджина, будущего Чингисхана.

Крупнейший историк русского зарубежья, один из основателей евразийства Г.В. Вернадский писал по поводу влияния «слов

предков сокровенных» и, в частности, «Легенды об Алан-гоа» на мировосприятие юного Тэмуджина: «Теперь перед нами стоит задача определить, когда легенда о сверхъестественном рождении трех последних сыновей Алан-гоа была введена в монгольскую генеалогию» [3].

В системе воспитания монгольских детей в эпоху Чингисхана трудно переоценить роль традиционных верований древних монголов – тэнгрианства или небопочитания, являвшегося фундаментальной концепцией народной религии древних обитателей Монголии – шаманизма. Именно кульп Всеышшего Тэнгри определял отношение монголов к окружающей действительности и самим себе. В значительной мере это было положено в воспитание и родоплеменные традиции монголов на десятилетия вперед [1].

Таким образом, родоплеменные традиции в Монгольской империи на этапе ее зарождения сыграли ключевую роль в формировании социально-экономической структуры и культурной идентичности народа. Эти традиции обеспечили сплочение племен, способствовали совместным действиям в военных походах и создали основу для становления мощной империи. В условиях обширных степей и постоянных миграций именно родоплеменные связи позволили монголам успешно адаптироваться и развиваться, заложив фундамент для будущих достижений и расширения их влияния на обширные территории.

Библиография

1. Карпини П. История монголов. СПб., 2014. 212 с.
2. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. М., 2002. 305 с.
3. Чжао Хун Записка о монголо-татарах. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. 625 с.
4. Александров М. Этногенез монголов: от истоков до эпохи Чингисхана. – URL: <https://magisteria.ru/mongols/ethnogenesis-of-mongols> (дата обращения: 01.03.2025)
5. Баханов А.Н., Горинов М.М. История России с древнейших времен до конца XVII в. – URL: <https://oldevrasia.ru/library/Istoriya-Rossii-s-drevneyshikh-vremen-do-kontsa-XVII-veka-/47> (дата обращения: 01.03.2025)
6. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, 1997. 305 с.
7. Лушников О.В. Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. – URL: <https://goldhorde.ru/wp-content/uploads/2019/01/Лушников.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).
8. Почекаев Р.Ю. «Чингизово право». Правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии (Средние века и Новое время). Казань, 2016. 252 с.

Сапарова Ширин, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; shirinsaparova2@gmail.com

Tribal traditions in the Mongol empire at the stage of inception

This article reveals the features of the origin and subsequent development of the Mongol Empire at the stage of proto-statehood, through the prism of tribal traditions. Social norms, religious beliefs, and features of education of nomads of the Mongol tribes are characterized.

Keywords: Mongol Empire, tribal traditions, nomads, leaders, religious beliefs

Saparova Shirin, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia;
shirinsaparova2@gmail.com

Раздел 4

ИМПЕРСКАЯ ИСТОРИЯ: НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 94(436).08

Пузикова М.В.

Место и статус Елизаветы Баварской при имперском дворе, ее функции и роль

В статье рассматривается роль императрицы Елизаветы Баварской в урегулировании венгерского вопроса и сближении Австрии и Венгрии в середине 1860-х годов. В ходе исследования анализируется, как Елизавета, используя свое влияние на императора Франца Иосифа, способствовала изменению политического курса и налаживанию доверительных отношений с венгерским обществом. Особое внимание уделяется ее дипломатическим усилиям, посредничеству между венским двором и умеренными венгерскими политиками, а также поддержке австрийской монархии в период военного конфликта с Пруссией. Автор приходит к выводу о значимости деятельности императрицы в стабилизации ситуации и подготовке почвы для будущего соглашения между Австрией и Венгрией, что привело к укреплению позиций монархии и либерального конституционализма в регионе.

Ключевые слова: императрица Елизавета, Елизавета Баварская, венгерский вопрос, Австро-Венгрия, дипломатия

В середине XIX века Австрийская империя столкнулась с рядом внутренних и внешних вызовов, одним из которых стал венгерский вопрос. Венгерское национальное движение требовало восстановления исторических прав венгерской нации и введение в действие конституции 1848 года, предполагающей полный суверенитет Венгерского королевства при сохранении унии с Австрией.

Августейшая чета Австрийской империи, Франц Иосиф и Елизавета Баварская, изначально представляли собой разные точки зрения на решение венгерского вопроса. Император считал, что только жесткая централизация власти в государстве способна обеспечить целостность и процветание империи. Тогда как императрица активно поддерживала венгерскую сторону. В связи с этим интересно рассмотреть следующий вопрос: каким образом личные

дипломатические инициативы императрицы Елизаветы повлияли на трансформацию Австрийской империи в дуалистическую монархию Австро-Венгрию в 1867 году?

В конце 1865 года намечается сближение позиций венского правительства и тех патриотических сил в Будапеште, которые выступают за отказ от радикализма и реализацию венгерских требований в рамках единого государства.

Во главе этих сил стоит шестидесятидвухлетний адвокат Франц фон Деак, который на своей родине пользуется большим авторитетом за свою политическую умеренность, благоразумную позицию во время революции 1848 года, личную скромность и ораторский талант. Ранее он подвергал критике призывы к отделению от Австрии и при этом подчеркивал, что для Венгрии это означало бы гибель без всяких надежд на возрождение [1]. Такая позиция делает его естественным посредником между противоборствующими сторонами.

Идеи Деака находят поддержку у Дьюлы Андраши, который наслышан о симпатиях императрицы к Венгрии. Андраши понимает, что Елизавета может стать его союзницей в попытках склонить императора к поддержке его планов.

Императрица активно изучала венгерский язык с преподавателем Максом Фальком, достигнув значительного прогресса в чтении венгерской литературы. Ее интерес распространялся даже на ранее запрещенные материалы, что вызывало беспокойство при дворе. Любовь к Венгрии также выражалась в ее венгерских фрейлинах и ближайших доверенных лицах, таких как Ида Ференци, графиня Мария Фештетич, а затем Ирма Штарай. Императрица поддерживала активные связи с венгерской оппозицией, в частности Андраши.

Откуда берет истоки такая привязанность баварской принцессы к венгерской культуре? В 1857 году императорская чета совершила поездку по Венгрии, Елизавета была искренне впечатлена страной и народом. Ее привлекало то, что венгры не принимали чопорный этикет. Кроме того, Елизавета чувствовала родственную душу в борьбе за свободу личности (венгры боролись за независимость, а она – за личную свободу от дворцовых условностей). Позже императрица часто приезжала в Будапешт, что усилило ее привязанность к стране. Венгрия стала для нее местом, где она могла найти утешение. Большую роль сыграл тот факт, что Елизавета не ладила со свекровью эрцгерцогиней Софией, которая участвовала в подавлении венгерской революции 1848 года. Поэтому венгры видели в молодой императрице человека, который не поддержи-

вал репрессивную политику. Таким образом, симпатия Елизаветы и Венгрии была взаимной с первой встречи.

Итак, зимой 1865 года переговоры по венгерскому вопросу уже идут полным ходом и объявляется о созыве венгерского рейхстага. Елизавета встречается с венгерской депутатией 8 января 1866 года и вызывает бурю ликования. Во-первых, она встречает гостей в национальном костюме и в окружении восьми придворных венгерских дам. Во-вторых, свою речь императрица произносит на венгерском языке, при этом она говорит свободно, ясно и четко, с едва заметным акцентом. «Невозможно передать сухим языком официального донесения то впечатление, которое произвело на венгров обращение императрицы» [1]. В ответ императорская чета получила приглашение в Будапешт и прибыла туда в начале 1866 года.

Императрице предстояла непростая задача – растопить недоверие венгерского общества, образовавшееся после кровавого подавления революции 1848 года. С этим она успешно справилась, что подтверждают следующие слова Франц Иосиф, также признававшего незаменимость супруги в этом вопросе: «Сиси очень помогает мне своей вежливостью, тактичностью и знанием венгерского языка, на котором даже предостережения в адрес местных радикалов, да еще и из уст моей красавицы жены, звучат не слишком строго» [3].

В первой половине 1866 года императрица Елизавета способствовала сближению Австрии и Венгрии, налаживая доверительные отношения с венгерским обществом и содействуя помилованиям участников революции 1848 года. Параллельно нарастало противодействие этим процессам в Вене и обострялась внешнеполитическая обстановка из-за растущего влияния Пруссии.

В период военного конфликта с Пруссией Елизавета активно поддерживала австрийскую монархию, организовав патронаж над ранеными военнослужащими и лично посещая госпитали. Ее социальная активность, особенно в работе с венгерскими военнослужащими, получила признание со стороны императорской семьи и ранее критически настроенной части придворного окружения.

В июле 1866 года императрица Елизавета просит венгерского канцлера Майлата стать ее представителем при императоре и убедить его в необходимости срочных мер по венгерскому вопросу. Она настаивала на увольнении нескольких министров и назначении Дьюлы Андраши на пост министра иностранных дел или как минимум министром по делам Венгрии. Императрица подчеркивала, что это необходимо для успокоения страны и мобилизации ее сил против общего врага [3].

Сохранившаяся переписка Франца Иосифа с супругой показывает настойчивые усилия Елизаветы по организации встречи императора с венгерской оппозицией [1]. В итоге императрица добивается своего: Франц Иосиф проводит конфиденциальные встречи с Андраши и Деаком. Андраши отмечает: «Можно не сомневаться в том, что в случае успеха Венгрия будет обязана своему “очаровательному провидению” даже больше, чем она предполагает» [1].

Наконец, в феврале 1867 года происходят важные кадровые изменения, а затем политические изменения, за которые ратовала императрица. Франц Иосиф все больше склоняется к поддержке Деака с его идеей создания дуалистической монархии. Это ведет к разрыву между Белькреди и Бейстом. Император становится на сторону Бейста и назначает его премьер-министром. Обиженный Белькреди уходит из политики, теперь на пути к установлению равноправных отношений с Венгрией не остается ни одного препятствия. 18 февраля в венгерском парламенте зачитывается указ императора о назначении Андраши премьер-министром страны и о восстановлении венгерской конституции. Австрийская империя переименовывалась в Австро-Венгрию и делилась на две равноправные части. Это решение привело к стабилизации отношений между Австрией и Венгрией: Венгрия начала выплачивать налоги и предоставлять рекрутов.

В мае 1867 года состоялась коронация Франца Иосифа и Елизаветы в качестве короля и королевы Венгрии в Будапеште. Несмотря на политическую нестабильность и опасения по поводу безопасности из-за активности левых радикалов, церемония прошла с большим торжеством и была встречена населением Венгрии с энтузиазмом.

После торжественной клятвы императора и праздничных мероприятий императорская чета получила дары от венгерского народа, включая по 50 000 золотых дукатов каждому монарху. Средства были направлены вдовам и сиротам тех, кто в свое время боролся против Австрии, а также солдатам повстанческой армии, ставшим инвалидами. Несмотря на полное отсутствие данных, подтверждающих или опровергающих причастность императрицы к данному решению, вся Венгрия уверена в том, что она обязана этим именно Елизавете. В честь коронации была объявлена широкая амнистия, что привело к возвращению большинства эмигрантов.

Елизавета получила высокую оценку как от венгерской прессы, так и от политических деятелей, в частности, от Деака, за свою роль в символическом примирении народов. Коронационные мероприятия значительно повысили популярность Елизаветы в Венгрии, хотя ее престиж в австрийских землях при этом снизился.

Елизавета стала ключевым фактором в поиске компромисса между централистскими устремлениями Вены и требованиями венгерской автономии. Ее влияние на императора Франца Иосифа способствовало изменению политического курса и налаживанию доверительных отношений с венгерским обществом. Императрица активно содействовала помилованиям участников революции 1848 года, что также способствовало смягчению напряженности.

В контексте венгерского вопроса Елизавета выполняла следующие функции:

1) дипломатическую: Елизавета проводила дипломатические миссии в Офене и Будапеште, встречаясь с венгерской политической элитой и обсуждая возможные решения венгерского вопроса;

2) медиаторскую: императрица выступала посредником между венским двором и умеренными венгерскими политиками, способствуя поиску компромиссов.

3) функцию моральной поддержки: Елизавета активно поддерживала австрийскую монархию в период военного конфликта с Пруссией, организуя патронаж над ранеными военнослужащими и посещая госпитали.

Роль императрицы Елизаветы Баварской в разрешении венгерского вопроса была многогранной и значимой. Она выступала не только как императрица, но и как дипломат, посредник, способствуя поиску компромиссов и укреплению доверия между Веной и Будапештом. Ее активность и стремление к компромиссу выделяли ее на фоне других членов императорской семьи и придворных. Ее деятельность сыграла важную роль в стабилизации ситуации и подготовке почвы для будущего соглашения между Австрией и Венгрией, что в итоге привело к укреплению позиций монархии и либерального конституционизма в регионе.

Библиография

1. Корти Э.Ц.К. Елизавета I Австрийская. Ростов-на-Дону. 1998. 608 с.
2. Briefe Kaiser Franz Josephs an Kaiserin Elisabeth, 1859–1898. Munchen, 1966. 1902 р.
3. Exner L. Elisabeth von Österreich. Reinbek bei Hamburg, 2004. 158 р.
4. Denenberg B. Elisabeth: the princess bride. New York, 2003. 161 р
5. Sztáray I. Aus den letzten Jahren der Kaiserin Elisabeth. Wien, 1909. 286 р.

Пузикова Марина Владимировна, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; marinapuzikova59486@gmail.com

Elizabeth of Bavaria's place and status at the imperial court, her functions and role

The article examines the role of Empress Elizabeth of Bavaria in the settlement of the Hungarian question and the rapprochement between Austria and Hungary in the

mid-1860s. The study analyzes how Elizabeth, using her influence on Emperor Franz Joseph, contributed to changing the political course and establishing trusting relations with Hungarian society. Special attention is paid to her diplomatic efforts, mediation between the Viennese court and moderate Hungarian politicians, as well as support for the Austrian monarchy during the military conflict with Prussia. The author comes to the conclusion about the importance of the Empress's activities in stabilizing the situation and preparing the ground for a future agreement between Austria and Hungary, which led to the strengthening of the positions of the monarchy and liberal constitutionalism in the region.

Keywords: Empress Elisabeth, Elisabeth in Bayern, Hungarian question, Austro-Hungary; diplomatic efforts

Puzikova Marina Vladimirovna, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; marinapuzikova59486@gmail.com

УДК 327.2

Сахбиев И.Ф.

Колониализм и имперская идея в Германии в правление Вильгельма I

В статье рассматривается формирование германской колониальной политики. Акцентируется внимание на идеологических, экономических и географических факторах, что способствовали колониальной экспансии. Рассмотрена начало международно-правовой защиты германского предпринимательства. Даны попытка рассмотрения становления и реализации имперской политики Вильгельма I и его окружения.

Ключевые слова: империя, колониализм, концессия, экспансия, военная география

В истории Германии на протяжении многих поколений во внутренней и внешней политике ее руководства постоянно присутствовала задача расширения «жизненного пространства» и создания великой империи. Важным аспектом этой задачи было привлечение разных слоев немецкого народа к политике колониализма.

Идеология германского колониализма стала формироваться еще задолго до объединения страны на основе концепций и идей немецких экономистов Фридрих Листа и Вильгельма Рошера, а также историка Генриха фон Трейчке. Они пытались доказать, что колонии нужны Германии и без них ее будущее немыслимо. Их доказательной базой служил тезис о том, что колониальная политика по силам государству, если у нее есть естественные права на приобретения [1, с. 3].

В экономическом отношении европейские колониальные империи были наиболее индустриально развитыми государствами

той эпохи. Политика колониализма позволяла им контролировать важнейшие ресурсы и мировые торговые пути. Бурное экономическое развитие Германии, «выход» на внешние рынки и обусловленная закономерностями европейского прогресса потребность в колониях хронологически совпали со становлением единого немецкого государства. Таким образом существование империи стало невозможным без наличия колонии.

Понятие «Reich», уже существовавшее в рамках Священной Римской империи (962–1806), получило новый смысл, когда 18 января 1871 года Отто фон Бисмарк и Вильгельм I объединили немецкие земли. Само понятие означало территорию императора или государства, объединенную под управлением центрального правительства и подчиняющуюся общему лидеру.

За относительно короткий срок Германии удалось создать полноценную систему управления захваченными территориями, сопоставимую с другими европейскими колониальными империями, и установить торгово-экономические связи. Колониальные общества, возникшие в Германии, стали важными идеологическими и организационными центрами германской экспансии, объединяя представителей государственного аппарата, предпринимателей, ученых и деятелей культуры, а также оказывая влияние на идейный климат того времени.

Первые колониальные проекты появились в Германии в 60–70-е годы XIX в. Они сводились почти исключительно к созданию опорных баз (угольных станций) в различных регионах мира и преследовали торговые интересы. В качестве потенциальных областей для немецкой эмиграции рассматривались Уругвай, Парагвай, Бразилия, Сирия и Месопотамия. Их предполагалось использовать и в качестве базовых пунктов при проведении географических исследований. В 1866 г. возник проект создания непрерывной цепи германских станций для военно-морского флота по всему миру.

Географическая наука вовлекалась в формирование германской внешнеполитической концепции и доктринально обосновывала проникновение за океан. В XIX в. в Германии стало издаваться большое число публикаций по географии. Они содержали в себе не только академическое, но и прикладное знание: сведения об экономическом потенциале различных территорий, отношении коренного населения к европейцам, содержании первых колониальных начинаний [9, с. 55].

Одним из первых серьезную попытку обосновать притязания немецкой буржуазии на обладание колониями сделал немецкий экономист Фридрих Лист. Он был активным сторонником инду-

стриализации Германии и видел решение проблемы рынков сбыта и сырья для немецкой промышленности на путях колониальной экспансии. По мнению Листа, важная задача Германии заключается в том, чтобы не допустить сосредоточения всей торговли с экономически отсталыми странами в руках Англии. Германии необходимо бороться с попытками установления колониальной монополии ведущих держав.

Организация немецкого переселения за океан предполагала выбор территорий, пригодных для рентабельного предпринимательства и капиталовложений. Первоочередными задачами считалось установление реального состояния немецкой демографии, выявление пригодных для колонизации территорий, возможность поставить их под «имперскую защиту».

В 1882 г Фридрих Ратцель, исследуя отношения между природой и государством, опубликовал первую часть своей книги «Антропогеография». Он обработал огромное количество географической, исторической, этнографической и статистической информации, систематизировав ее в единую научную структуру. Эта информация использовалась в качестве убедительного довода в пользу способности Германии и немцев к колониальной политике и ее жизненной необходимости для фатерланда. Портрет Вильгельма I стал непременным приложением к иллюстрациям в колониальной литературе, а прусский король – своего рода колониальным патриархом и колониальным символом Германии.

Исходной основой данного влияния, по Ратцелю, является «земля» (как совокупность ландшафтных видов, которыми обладает государство). Она находится в нерасторжимой связи с семьей, племенем, государством. Исходя из «значения земли для растущего народа», Ратцель ввел еще одно ключевое для своей теории понятие – пространство, «Raum». Теория об «особом» положении Германии в центре Европы, необходимости «борьбы за пространство» и закономерности «саморазрушения культурно бедных народов» колоний способствовала установлению прочного контакта между колониальной идеей и geopolитикой, обосновала немецкое движение за океан [4, с. 167].

К 1869 г. значительная часть колониальных инициатив происходила от ганзейства, с которым в новых, после 1871 г., условиях правительству предстояло строить отношения. Параллельно с адаптацией колониальных проектов в правящих кругах Германии значительно более активно развивались колониальные инициативы колониальных предпринимателей и военных.

Фактором, предрасполагающим Германию к колониальной политике, считался и «жизненный контакт с морем». Изначально в ко-

лониальной идеи ощущалось присутствие конфликта. Его содержанием становилась грядущая борьба за колониальное пространство с другими державами. Сюда же можно добавить появившуюся проблему размещения «избыточного» немецкого населения. В решении проблемы «угрожающего перенаселения» сомкнулись «персональный интерес» и «интерес национального сообщества».

Немецкая география, исходя из научных возможностей и руководствуясь потребностями нации, занималась изучением возможностей расселения немцев в различных регионах мира. Она же устанавливала значение опорных пунктов на мировых коммуникациях, обратив еще в 60–70-е годы XIX в. в рамках «военной географии» на возможности Цзяочжоу, Гонконга, Вэйхайвея.

В 1882 г. возникло Германское Колониальное общество, а спустя год оно имело 492 филиала в Германии и 43 – за границей. Цели организации состояли в организационном сплочении сторонников движения за океан, пропаганде колониальных идей и умножению числа участников колониального движения [7, с.173].

Одной из первых попыток «практической работы» организации стало учреждение «Общества германской колонизации Восточной Африки». 22 марта 1884 г. после завершения торжеств по случаю 87-й годовщины со дня рождения кайзера Вильгельма I в здании берлинской филармонии остались члены Германского колониального общества. Среди них находился и Карл Петерс. В своей речи он говорил о необходимости активизировать практическую колониальную деятельность, которая обладает «экономическим и общенациональным значением» и принесет пользу «германскому рейху и народу» [8, с. 56].

Наряду с общими и уже известными тезисами о необходимости решать проблемы немецкой эмиграции за счет немецких же колоний и рассуждениях о «национальной гордости», «экономической конкуренции», возрастающей «силе наших противников», были поставлены Бисмарком и конкретные колониальные задачи. Предполагалось проводить работу по созданию финансовой базы для колонизации в Восточной Африке, создавать опорные центры – «колониальные дистрикты», проводить систематическую работу по привлечению в них немецких эмигрантов [10, с. 135].

Моральные аспекты «цивилизаторской миссии» придавали дополнительный вес колониальной пропаганде. Колониальную политику предлагалось воспринимать не только через проявление экономической мощи Германии и актуальных для немца социальных проблем, которые оказалось невозможным разрешить на родине, но и как выполнение благородной «культурной» миссии.

Правительство Бисмарка и он сам приняли ответственность за изменение внешнеполитического курса Германии и основание германской колониальной империи. Вначале было отдано предпочтение английской колониальной модели. Германский концессионизм стал производным от английской практики «Royal Charters» (предоставление грамот для введения торговли на территориях колонии) и стал компромиссом между сторонниками и противниками колониальной экспансии [3].

Прогнозы начинающих колониальных идеологов, надежды колониальных пропагандистов, правительенная установка на успешную апробацию британского колониального опыта в немецких колониях не оправдались практически с самого начала. Правительство Бисмарка, вопреки концессионной теории, положенной в основу германской колониальной политики, вынуждено было прибегнуть к ранее подвергнутым суворой критике «французским» методам колонизации. Военные и другие непредвиденные расходы на колонии стало финансировать государство.

В 1885 г. из Гамбурга отплыли 1220 судов, из них половина – в Азию, Африку, Океанию, Северную и Южную Америку. Считалось, что субсидии пароходным компаниям преследуют две цели – коммерческую и политическую и «способствуют пропаганде германского флага на океане и за океаном и облегчают колониальную политику Германии, а в случае войны могут быть приспособлены к перевозке войск» [9, с. 75].

Объединение Германии в рамках одного государства ускорило формирование колониальной идеологии и политики Второго рейха. «Колониальный вопрос» в 1870 – 1880-е гг. становится постепенно одним из наиболее актуальных и ключевых во внешней политике молодой империи.

Первые годы германской колониальной политики показали, что концессионизм во многих отношениях недееспособен и требуются новые подходы и средства для освоения заокеанских владений. Практически всем сторонникам немецкой колониальной идеи было ясно, что в основе новаций должно лежать расширение государственного участия в колониальной политике. После неудачного копирования британской политики «Royal charters» опыт германской колонизации продемонстрировал, что колониальная политика выходит за рамки исключительно торговли. Настоятельно требовался отход от концессионизма и превращение германской колониальной системы в действующую модель. А вместе с ней и увеличение противоборства с другими колониальными державами.

Библиография

1. Boianovsky M. Friedrich List and the economic fate of tropical countries // History of Political Economy 2013. №45(4). P. 647–691.
2. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. I–XVI, Leipzig 1854–1960. 120 s.
3. Die reden des grafen von Caprivi im deutschen Reichstage, preussischen Landtage und bei besonderen anlässen 1883–1893. 429 s.
4. Beck H. Friedrich Ratzel – der große Anreger der Anthropogeographie (1844–1904) // Hanno Beck: Große Geographen. Pioniere – Außenseiter – Gelehrte. Dietrich Reimer Verlag, Berlin, 1982. S. 164–179.
5. Fröhlich M. Imperialismus. Deutsche Kolonial und Weltpolitik 1880–1914. München, 1994.
6. Roscher W. Umriss zur Naturlehre der drei Staatsformen / Vom Prof. Roscher in Göttingen // Allgemeine Zeitschrift für Geschichte. Berlin, 1847. Bd. VII. S. 79–88.
7. Аржакова Л.В., Барышников В.Н., Бодров А.В. Теории и истории империй. Академический словарь; отв. ред. В.Н. Барышников. СПб., 2012. 728 с.
8. Perras A. Carl Peters and German imperialism, 1856–1918: a political biography // Clarendon Press. 2004. P. 286.
9. Пуховская Е.В. Колониальная идея в кайзеровской Германии: Замыслы и воплощение. Дисс. ...д.и.н. Иркутск, 2001. 832 с.
10. Пуховская Е.Ю. Военная бюрократия в колониях кайзеровской Германии (1884–1914 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Т. 7. 2014. С. 129–139.
11. Ряполов В.В. «Колониальный вопрос» в Германии (1870-е – 1880-е годы): в поисках национально-государственной идентичности) // История: факты и символы. 2016. № 2. С. 1-9.
12. Соколов А.П., Давыдов А.Д. Колониальная политика Германии в современной общественно-политической дискуссии ФРГ // Международная аналитика. 2022. Том 13 (3). С. 67-78.
13. Шишкиов В.В. Империя как понятие и концепт современной политической науки проблемы интерпретации // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 22–36.

Сахбиеев Ильяс Фанисович, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; saharovka1714@mail.ru

Colonialism and the imperial idea in Germany during the reign of Wilhelm I

This article examines the formation of German colonial policy. Attention is focused on the ideological, economic and geographical factors that contributed to the colonial expansion. The article considers the beginning of international legal protection of German entrepreneurship. An attempt is made to consider the formation and implementation of the imperial policy of Wilhelm I and his entourage.

Keywords: empire, colonialism, concession, expansion, military geography

Sahbiev Il'yas Fanisovich, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; saharovka1714@mail.ru

Акимов Е.С.

Роль трехклассной избирательной системы в формировании немецкого консерватизма

Статья посвящена исследованию роли трехклассной избирательной системы в формировании и укреплении немецкого консерватизма в XIX – начале XX века. Трехклассная система, введенная в Пруссии в 1849 году и просуществовавшая до 1918 года, была основана на имущественном цензее, который разделял избирателей на три категории в зависимости от суммы уплачиваемых налогов. Эта система обеспечивала доминирование элит, таких как прусское юнкерство, в политической жизни, что способствовало сохранению консервативных ценностей и традиционных социальных структур. В докладе анализируется влияние трехклассной системы на политическую культуру Германии, ее роль в поддержании власти консервативных сил и ее значение для формирования политического ландшафта в период объединения Германии. Особое внимание уделяется тому, как система ограничивала доступ к власти либеральным и социалистическим движениям, тем самым замедляя процессы демократизации и укрепляя консервативные идеи.

Ключевые слова: трехклассная избирательная система, консерватизм, юнкерство, имущественный ценз, выборы, партии

Трехклассная избирательная система, действовавшая в Пруссии с 1849 по 1918 год, представляет собой уникальный феномен в истории политических институтов Европы. Основанная на имущественном цензее, она разделяла избирателей на три категории в зависимости от суммы уплачиваемых налогов, что обеспечивало значительное преимущество элитам – крупным землевладельцам, промышленникам и представителям аристократии. Эта система не только формировала политический ландшафт Пруссии и Германской империи, но и оказывала существенное влияние на развитие немецкого консерватизма, становясь инструментом сохранения традиционных социальных и политических структур в условиях стремительных изменений, вызванных индустриализацией и урбанизацией.

Главной проблемой в исследовательские работы является анализ ее влияния на социально-политическую структуру Германской Империи в XIX – начале XX века. Трехклассная система, основанная на имущественном цензее, стала инструментом сохранения власти консервативных элит, таких как прусское юнкерство, и способствовала укреплению традиционных ценностей в условиях модернизации общества. Однако введение и функционирование данной системы породили ряд существенных противоречий. Ключевая проблема заключается в необходимости оценки степени влияния трехклассной системы на сохранение консервативных ценностей

и традиционных социально-политических структур, а также в анализе ее воздействия на процессы демократизации и социальной модернизации общества.

Целью данного исследования является анализ роли трехклассной избирательной системы в формировании и эволюции немецкого консерватизма. В рамках исследования ставятся следующие задачи: 1) рассмотреть исторические предпосылки введения трехклассной системы и ее основные принципы; 2) проанализировать влияние системы на распределение политической власти и ее роль в поддержании доминирования консервативных элит; 3) исследовать взаимосвязь между трехклассной системой и идеологическими процессами, включая противостояние консерватизма, либерализма и социализма.

Источниковой базой исследования служат конституция Пруссии, конституция Германской империи и положение о проведении выборов в Палату депутатов, в которых описаны методы проведение выборов в органы власти, в частности, рейхстаг, ландтаг Пруссии. В работе были использованы труды Ю.А. Бокова, в которых автор подробно анализирует исторические предпосылки ее введение, механизмы функционирования и влияние на политическую жизнь Пруссии и Германии в целом. В них подчеркивается, что система привела к углублению социального неравенства [1; 2]. Рабочий класс и крестьянство, составлявшие большинство населения, были практически лишены политического влияния, что вызывало рост недовольства и способствовало политической нестабильности в начале XX века. Также были использованы работы А. Беккера, в которых дается анализ экономических и политических аспектов трехклассной избирательной системы. Автор исследует, как эта система влияла на распределение политической власти и экономических ресурсов, а также ее роль в сохранении консервативного режима [3].

В 1848–1849 годах в Европе происходили революционные события, называемые «весной народов», включавшие неповиновение властям, вооруженные восстания и провозглашение новых государств. Эти движения, охватившие несколько стран, носили антифеодальный и национально-освободительный характер. Их участники требовали демократических преобразований, стремясь к более справедливому и свободному общественному устройству. В Пруссии в результате демонстраций король Фридрих Вильгельм уступил требованиям протестующих и пообещал парламентские выборы, свободу прессы и конституцию [2, с. 79]. В 1850 году была принята Конституционная хартия Пруссии [6]. Согласно конституции, в Пруссии формировался парламент (ландтаг). Избиратель-

ное право, согласно конституции, было у всех граждан мужского пола, достигших возраста 25 лет, но каждый класс при голосованиях имел свой политический вес [6]. Избирательное право разделяло граждан на три группы. В основу деления была положена сумма налогов, которую надлежало вносить в государственную казну избирателям.

Согласно статье 15, в каждой общине следовало составить список избирателей с указанием их имен и сумм уплаченных налогов в общине или округе [6]. Статья 71 разделяла избирателей на три разряда по размеру уплачиваемых налогов, чтобы каждый разряд покрывал треть общей налоговой суммы. Общая сумма выводилась: а) по общинам, когда община образует собою один избирательный округ; б) по округам, когда в оный входят несколько общин. Первый разряд состоял из избирателей – крупнейших плательщиков налогов, уплачивающих первую треть налогов. Второй разряд состоял из плательщиков менее крупных, уплачивающих вторую треть налогов. Третий разряд состоял из плательщиков, плативших третью часть [6]. Каждый разряд выбирал отдельно по одной трети выборщиков, подлежащих избранию. Разряды могли быть разделены на несколько избирательных союзов в более пятисот избирателей. Выборщики в каждом разряде избирались из числа активных избирателей, принадлежавших к данному разряду. Такая система гарантировала, что интересы элит, особенно землевладельцев и промышленников оставались приоритетными в политике.

Трехклассная избирательная система стала инструментом сохранения власти консервативных сил, прежде всего прусского юнкерства. Юнкера, крупные землевладельцы, играли ключевую роль в политической жизни Пруссии и всей Германии. Их экономическое влияние, основанное на сельском хозяйстве, дополнялось политическим доминированием благодаря избирательной системе. Консервативные ценности, такие как приверженность монархии, традиционным социальным иерархиям и религиозным нормам, активно поддерживались через эту систему. Либеральные и социалистические движения, которые набирали силу в условиях индустриализации и урбанизации, оказывались в невыгодном положении. Например, рабочий класс, несмотря на свою численность, не мог эффективно влиять на политику из-за неравного распределения голосов [4, р. 586].

Трехклассная избирательная система оказала значительное влияние на процесс объединения Германии под руководством Пруссии в 1871 году. В результате франко-прусской войны 18 января 1871 года в Версальском дворце под Париж была провозглашена

Германская империя. Консервативные элиты, сохранявшие власть благодаря системе, играли ключевую роль в формировании политики нового Германского государства. 3 марта 1871 года прошли выборы в Рейхстаг. Избирательная процедура в сочетании с использованием классов в избирательных округах явно благоприятствовала консерваторам. Немецкая консервативная партия смогла набрать 14,1 % голосов избирателей и 53 мандата. 21 марта 1871 собралось первое заседание Германского рейхстага, а 16 апреля была принята конституция Германской империи, которая, согласно 20 пункту, гарантировала всеобщие, тайное и равное голосование в парламент, но не затрагивала ландтаги [7]. Закон о выборах в местные органы власти оставался таким же [5, р. 1020]. По мнению А. Беккера, такое решение было обоснование тем, что большинство житель той же Пруссии занимались в сельском хозяйстве, где господствовали юнкера, в их интересах было избрать лояльного депутата, который выражал бы их интересы и в местных органах власти, и в парламенте [3, р. 1162].

Однако система также способствовала углублению социальных противоречий. Рабочий класс и представители либеральных движений все больше ощущали свое политическое бесправие, что привело к росту популярности социалистических идей. По сравнению с правом голоса в рейхстаге, право голоса в прусский ландтаг было особенно благоприятным для консерваторов, свободных консерваторов и национал-либералов. Это было невыгодно полякам и особенно набирающей популярность социал-демократической партии. В 1903 году СДПГ получила 32 из 236 прусских мест в рейхстаге, но в том же году не получила ни одного из 433 мест на выборах в прусский ландтаг [5, р. 1020].

Трехклассная избирательная система стала важным фактором в борьбе идеологий. Консерватизм, опиравшийся на традиционные ценности и интересы элит, противостоял либерализму, выступавшему за политические свободы и равенство, и социализму, который требовал социальной справедливости и перераспределения богатств. Система искусственно сдерживала развитие демократических институтов, что вызывало критику со стороны либералов и социалистов. Однако она также способствовала консолидации консервативных сил, которые использовали ее для защиты своих интересов. Это привело к тому, что консерватизм в Германии сохранил свое влияние даже в условиях социальных и экономических изменений. Историк Т. Кюне, специалист по трехклассной избирательной системе, говорит об «экономии воздержания» [5, р. 1021]. Избиратели, по его словам, не пришли на избирательные участки в знак протesta против ограничительного закона о выборах, и по-

тому что они могли заранее договориться о том, за кого будут голосовать, и было достаточно, чтобы проголосовали лишь немногие

Трехклассная избирательная система сыграла важную роль в формировании немецкого консерватизма, став инструментом сохранения власти традиционных элит и противодействия демократическим движениям. Ее влияние на политическую культуру Германии было глубоким и долговременным, способствуя укреплению консервативных ценностей и замедляя процессы демократизации. Несмотря на свою эффективность в поддержании власти элит, трехклассная система стала источником социальной напряженности, которая в конечном итоге способствовала кризису традиционного консерватизма в Германии. В результате Ноябрьской революции 1918 года, приведшей к свержению монархии, трехклассная система была отмена и замена всеобщим избирательным правом, что стало завершением эпохи, в которой консервативные ценности доминировали в политической жизни страны.

Библиография

1. Боков Ю.А. Прусская трехклассная избирательная система (1849–1918 гг.) // Власть. 2009. № 10. С. 163–165.
2. Боков Ю.А. Указ короля Пруссии «О проведении выборов депутатов второй палаты» от 30 мая 1849 г.: нормативное содержание и практика реализации // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 1. С. 79–85.
3. Becker S., Hornung E. The Political Economy of the Prussian Three-Class Franchise // The Warwick Economics Research. Warwick, 2019. P. 1143–1188.
4. Hedwig R. Moderne Wahlen. Eine Geschichte der Demokratie in Preußen und den USA im 19 // Neue Politische Literatur. Hamburg, 2019. P. 585–589.
5. Kühne T. Dreiklassenwahlrecht und Wahlkultur in Preussen, 1867–1914: Landtagswahlen zwischen Korporativer Tradition und Politischem Massenmar // Modern History. 1996. Vol. 68. №4. P. 1019–1021.
6. Конституционная хартия Пруссии (31 января 1850 г.) – URL: https://togudv.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/igip/study/studentsbooks/histsource2/igpzi60/ (дата обращения 22.02.2025).
7. Конституция Германской империи (16 апреля 1871 г.) – URL: https://togudv.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/igip/study/studentsbooks/histsource2/igpzi62/ (дата обращения 22.02.2025).

Акимов Егор Станиславович, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; egor.akimov-14@mail.ru

The role of the three-class electoral system in shaping German conservatism

The report is devoted to the study of the role of the three-class electoral system in the formation and strengthening of German conservatism in the 19th and early 20th centuries. The three-class system, introduced in Prussia in 1849 and which lasted until 1918, was based on a property qualification that divided voters into three categories depending on the amount of taxes paid. This system ensured the dominance of elites, such as the

Prussian Junkers, in political life, which contributed to the preservation of conservative values and traditional social structures. The report analyzes the influence of the three-class system on the political culture of Germany, its role in maintaining the power of conservative forces and its importance for shaping the political landscape during the period of German unification. Special attention is paid to how the system limited access to power to liberal and socialist movements, thereby slowing down the processes of democratization and strengthening conservative ideas.

Keywords: three-class electoral system, conservatism, junkerism, property qualification, elections, parties.

Akimov Egor Stanislavovich, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; egor.akimov-14@mail.ru

УДК 94 (44).08

Герасимов И.Ю.

Имперские принципы в политике Третьей республики во Франции

Франция периода существования Третьей республики является примером того, как имперские принципы проявляются в политике республиканского государства. В статье рассматривается вопрос о том, уместно ли называть Третью республику империей. В основе анализа атрибутивные признаки империи периода второй половины XIX – начала XX вв., которые можно соотнести со спецификой внешней политики Франции, а также реформы в начале 1870-х годов, проведенные левореспубликанским правительством. Статья написана с использованием историко-культурологического подхода, с привлечением исследований отечественных и зарубежных специалистов.

Ключевые слова: Франция, Третья республика, имперские принципы, колониализм

Империя и республика, казалось бы, – два взаимоисключающих понятия. Однако история знает немало примеров, когда в одном государстве сочетались имперские и республиканские принципы. Одним из таких примеров является Третья республика во Франции. Насколько Франция 1870–1940 гг. соответствовала понятию «республика»? Являлась ли Третья республика империей? Такая, казалось бы, противоречивая постановка несет в себе определенные предпосылки. По своей форме государство может быть одним, а по содержанию – совсем другим явлением.

Для начала следует вспомнить, каким образом появилась Третья республика. Данное государственное образование возникло в ходе франко-пруссской войны 1870–1871 гг. Пленение императора французов Наполеона III, поражение армии на фронте, нерешенность многих социальных проблем спровоцировали масштабный

политический кризис. Народные массы провозгласили Францию республикой. Многочисленные политические партии сформировали новое правительство. В течение следующих пяти лет во Франции с незначительным большинством голосов был принят ряд документов, устанавливавший республиканскую форму правления.

Согласно закону «Об организации государственных властей Франции», ведущая роль принадлежала двухпалатному парламенту (Сенату и Палате депутатов), избираемому населением. Президент избирался на семь лет на совместном заседании обеих палат и наделялся значительными полномочиями, правительство несло ответственность перед парламентом [3]. Избирательные права получили мужчины, достигшие 21 года, кроме военнослужащих и жителей колоний. Палату депутатов выбирали напрямую на четыре года, Сенат – особыми коллегиями выборщиков на девять лет с переизбранием трети состава каждые три года [4]. Конституция закрепила такие принципы либерально-демократического устройства государства, как разделение властей, ответственность правительства перед парламентом. Традиционное декларирование прав и свобод человека и гражданина, однако, отсутствовало. Законы о печати, общественных объединениях, профессиональных ассоциациях были приняты позднее. В целом, Франция стала одной из наиболее свободных и демократических стран того времени [1, с. 276].

Однако, можем ли мы утверждать, что Франция являлась империей в рассматриваемый период? Не будет лишним выделить принципы, характерные для империи. В контексте данной работы имеет смысл сравнить Францию с государствами колониального периода XIX–XX вв.

С нашей точки зрения, во-первых, империя – это всегда крупное государство. Ей необязательно быть самым крупным государством в мире или даже на занимаемом континенте. Но она обязательно будет крупнее большинства других государств. Британская империя в конце XIX века являлась крупнейшей в мире, при этом рядом с ней находились Германия, Австро-Венгрия, Турция, сильно уступавшие ей по площади, но тем не менее считающиеся империями.

Во-вторых, империя – это всегда сложносоставное государство. Оно включает в себя множество районов, отличающихся друг от друга. Отличия могут проявляться в религиозных мировоззрениях населения, в национальности, культурных особенностях, плотности населения, статусных характеристиках, входящих в нее частей, и т.д.

В-третьих, империя стремится к экспансии (экономической, военной, культурной). В эпоху колониализма каждая империя пытается утвердить свое верховенство над значительной частью земного шара.

В-четвертых, исходя из предыдущего признака, империя стремится стать экономически независимой. Осуществлять экспансию, поддерживать гегемонию затруднительно, если экономика империи зависит от государств-соперников.

В-пятых, в империи есть главенствующий этнос. Представители данного народа необязательно самые многочисленные в империи, но они внесли решающую роль в ее становлении. Их представители составляют большую часть политической элиты и их язык является государственным.

В-шестых, империя обладает некой системой идей, убеждений, ценностей, которые она предлагает своим народным массам и окружающим. Само существование империи было бы невозможным, если бы не было идеи, которую бы она не транслировала своим подданным. Германия стала империей потому, что она сумела объединить разрозненные немецкие государства в единую конструкцию. Россия стала империей, выступая лидером православного мира. Аналогично османы построили собственную империю, но уже на основе ислама.

Имеет ли Третья республика соответствующие признаки? Как ни странно, да. В политике этой страны прослеживаются вполне конкретные имперские принципы. К началу Второй мировой войны Франция охватывала пространство площадью 12,3 млн км², на которой проживали 68,7 млн человек (вместе с колониями) [9] и являлась одним из крупнейших государств мира.

В административном отношении Франция представляла государство с высокой степенью централизации. Страна делилась на департаменты, общины. Принципиально эта система не менялась с 1789 по 1939 гг., хотя после 1871 года права местного самоуправления постепенно расширились [11]. Органическое единство страны при многообразии составляющих ее частей является ее особенностью, ее исторической ценностью. Франция, утверждал Видаль де Ла Блаш, имеет «уникальную физиономию в Европе»: на сравнительно ограниченной территории геоморфологическая эволюция в соединении с различием климата породила предельное различие между отдельными частями [2].

Третья республика была далека от того, чтобы порвать с колониальной политикой Второй империи. Освоение колоний представлялось возможностью восстановить статус великой державы и преодолеть дипломатическую изоляцию. Этого требовали и ин-

тересы развивающегося французского капитализма, нуждавшегося в новых сырьевых ресурсах.

Одним из главных локомотивов активной колониальной политики можно назвать Жюля Ферри (премьер-министр в 1880–1881, 1883–1885 годах). В речи, произнесенной им 31 октября 1882 года, он очень точно сформулировал новую систему: «Франции нужна колониальная политика. Любая часть ее колониального царства, ничтожнейшие клочки его должны быть для нас священны. Этим мы обеспечим себя не на завтрашний день, а на полвека, на век вперед; этим мы обеспечим самую будущность нашей родины» [5, с. 151].

Таким образом, Республика также пытается осуществить одну из глобальных задач – проведение экспансии. Расширение Республики в 1870–1910-х гг. приобретает действительно грандиозные масштабы, которым могли бы позавидовать многие империи. Франция осваивает более 1/3 территории Африки, Индокитай, Мадагаскар. Из колоний в метрополию поставлялись сырье (каучук, антрацит, каменный уголь, древесина, хлопок) и продовольствие, они выступали в качестве рынка сбыта продукции, производимой в метрополии.

Статус колоний Франции заслуживает отдельного исследования. Как и подобает колониальной империи, Франция имела разветвленный аппарат управления заморскими территориями. Но, в отличие от других империй, например, Великобритании, колонии Франции входили в состав империи на правах департаментов. Фактически административная система метрополии была распространена на колонии: территории делилась на округа, возглавляемые префектами, округа дробились на менее крупные коммуны и кантони. В колониях действовали французские законы и суды, а традиционные элиты «старых» колоний могли голосовать на выборах во французский парламент – Национальное собрание [6]. Французские колонии включались в состав империи и рассматривались как ее неотъемлемые части. Немногочисленные протектораты, хотя и сохраняли внешние властные атрибуты, фактически управлялись так, как и остальные территории – называемой французской администрацией. На уровне верховной власти за управление всеми колониальными владениями отвечало министерство иностранных дел, в 1894 году было создано специальное министерство колоний, при котором действовал Высший совет колоний. Привлечение в административный аппарат представителей местного населения в практике французской колониальной политики вплоть до начала Второй мировой войны было крайне редким. В тех французских владениях, где формально сохранялись

местные правительства (Аннам, Марокко, Тунис, Сирия, Ливан), действительная власть также находилась в руках колониальной администрации, которая нередко аннулировала неугодные ей постановления местных правительств или даже смешала их [10].

При этом в самой Франции активная колонизация преподносилась как историческая задача цивилизовать отсталые народы. 70-е годы XIX века исследователи называют важным периодом в плане разработки колониальной идеологии. Именно в это время П. Леруа-Болье – либеральный экономист и крупный общественный деятель – обосновал необходимость колонизации для современного французского общества [8]. Виктор Гюго – выдающийся писатель, мыслитель, несмотря на прогрессивные гуманистические взгляды, поддерживал колонизацию Африки. Так, в речи 18 мая 1879 года он призывал: «Бог предлагает Африку Европе. Возьмите же, чтобы цивилизовать местных жителей». Во многом, опираясь на эту идею, французы прикрывали таким образом свои экспансионистские устремления. При этом после Первой мировой войны в стране все острее ощущались трудности в управлении колониями. Политический класс стремился консолидировать колонии и метрополию, апогеем чего стала Колониальная выставка 1931 года [7].

Элизе Реклю, выдающийся историк, географ, является собой пример иного подхода к колонизации. Будучи убежденным анархистом, он в целом осуждает колонизацию. По крайней мере в том виде, когда происходит эксплуатация («exploitation»): присвоение земли и в более общем плане, когда использование всех средств производства осуществляется в интересах очень небольшого меньшинства, которое эксплуатирует труд коренного населения, как это делают британцы в Индии. Но в то же время Реклю приветствует создание колоний-поселений («colonies de peuplement») – постоянных поселений в малонаселенных, малоосвоенных районах [12]. С этой точки зрения, колонизация – это благо, возможность усилить господство человека над природой, освоить плодородные земли, которые местное население игнорирует.

Расширение Франции происходило не только территориально, но и финансово. Хотя во Франции на рубеже XIX – XX веков шел процесс индустриализации, появлялись новые отрасли промышленности, в целом Третья республика оставалась аграрно-индустриальной страной. По экспорту капитала французы уступали лишь англичанам и занимали второе место. В 1914 году за границей было помещено французских капиталов на сумму в 60 млрд франков. В основном это касалось Европы: России, стран Балканского полуострова, а также Османской империи. За счет экспорта

капитала Франции удалось обеспечить себе некоторую экономическую независимость.

С нашей точки зрения, Франция являлась и республикой, и империей одновременно. Как республика Франция имела действительно прогрессивные для своего времени демократические институты: парламент, представительные органы, относительную свободу слова, многочисленные партии, сменяемых лидеров государства и др. Однако Франция также сочетала в себе и черты империи. Как и подобает любой империи, это было сложносоставное государство, занимавшее значительную часть Земного шара. Активная экспансионистская политика на рубеже XIX – XX веков, как следствие, усиление конкуренции с крупнейшими экономиками мира, экспорт капитала в Россию, страны Балканского полуострова, Ближнего Востока в конечном итоге привели Францию, наравне с другими мировыми империями, к участию в борьбе за сферы влияния в крупнейшей империалистической войне начала XX века.

Библиография

1. Арзаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю. История Франции: учебник для вузов. М., 2007. 474 с.
2. Гордон А.В. Историческая традиция Франции. М.; СПб., 2013. 368 с.
3. Конституционный закон об организации государственных властей Франции. 24 февраля 1875 г. // Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/fr1875_1.htm (дата обращения: 25.02.2025).
4. Конституционный закон об организации Сената Франции. 24 февраля 1875 г. // Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/fr1875_1.htm (дата обращения: 25.02.2025).
5. Лависс Э., Рамбо А. История Франции XIX века. М., 1907. 319 с.
6. Лисенков О.О. Империи нового времени: принципы управления колониями. Пример Британии и Франции // Genesis: исторические исследования. 2020. № 6. С. 38-58.
7. Мирзеханов В.С. Имперский миф как национальная идея: явные и скрытые смыслы международной колониальной выставки 1931 г. в Париже // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 6 (104). – URL: <https://history.jes.su/s207987840016273-9-1/> (дата обращения: 26.02.2025).
8. Моисеева Е.Н. Колониальная идея во Франции в последней трети XIX в.: дис. ... к.и.н. Саратов, 2002. 247 с.
9. Французская колониальная империя // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://mid.ru/ru/maps/fr/1957984/> (дата обращения: 25.02.2025).
10. Черкасов П.П. Судьба империи: очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М., 1983. 183 с.
11. Cobban A. The Napoleonic system of administration in France // Wiley Online Library. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1468-2230.1946.tb00997.x> (дата обращения: 25.02.2025).
12. Elisée Reclus et les colonisations // Hérodote. 2005/2. №117. Р. 135-152.

Герасимов Иван Юрьевич, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань. Россия; gervan1990@mail.ru

Imperial principles in the politics of the Third Republic in France

France during the existence of the Third Republic is an example of how imperial principles manifest themselves in the politics of a republican state. The article discusses the question of whether it is appropriate to call the Third Republic an empire. The analysis is based on the attributive features of the empire of the second half of the 19th – early 20th centuries, which can be correlated with the specifics of French foreign policy, as well as the reforms in the early 1870s carried out by the republican left government. The article is written using a historical and cultural approach, with the involvement of research by domestic and foreign experts.

Keywords: France, the Third Republic, imperial principles, colonialism.

Gerasimov Ivan Yur'evich, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; gervan1990@mail.ru

УДК 327.7

Аль Зидейн Арин Ахмад Оде

Империи и международные отношения: формирование Иордании от османов к британцам

Исследование рассматривает историческую роль Османской и Британской империй в формировании современной Иордании через анализ этапов геополитической и социальной трансформации региона. Статья фокусируется на влиянии длительного османского господства, продолжавшегося четыре столетия, затем перехода к периоду британского мандата после Первой мировой войны и того, как эти периоды способствовали формированию облика современного иорданского государства. Автор изучает, как международные взаимодействия, включая региональные и глобальные конфликты и альянсы, повлияли на становление иорданской национальной идентичности и развитие государственных институтов. Также рассматриваются экономические и административные факторы, унаследованные Иорданией от османского и британского периодов, и их последствия для современной политической и социальной структуры. Предлагается более глубокое понимание истоков политического устройства Иордании и подчеркивается роль внешних сил в формировании ее исторического пути. Кроме того, в статье освещается то, как Иордания использовала это историческое наследие для построения стабильного и сплоченного государства в неспокойной региональной среде.

Ключевые слова: Иордания, Османская империя, Британский мандат, национальная идентичность, политическое развитие, современная история, геополитика

Иордания вошла в состав Османской империи после битвы при Мардже Дабике в 1516 году, став частью вилайета Дамаск – одной из ключевых административных единиц в регионе Шам наря-

ду с вилайетами Алеппо и Триполи. Османская администрация внедрила децентрализованную систему управления, сосредоточив свои усилия на обеспечении безопасности Шамского паломнического маршрута, соединяющего Дамаск с Меккой, в то время как управление внутренними территориями оставалось в ведении местных племенных структур. Этот порядок сохранялся вплоть до XIX века, когда Османская империя инициировала реформы, направленные на усиление центрального контроля.

В начале XIX века османские власти предприняли меры по укреплению административного присутствия в Иордании посредством реорганизации территориального управления. Был введен мута, что способствовало дроблению административных единиц и усилению контроля над локальными структурами. Одновременно был принят Земельный закон 1858 года, который трансформировал традиционные формы землевладения, введя систему регистрации земельных участков. Это нововведение привело к изменению структуры собственности, породив конфликты между бедуинскими племенами, практиковавшими коллективное владение, и оседлым населением, закреплявшим земли на индивидуальной основе. В частности, данная политика способствовала перераспределению земель в районах к югу от Иордана и в регионе Эль-Карака.

Внедрение обязательной военной службы (1845–1918 гг.) стало еще одним элементом османской политики централизации, особенно в отношении племенных сообществ в Иордании. Однако данные меры встретили значительное сопротивление, особенно в Маане и Эль-Караке, где призыв в армию воспринимался как нарушение автономии племенных структур. Это привело к вооруженным столкновениям и подрыву доверия к османской администрации.

В XVIII веке Иордания переживала внутренние потрясения, связанные с политикой османских наместников, таких как Ахмед-паша аль-Джаззар, который применял стратегию фрагментации власти для контроля над регионом. В результате часть племен была вынуждена к переселению, что способствовало перераспределению демографического состава региона. Одновременно ухудшилась безопасность на Шамском паломническом пути, так как бедуинские формирования устанавливали контроль над транспортными маршрутами, взимая сборы с караванов паломников. Это негативно сказалось на региональной стабильности.

Вторая половина XIX века ознаменовалась дальнейшим ослаблением османского контроля в Иордании. В результате фискального давления, роста налогового бремени и сокращения тор-

говых потоков произошло ухудшение экономической ситуации, что привело к аграрному кризису и социальному напряжению. Попытки административных реформ не принесли ожидаемых результатов из-за коррупции и слабости бюрократического аппарата. Османская государственная политика в регионе оставалась преимущественно ориентированной на поддержание стратегической инфраструктуры, такой как станции Хиджазской железной дороги, обслуживавшие нужды паломников и военных гарнизонов. Однако сектора образования и здравоохранения продолжали испытывать дефицит инвестиций, что способствовало маргинализации региона по сравнению с другими частями Османской империи.

Ухудшение социально-экономической ситуации привело к серии локальных протестов и росту антагонизма по отношению к османской администрации. Усиление фискального давления, распространение коррупции и неэффективность управленческих структур подготовили почву для трансформационных процессов начала XX века, кульминацией которых стало участие иорданских племен в Великом арабском восстании.

Период османского господства в Иордании представляет собой сложное взаимодействие факторов централизованного имперского управления и локальной автономии. С одной стороны, Иордания была интегрирована в османскую административную систему, что обеспечило определенную степень политической стабильности и включение региона в общеимперскую торговую и коммуникационную сеть. Кроме того, усилия по обеспечению безопасности паломнического маршрута способствовали развитию транзитной инфраструктуры.

С другой стороны, регион сталкивался с хронической нехваткой инвестиций в экономическое и социальное развитие. Османская политика налогообложения, наряду с системой илтизам (откуп налогов), создавала значительные финансовые трудности для местного населения. Введение обязательного военного призыва встретило стойкое сопротивление со стороны племен, что подрывало авторитет османских властей.

Таким образом, опыт османского правления оказал двоякое влияние на развитие Иордании: он способствовал институционализации административных структур, но не обеспечил сбалансированное развитие региона. Эти исторические факторы сыграли ключевую роль в формировании современной государственной модели Иордании, которая унаследовала отдельные элементы османской бюрократии, одновременно устранив структурные диспропорции, характерные для османского периода.

Годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) стали решающим поворотным моментом, который не только прекратил четырехвековое османское правление, но и открыл путь для установления новой системы гегемонии в регионе под британским влиянием. Этот переходный период характеризовался радикальной трансформацией форм имперского контроля, переходом от османской модели халифата к британской гегемонии.

Арабское восстание 1916 года стало ключевым событием в этой geopolитической трансформации. В то время как шериф Хусейн ибн Али возглавил движение, руководствуясь национальными интересами, поддержка со стороны Великобритании была частью более широкой стратегии по замене османского влияния на британское. Иордания сыграла ключевую роль в этом процессе: районы Маан, Карак и Акаба стали стратегическими точками опоры для военных операций. Британцы эффективно использовали знание иорданских племен о географии региона, особенно племен Бану-Сахр и Хувейт ат-т, для реализации своих военных целей.

В этом контексте соглашение Сайкса-Пико (1916 года) раскрыло истинные амбиции Великобритании. В то время как Великобритания обещала арабам независимость, в скрытном порядке она планировала раздел региона с Францией. Иордания была включена в сферу британского влияния согласно этому соглашению, что стало основой для создания Эмирата Трансиордания в рамках нового британского империалистического порядка.

Этот процесс перехода власти стал особенно явным в контексте битвы за Акабу (июль 1917 года), которая стала символом будущего британского доминирования. Хотя операции возглавляли Фейсал ибн Хусейн и Лоуренс Аравийский, стратегическое руководство, планирование и финансирование оставались полностью в руках Великобритании. Ключевую роль в успехе сражения сыграла логистическая поддержка иорданских племен, что стало характерным элементом британской стратегии непрямого управления регионом.

Модель британского контроля значительно отличалась от османской по некоторым ключевым аспектам: 1) она опиралась на технологическое и финансовое превосходство, а не на религиозную легитимность; 2) применяла механизмы косвенного управления; 3) сосредоточила внимание на формировании лояльных местных элит; 4) устанавливала контроль над экономическими ресурсами региона.

Таким образом, несмотря на завершение эпохи османского правления, данный период стал основой для установления новой империалистической системы. Эта система продолжала влиять

на политический и экономический курс Иордании даже после окончания британского мандата в 1946 году, через созданные институции (такие как Арабский легион) и стратегические союзы с местными элитами.

Великобритания и создание Эмирата Трансиордания: от революции к королевству. В условиях глубоких геополитических изменений, вызванных последствиями Первой мировой войны, в регионе Восточного Иордана возникло новое политическое образование, которое стало результатом сложного взаимодействия арабских национальных амбиций и британских стратегических интересов. 25 мая 1923 года Великобритания официально признала независимость Эмирата Трансиордания под руководством принца Абдаллы ибн Хусейна, что стало ключевым моментом на пути к полному провозглашению независимости и образованию Иорданского Хашимитского Королевства в 1946 году. Однако формальная независимость скрывала более сложную реальность, так как Британия сохраняла фактический контроль над финансовыми, военными и внешнеполитическими вопросами эмирата, что было четко закреплено в Соглашении о независимости и Конституции 1928 года.

Основы этих специфических отношений восходят к временам Первой мировой войны, когда арабы, поддерживаемые Великобританией, выступили против османского владычества в рамках Великого арабского восстания 1916 года. Одной из ключевых фигур в этот период стал британский разведчик Томас Эдвард Лоуренс, известный как Лоуренс Аравийский, который два года выполнял роль офицера связи и советника принца Фейсала ибн Хусейна, командующего арабскими войсками. Лоуренс стал выдающимся тактиком и влиятельным теоретиком в области партизанской войны, что в конечном итоге способствовало поражению османской армии и подписанию Мудросского соглашения в 1918 году.

В 1920–1930-е годы принц Абдалла I оказался в полной зависимости от британской поддержки, особенно в военной сфере. Британцы оказали помощь в создании Арабского легиона – элитной военной силы, состоящей преимущественно из представителей кочевых племен, но находившейся под командованием и обучением британских офицеров. В этом контексте особое внимание заслуживает фигура сэра Джона Багота Глоба (Глоб Паша), британского офицера, который возглавил Арабский легион в 1939–1956 годах. Глоб, родившийся в Престоне в 1897 году, сумел трансформировать эту силу в дисциплинированную армию, которая оказала поддержку союзникам в ходе Второй мировой войны,

а затем создала Национальную гвардию для защиты иорданских границ от израильских рейдов.

Тем не менее этот период британского прямого контроля не продолжался бесконечно. 1 марта 1956 года молодой король Хусейн ибн Талал принял историческое решение об освобождении Глоба Паши и всех британских офицеров от их должностей, что стало известно как «арабизация командования арабским легионом». Этот момент стал кульминацией многолетней борьбы за реальную независимость и попыткой преодолеть ограничения, накладываемые Соглашением 1946 года.

Таким образом, процесс создания современного Иордана отражает сложную динамику перехода от Великого арабского восстания к независимому королевству через различные этапы британского мандата, который оказал значительное влияние на политическую и военную структуру образовавшегося государства.

Современная история Иордании представляет собой важное звено в изучении взаимодействия между империями, международными отношениями и их влияния на формирование государств. С момента краха османского правления и перехода региона под британское влияние Иордания пережила радикальные преобразования в своей политической идентичности и стратегическом положении. Становление иорданской государственности в начале XX века стало результатом сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов. С одной стороны, этот процесс отвечал требованиям новой международной системы после Первой мировой войны, с другой – отражал национальные устремления к построению современного государства. Переходный период от османского к британскому правлению характеризовался глубокими изменениями в характере международных отношений Иордании. Если в османскую эпоху эти отношения исходили из исламской централизации, то в британский период они стали частью более широкой сети стратегических интересов. Важность изучения этого периода заключается в том, что он представляет модель формирования государств в условиях трансформации международной системы. Он демонстрирует, как малые государства могут сохранять относительную самостоятельность и развивать национальную идентичность, несмотря на значительное влияние крупных имперских держав.

Библиография

- المركز الملكي للتراث: الأردن من خلال وثائق الأرشيف العثماني
1. Королевский хашимитский документационный центр: Иордания через документы Османского архива. – الأردن من خلال وثائق الأرشيف العثماني. – URL: <https://www.rhdc.jo/releases/> (дата обращения: 28.03.2025).

2. وزارة الخارجية وشئون المغربين: التاريخ. Министерство иностранных дел: История. – URL: <https://www.britannica.com/place/Jordan/Transjordan-the-Hashemite-Kingdom-and-the-Palestine-war> (дата обращения: 02.04.2025).
3. وزارة الثقافة الأردنية: لواء عجلون خلال العصر العثماني: القرن السادس عشر – النسخة عشر الميلادي. Министерство культуры Иордании: Округ Аджлун в османскую эпоху: XVI–XIX века. – URL: [https://culture.gov.jo/AR/Pages/%D9%84%D9%88%D8%A7%D8%A1_%D8%B9%D8%AC%D9%84%D9%88%D9%86_%D8%AE%D9%84%D8%A7%D9%84_%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B5%D8%B1_%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%AB%D9%85%D8%A7%D9%86%D9%8A_%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%B1%D9%86_%D8%A7%D9%84%D8%B3%D8%A7%D8%AF%D8%B3_%D8%B9%D8%B4%D8%B1_%E2%80%93_%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%B3%D8%B9_%D8%B9%D8%B4%D8%B1_%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%8A%D9%84%D8%A7%D8%AF%D9%8A">https://culture.gov.jo/AR/Pages/%D9%84%D9%88%D8%A7%D8%A1_%D8%B9%D8%AC%D9%84%D9%88%D9%86_%D8%AE%D9%84%D8%A7%D9%84_%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B5%D8%B1_%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%AB%D9%85%D8%A7%D9%86%D9%8A_%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%B1%D9%86_%D8%A7%D9%84%D8%B3%D8%A7%D8%AF%D8%B3_%D8%B9%D8%B4%D8%B1_%E2%80%93_%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%B3%D8%B9_%D8%B9%D8%B4%D8%B1_%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%8A%D9%84%D8%A7%D8%AF%D9%8A](https://culture.gov.jo/AR/Pages/%D9%84%D9%88%D8%A7%D8%A1_%D8%B9%D8%AC%D9%84%D9%88%D9%86_%D8%AE%D9%84%D8%A7%D9%84_%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B5%D8%B1_%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%AB%D9%85%D8%A7%D9%86%D9%8A_%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%B1%D9%86_%D8%A7%D9%84%D8%B3%D8%A7%D8%AF%D8%B3_%D8%B9%D8%B4%D8%B1_%E2%80%93_%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%B3%D8%B9_%D8%B9%D8%B4%D8%B1_%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%8A%D9%84%D8%A7%D8%AF%D9%8A) (дата обращения: 28.03.2025).
4. Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель. М., 2017. 350 с.
5. РИА Новости: Иордания: история и современность. – URL: <https://ria.ru/20060404/45156945.html> (дата обращения: (28.03.2025).
6. Роган Ю. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920 гг. М., 2017. 560 с.
7. Масиель Санчес Л.К., Сусленков В.Н. Иордания. М., 2017. 224 с.
8. قصة إمارة شرق الأردن قبل أن تصبح المملكة الأردنية الهاشمية BBC: История Эмирата Трансиордания до превращения в Хашимитское Королевство Иордания. – URL: <https://www.BBC.com/arabic/articles/c722em8p2jro> (дата обращения: 02.04.2025)
9. Britannica: Transjordan, the Hashemite Kingdom, and the Palestine war. – URL: <https://www.britannica.com/place/Jordan/Transjordan-the-Hashemite-Kingdom-and-the-Palestine-war> (дата обращения: 02.04.2025)/

Аль Зидейн Арин Ахмад Оде, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; areenhamaidaeh97@gmail.com

Empires and international relations: the formation of Jordan from the Ottomans to the British

This study examines the historical role of the Ottoman and British Empires in shaping modern Jordan through an analysis of the stages of geopolitical and social transformation in the region. The article focuses on the impact of prolonged Ottoman rule, which lasted for four centuries, followed by the transition to the British Mandate period after World War I, and how these eras contributed to the formation of the modern Jordanian state. Using historical analysis methods, the research explores how international interactions, including regional and global conflicts and alliances, influenced the development of Jordanian national identity and state institutions. It also examines the economic and administrative factors inherited by Jordan from the Ottoman and British periods and their implications for contemporary political and social structures. The aim of this paper is to provide a deeper understanding of the origins of Jordan's political system and to highlight the role of external forces in shaping its historical trajectory. Additionally, the article sheds light on how Jordan has utilized this historical legacy to build a stable and cohesive state in a turbulent regional environment.

Keywords: Jordan, Ottoman Empire, British Mandate, national identity, political development, modern history, geopolitics.

AL Zeedyein Areen Ahmad Odeh, graduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; areenhamaidaeh97@gmail.com

Лозовский А.С.

Колониальная политика II Речи Посполитой в период «санационного режима»

В статье рассматривается колониальная политика Польши в период «санационного режима». Толчком к развитию колониального движения Варшавы, безусловно, можно считать появление Морской и колониальной лиги, где авторы и публицисты транслировали государственный нарратив о том, что Польша является колониальным государством. По мере формирования политики колонизации Польша превращалась в страну, где колониализм тесно соединился с национальной политикой.

Ключевые слова: Польша, колониальная политика, санация, Морская и колониальная лига

Колониальная внешняя политика II Речи Посполитой, наряду с военными захватами Польши территорий соседних стран (Литвы, ЗУНР, Чехословацкой Республикой, УНР, Советской Республики), являлась важным элементом ее имперского экспансионаизма в сторону Востока [2, с. 160–165].

После Майского государственного переворота 1926 года и прихода к власти Юзефа Пилсудского и лагеря «санационного режима» колониальные вопросы рассматривались в тесной связи с эмиграционными, демонстрируя поддержку инициативе создания польских поселений за рубежом. В 1926 году был создан Научный институт по изучению эмиграции и колонизации с целью поиска подходящих территорий для потенциальной польской колонизации и миграции в будущем. В его периодических изданиях публиковались статьи, поддерживающие идею о том, что Польша должна и будет иметь колонии. Также в 1926 году в Варшаве была основана Польская колониационная ассоциация с целью управления и организации миграции из Польши. Она разрабатывала планы развития польских поселений на юге Франции, во французских колониях и в Бразилии и получала кредиты от польского правительства и субвенции для осуществления программы расселения [4, с. 122–127].

Требование защитить польских мигрантов от ассимиляции и сохранить их связь с родиной усилилось во время подготовки к Первому Всемирному конгрессу поляков за рубежом, проходившему 14–21 июля 1929 года в Варшаве. Президент Польши Игнаций Мосцицкий, маршал Юзеф Пилсудский и кардинал Польши Август Хлонд официально курировали мероприятие. Конгресс способство-

вал росту популярности в польских политических кругах идеи создания колоний для Польши – по его итогам была опубликована резолюция, в которой правительству предлагалось предпринять соответствующие меры для приобретения Польшей колоний.

Однако Министерство иностранных дел сомневалось, что какая-либо из стран – участниц Лиги наций добровольно откажется от своего права на территорию в пользу Польши. На следующий год польский Сенат повторил свой призыв к созданию колоний для Польши и одобрил резолюцию, в которой говорилось, что, когда в Лиге наций станет возможным перераспределение мандатов, правительству следует приложить усилия для вступления во владение колониальными территориями [11, р. 67].

Польша рассчитывала дипломатическим путем получить колонии, чтобы встать в один ряд с европейскими странами – обладательницами колоний, для чего ей необходимо было проводить жесткую колониальную и эмиграционную политику. Ведь идеология самой Лиги великодержавного развития Польши определялась лозунгом: «...либо Польша будет могущественной державой, либо ее не будет вовсе!» [12, р. 266].

Примерно в то же время вопросы эмиграции и колоний оказались в центре внимания Морской и колониальной лиги. Начиная с 1928 года, в колониальном дискурсе в Польше стали доминировать взгляды политических активистов и публицистов, связанных с Морской и колониальной лигой. Опираясь на идеи, выдвинутые Юзефом Семирадским и другими членами Торгово-географической ассоциации, они создали представление о Польше как о колониальном государстве и сумели заручиться широкой общественной поддержкой своей программы [3, с. 195-197].

Колониальные идеи стали важной составляющей государственной политики на протяжении 1930-х годов. Обладание колониями узаконило бы притязания Польши на то, чтобы утвердиться империей [1, с. 128-131, 386-396].

1928–1929 годы ознаменовались растущим участием в колониальной политике государственных институтов, таких как Сейм и Сенат, Министерство промышленности и торговли, Управление по делам эмиграции. А с середины 1920-х годов университеты, преподающие этнографию и этнологию, стали включать колониальные темы в свои курсы лекций, а с середины 1930-х годов начали поступать предложения о создании отдельных институтов колониальных исследований. Особую активность проявляли Ягеллонский университет в Кракове, Львовский и Познанский университеты. Одним из главных сторонников колониальной идеи был профессор Станислав Павловский, опубликовавший несколько

программных книг по распространению колониальной политики Варшавы [9, р. 343].

В 1932 году пост министра иностранных дел занял Юзеф Бек, ближайший сторонник Юзефа Пилсудского. С этого времени Министерство иностранных дел стало придавать особое значение колониальной пропаганде, проводимой Морской и колониальной лигой. Во времена экономического кризиса обладание Польшей колониальными территориями стало рассматриваться как вполне возможный вариант. Чтобы увеличить внутреннее промышленное производство, Польша нуждалась в сырье, которое можно было приобрести только за счет импорта.

С 1932 года в ежемесячнике «Море» начала усиливаться колониальная пропаганда, связанная с потребностью Польши в сырье и земле для создания поселений, чтобы уменьшить избыток населения. И именно 1936–1937 годы отмечены активизацией колониальной пропаганды. В периодических изданиях Лиги начали появляться выражения типа: «мы требуем...», «мы должны получить...», «мы боремся за...», издавались брошюры с говорящими названиями: «Польша требует колонии» [6, р. 15-24], что придавало колониальным постулатам совершенно императивный характер [10].

С 1936 года Министерство иностранных дел Польши начало разрабатывать колониальную компанию, включающую как внутреннюю, так и внешнюю пропаганду. Статьи в прессе, опубликованные по официальным и полуофициальным каналам, доводили правительстенную риторику до сведения общественности. «Польская газета» на протяжении всего 1936 года публиковала статьи, касающиеся возможности перераспределения мандатов в Лиге наций, ставя вопрос о том, почему лишь немногие страны имеют свободный доступ к колониальным ресурсам. Однако главным рупором колониальной пропаганды в Польше, как и до 1936 года, оставалась Морская и колониальная лига. Но ее теперь поддерживало Министерство иностранных дел. [5, р. 239-259].

9 мая 1936 года в Министерстве иностранных дел Польши состоялась первая из серии межведомственных конференций, организованных Виктором Дриммером, директором консульского департамента и департамента людских ресурсов министерства и одним из ближайших соратников министра Юзефа Бека. Итогом этих встреч стала выработка аргументов, объясняющих причины, стоящие за необходимостью создания колоний для Польши. Они были изданы в 1937 году под названием «Колониальные тезисы Польши» и легли в основу колониальной политики правительства. Эти тезисы затрагивали разные аспекты – демографический, экономический, политический и культурный [11, р. 212].

Демографический аргумент заключался в том, что Польша перенаселена и нуждается в переселении своего избыточного населения. Польша занимала четвертое место в мире среди стран с высоким уровнем рождаемости, ее население насчитывало больше 34 млн человек. По численности населения Польша была шестой по перенаселенности страной в Европе и одиннадцатой в мире. По размерам территории Польше отводилось шестое место в Европе. Это «давало Польше право» претендовать на колонии.

Экономический аргумент гласил: Варшава не смогла повысить свой уровень промышленного развития, что создало бы больше возможностей для трудоустройства безработных, из-за отсутствия достаточного запаса сырья. По данным министерства, Польше требовалась колониальная территория, богатая полезными ископаемыми, которых стране не хватало, таких как каучук, железная руда, медь, алюминий и фосфориты, а также сырье для текстильной промышленности.

Нехватка сырья, как это было представлено в официальной аргументации Польши, имела и политическое измерение. Утверждалось, что международное положение, когда лишь немногие страны обладают монополией на наиболее ценные ресурсы и доступом к обширным территориям, а «молодым» и перенаселенным европейским странам в этом отказано, ставит под угрозу мир во всем мире. По мнению министра Бека, колониальная система находилась на первой стадии распада, что усиливала потребность в новой форме решения колониальной проблемы.

Колониальная политика Польши и проводимая ею пропагандистская кампания в 1936–1939 годы были построены на этих аргументах, чтобы показать, что колониальные требования Польши являются скорее рациональным выбором, основанным на социально-экономическом положении Польши, чем просто проявлением имперских намерений. Демографические и экономические аргументы были в центре польской колониальной дискуссии, и колониальная пропаганда строилась вокруг них. [7, р. 648–656].

Возможно, именно неспособность найти выход для своих колониальных амбиций побудила Министерство иностранных дел Польши обратиться к решению проблемы путем двусторонних переговоров. Так, в 1937 году идея сотрудничества с Францией была возрождена благодаря проекту направления миграции евреев из Польши на Мадагаскар. А в декабре 1937 года Ивон Дельбос, министр иностранных дел Франции, совершил официальный визит в Польшу, во время которого он беседовал с министром Беком по колониальным вопросам и выразил свою поддержку польской колониальной политике относительно тре-

бований, направленных на получение доступа к колониальным ресурсам. [8, р. 249–266].

Польское колониальное движение в межвоенный период было сложным социальным и политическим явлением. Понимание взаимосвязи между стремлением Польши к колониям и ее эмиграционной политикой имеет решающее значение для объяснения колониального движения в Польше в межвоенный период, колониальной политики Польши, роли Морской и колониальной лиги и окончательной судьбы проектов по созданию поселений. Важно отметить, что основы колонизаторской экспансии были заложены не только европейскими имперскими державами. По мере развития колонизации в XX веке Польша становилась страной, где колониализм играл значительную роль в национальной политике.

Библиография

1. Барышников В.Н. Академический словарь теории и истории империй. СПб., 2012. 728 с.
2. Рогов И.И. Понятие «экспансия» и его использование в исследовании имперских социальных систем // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2011. № 3. С. 160–165.
3. Сайганов В.С. Морская и колониальная лига в общественной жизни Второй Речи Посполитой 1930–1939 гг. // Донецкие чтения 2021: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VI международной научной конференции. Т. 7. Исторические науки. 2021. С. 195–197.
4. Сайганов В.С. Попытка создания польских колоний в Африке в первой половине XX века // Научно-практический журнал. Энigma. 2020. № 24. С. 122–127.
5. Bialas T. Liga morska i kolonialna, 1930–1939. Gdańsk, 1983. S. 239–259.
6. Borkowska G. Polskie doświadczenie kolonialne. Warszawa, 2007. 540 p.
7. Hunczak T. Polish Colonial Ambitions in the Inter-War Period // Slavic Review. Cambridge, 1967. № 26. P. 648–656.
8. Maroger G. Les revendications de la Pologne. Autres exemples d'exigences coloniales. Paris, 1938. 266 p.
10. Pawłowski S. Polskie perspektywy kolonialne. Nowogródek, 1936. 644 p.
11. Polska żąda kolonii. Warszawa, 1939. – URL: <https://archive.org/details/polska-zada-kolonii> /mode/2up (дата обращения 15.03.2025).
12. Skulimowska M. Polish colonial aspirations in Africa: The Maritime and Colonial League in Angola and Liberia. Doctor of Philosophy (PhD) thesis. University of Kent, 2019. 345 p.
13. Tomaszewicz J. Naprawa czy zniszczenie demokracji?: tendencje autorytarne i profaszystowskie w polskiej myśli politycznej, 1921–1935. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012. 266 p.

Лозовский Артур Станиславович, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; lozart201@mail.ru

Colonial policy of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth during the Sanation regime

The article examines the colonial policy of Poland during the Sanation regime. The impetus for the development of the colonial movement in Warsaw can certainly be considered the emergence of the Maritime and Colonial League, where authors and publicists broadcast the state narrative that Poland is a colonial state. As the policy of colonization was formed, Poland turned into a country where colonialism was closely connected with national policy.

Keywords: Poland, Colonial policy, Sanation regime, Maritime and Colonial League

Lozovsky Artur Stanislavovich, graduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; lozart201@mail.ru

УДК 94(430).086

Астафьевая Е.А.

Политическое насилие и универсализм в политике нацистской Германии

В статье рассматривается проблема политического насилия и универсализм в политике Германии периода национал-социализма. В качестве примера реализации данных принципов и политики выбрана государственная программа «Т-4». На основе проведенного анализа было отмечено, что использование Т-4 подкреплялось не только медицинскими заключениями и теорией, но и государственной пропагандой, в которой значительную роль играло кино.

Ключевые слова: политическое насилие, универсализм, Германия, нацизм

Период национал-социализма в истории Германии представляет собой пример реализации массового политического насилия в отношении «врагов Германии», среди которых лидеры нацистов видели асоциальные элементы, сексуальные меньшинства, физически и психически неполноценных граждан и представителей некоторых национальностей, что проявлялось в стремлении к универсализму в построении нового имперского государства.

Определение понятия «империя» применительно к изучаемому феномену может быть совершенно различным. Во многом оно зависит от того, что является объектом исследования, или на каком из аспектов в процессе изучения того или иного явления акцентируется внимание. Сами национал-социалисты часто говорили об имперском принципе построения новой государственной системы, что нашло воплощение в их идеологии. При самом первом приближении можно выделить общие черты «империи». Одним из ее признаков империи является стремление к универса-

лизму [4, р. 106-108]. Под универсализмом понимается набор доктрин и этических взглядов, возникших в Европе и претендующих на то, чтобы быть – или выглядеть – как глобальные универсальные ценности, тем, что многие их сторонники называют естественным законом [14, р. 27-28]. Но в контексте истории национал-социализма имперский универсализм неизбежно основывался на политическом насилии. Это подтверждает создание и осуществление ряда государственных программ, которые направлены на физическую ликвидацию граждан, которые, по мнению врачей, не вписывались в концепцию «красоты и здоровья». Примером является программа «Т-4» (Aktion Tiergartenstraße 4, «Операция Тиргартенштрассе, 4»).

Данный аспект проблемы затрагивались в отечественной и зарубежной историографии. Из работ отечественных историков можно отметить труд Д.Е. Мельникова и Л.Б. Черной «Империя смерти» [17], за рубежом к данной теме обращались Н. Старгардт в работе «Свидетели войны» [19], Г. Фридландер («Происхождение нацистского геноцида от эвтаназии до окончательного решения» [5]), Дж. Рид и Дж. Массон («Генетика, евгеника, массовые убийства» [18]), А. Кей («Империя истребления. История массовых убийств, совершенных нацистами» [8]). Ими были выделены и проанализированы такие аспекты, как экономические, медицинские, этические составляющие реализации данной программы. Сегодня ввиду многочисленных попыток пересмотра исторического прошлого, его фальсификации и использования в государственной политике дальнейшее изучение темы представляется актуальным.

Проявлением имперской политики является давление в различных сферах, в том числе крайняя форма его проявления – насилие, без которого нацистский «универсализм» не мог обойтись по понятным причинам. Но может возникнуть сложность с определением самого термина «насилие» поскольку на данный момент в научной литературе нет устоявшегося и общепринятого определения. Попытку дать определение термину мы встречаем в работе Х. Арендт в очерке «О насилии». По ее мнению, насилие – это совокупность средств, с помощью которых человек господствует над человеком [15, с. 41]. С точки зрения М. Вебера, в глобальных масштабах монополией на легальное насилие обладает государство [16, с. 646]. Можно отметить, что государственное насилие – это наиболее радикальный способ выражения власти со стороны политической элиты, осуществляемый с помощью государственных органов.

В период национал-социализма для осуществления политики насилия и унификации духовной и общественной жизни немцев создавались различные государственные структуры, такие как СА

(от Sturmabteilung – штурмовые отряды), СС (от Schutzstaffel – охранные отряды), СД (от Sicherheitsdienst des Reichsführers SS – служба безопасности СС), Гестапо (от Geheime Staatspolizei – тайная государственная полиция), а также секретные государственные программы.

В качестве примера рассмотрим Программу «Т-4». «Т-4» была евгенической программой национал-социалистов по стерилизации, а в дальнейшем и физическому уничтожению людей с психическими и физическими особенностями и наследственно тяжелобольных. Говоря о стерилизации, то «Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses» (Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями) был принят еще в 1933 году [11, р. 529], но первое медицинское убийство было осуществлено в 1939 году. Эвтаназия, практиковавшаяся в эпоху национал-социализма, имела свои корни в евгенических идеях, разработанных в начале XX века. Эти идеи были в соответствии с национал-социалистической идеологией, которая нацеливалась на расовую гигиену и создание «арийской расы». Однако за эвфемизмом «уничтожение жизни, недостойной жизни» скрывалось плановое убийство «наследственно и психически больных, инвалидов и социально или расово нежелательных». Решения о судьбе людей принимались врачами-экспертами, назначенными Т4, на основе анализа их медицинских досье. «Разложение немецкого национального организма» должно было быть предотвращено путем законодательного регулирования «профилактики» воспроизведения людей с действительными или предполагаемыми наследственными заболеваниями, а также социально и расово нежелательных людей. Конечным средством достижения этой цели было «искоренение» в виде уничтожения «недостойной жизни». Таким образом, принципы «лечить или истреблять» были взаимодополняющими компонентами национал-социалистической идеологии.

На примере Программы «Т-4» можно увидеть, что государственное насилие может осуществляться и через сферу здравоохранения, которая по своей сущности должна помогать гражданам, нуждающимся в этом, однако программа эвтаназии преподносилась в контексте той самой помощи в виде «убийств из милосердия» [3], что в реальности таковой не являлось.

«Операция Тиргартенштрассе, 4» непосредственно связана с попыткой «облагородить» нацию посредством врачебного вмешательства, что выражалось через медицинские убийства членов общества, которые не могли приносить пользу государству. Согласно теории чистоты немецкой расы, основоположниками которой выступили А. Хохе и К. Биндинг [1], в государстве присутство-

вали нежелательные общественные элементы, существование которых препятствовало построению идеального немецкого общества. Как отметил Н. Старгардт, «чтобы расцветала красота, в Германском рейхе не должно было быть места уродству» [19, с. 100]. Решение проблемы «нежелательных элементов» идеологи теории расовой чистоты видели в стерилизации, а в последующем и в своеобразной «эвтаназии» во благо общества.

Реализация данной программы требовала определенного обоснования для населения. Большую роль в этом сыграли методы культурной и повседневной пропаганды. Рассматривая государственное устройство Германии 1930 – 1940-х годов в качестве имперского образования важно отметить, что имперская пропагандистская машина распространяла свое влияние не только через военную мощь, но и через сферу культуры. Эта эпоха – расцвет мирового кинематографа, в котором одну из ведущих позиций занимала немецкая киноиндустрия. Не секрет, что кинематограф является одним из наиболее эффективных методов воздействия на общественное сознание через формирование образа «свой-чужой». Образ «своего» – сугубо положительный, формируемый через отсылки к героическому прошлому немцев, закрепленный в немецком кинематографе тех лет, например, «Великий Король» или «Бисмарк». Образ «чужого» сопровождался негативным окрасом, зачастую с гиперболизированным акцентом на те или иные особенности определенных наций, слоев общества и т.д. Очевидно, что отдельное место в пропагандистском кинематографе занимает образ этих нежелательных элементов, как их видели теоретики концепции «расовой гигиены». По их мнению, «недостойные жизни» помимо того, что передавали бы по наследству свои заболевания, что противоречило бы идее чистоты расы, из-за своих психических и биологических особенностей ложились бы тяжким грузом на немецкую экономику [1, р. 53-54].

Однако радикальное решение этой проблемы не получило широкой поддержки среди слоев немецкого общества, что привело к засекречиванию программы эвтаназии и обострило необходимость усиления соответствующей пропаганды, которая до этого, по всей видимости, не велась должным образом и не дала необходимых результатов [2; 12].

Несмотря на попытки власти скрыть массовые убийства под маской естественных смертей, общественное подозрение и возмущение только росло, что выражалось в публичных массовых выступлениях и проповедях церковных служителей против программы «Т4» [10, р. 45, 67]. Под влиянием общественного недовольства в августе 1941 года Гитлер издал указ о сворачивании программы

эвтаназии «Т4». Однако неофициально программа продолжала действовать [19, с. 110-113], из чего следовала необходимость попытаться повлиять на общественное сознание и заставить население переосмыслить программу эвтаназии в контексте «убийств из милосердия», как первоначально фюрер и представлял ее партийной верхушке и наиболее влиятельным врачам.

29 августа 1941 года выходит первый игровой фильм на данную тему «Я обвиняю» [7] с открытым финалом, который дает зрителю самому вынести приговор обвиняемому и переосмыслить программу эвтаназии (убийства из милосердия) в целом. Продюсеры фильма Г. Йонен и Э. фон Демандовски, режиссер В. Либенайнер. В главных ролях были: П. Хартман в роли профессора Хейта, Х. Хатайер в роли Ханны, жены профессора Хейта, М. Виман в роли доктора Ланга. Сюжет разворачивается вокруг традиционной немецкой семьи Ханны и доктора Хейта. По мере развития сюжета выясняется, что Ханна больна рассеянным склерозом, который в условиях 1930-х годов был слабо изучен. Параллельно сюжет повествует о докторе Ланге, друге семьи Ханны и Хейта, который занимается лечением младенца больного пневмонией и находящегося на грани смерти, которого он вылечил уколом в сердце, однако ребенок остался «слепым, глухим и безумным», что повлияло на решение его родителей отдать его в специализированное учреждение, где за ним ухаживала медсестра, и просить доктора Ланга «помочь» их малышу. В то же время Ханна, осознающая безвыходность своего положения и не желавшая становиться «слепой, глухой и безумной», попросила своего мужа «помочь» ей. «Помощь» в обоих случаях подразумевала под собой «убийство из милосердия». Хейт, любивший свою жену, решает исполнить ее последнюю просьбу и вводит ей смертельную дозу препарата. В дальнейшем, во время судебного процесса над Хейтом, которого обвиняли в убийстве своей жены, показания Ланга являлись бы ключевыми, потому что и его Ханна просила «помочь» ей, однако Ланг отказал ей в этой просьбе. Ланг не хотел являться в суд для дачи показаний до того момента, как он увидел «вылеченного» им младенца в больничной палате «слепого, глухого и безумного» под присмотром медсестры [7, 1:34:50]. И хотя в фильме это показано как проявление сострадания к невинному дитя, в реальности смысл данной сцены заключается в том, что такое нездоровое состояние не соответствует концепции расовой чистоты и стандартам «красоты и здоровья», следовательно ложится бременем на плечи государства. Во время сцены суда [Ich Klage An 7, 1:16:50] возникают размышления об оправданности действий Хейта, которые отстаивают нацистскую концепцию расо-

вой чистоты, филигранно вписанную в сюжет фильма. Напрашивается вывод, что доктор неслучайно хранит молчание весь судебный процесс и завершает картину своей речью, обвиняя статью закона, которая мешает врачам и судьям «служить обществу», а также делает акцент на том, что он закончил страдания своей смертельно больной жены и данное дело будет являться прецедентом для врачей и больных людей, которым придется разделить похожую судьбу.

По приблизительным подсчетам фильм посмотрело около 15 млн человек, что говорит об успешном прокате пропагандистской киноленты. [6, р. 154]. Определенно, что он вызвал дискуссии в обществе. Если медицинское сообщество в своем большинстве поддержало идею эвтаназии, то католики и протестанты осудили ее. «То, что дано Богом, может быть отнято только Богом». Хотя и здесь не было единодушия, например, суперинтендант церкви в Баутцене сказал: «Государство должно прекратить злоупотребления, взять на себя ответственность и обеспечить любовь и добро-ту по отношению к страдающим неизлечимо больным... Как христианин я одобряю этот фильм» [9, р. 147].

Однако, можно предположить, что данный фильм не сильно помог государству добиться поставленной цели, так как общественного одобрения программа эвтаназии так и не получила, а подобные картины больше не снимались. Зрители готовы были принять сам факт возможности эвтаназии по желанию, в случае неизлечимой болезни, чтобы это было закреплено законодательно, но никак не принудительно. Фильм создал поле для дискуссии, продемонстрировал отношение нации к так называемым «неполноценным гражданам». Подобную позицию о пользе фильма и отсутствия там подлинной пропаганды эвтаназии отстаивал и сам режиссер фильма, правда уже в послевоенное время [9, р. 149-151].

Таким образом, на основе приведенного примера, который не является единичным, можно сделать вывод, что политическое насилие и универсализм являются одной из составных частей национал-социалистического государства и реализации расовых законов. Для обоснования правильности применения Т-4 использовались не только медицинские заключения и теория, но и средства государственной пропаганды, среди которой важное место было отведено кинематографу. В целом изучение реализации программы Т-4 дает возможность не только показать ее восприятие рядовыми немцами, которое было неоднозначным, но и показать пагубные последствия такой политики и самого режима. Врачи, принимавшие участие в реализации расовой чистки, подписывали

смертельные приговоры всем тем, кто ввиду своих физиологических и психических особенностей не мог приносить пользу рейху, что являлось прямым нарушением естественных прав человека и после краха нацистского режима, репрессивная политика Германии получила международное осуждение не только на бытовом уровне, но и правовом. Деятельность врачей расценивалась как преступление против человечества и человечности и была осуждена в рамках «дела врачей» в цикле малых нюрнбергских процессов 1946–1947 гг. [13, р. 68-75]. В память о жертвах программы "Т-4" в шести бывших учреждениях, где она осуществлялась, организованы мемориальные комплексы. Наиболее известный из них находится в Берлине, на улице Тиргартенштрассе, 4, перед зданием филармонии. Кроме того, памятники установлены в Могилеве (открыт в 2009 году благодаря сотрудничеству белорусских и немецких психиатров) и в Харькове (открыт в 1945 году).

Библиография

1. Binding K., Hoche A. Die Freigabe der Vernichtung lebensunwerten Lebens. Leipzig, 1922. 67 р.
2. Bulmash family Holocaust Collection: Third Reich Racial Purity Real Photo Postcard of Women with Disabilities // Digital Kenyon Library. – URL: <https://digital.kenyon.edu/bulmash/1522/> (дата обращения: 11.03.2025).
3. Bulmash family Holocaust Collection: Copy of Letter from Adolf Hitler to Reichsleiter Bouhler and Dr. Med. Brandt (copy from USHMM) // Digital Kenyon Library. – URL: <https://digital.kenyon.edu/bulmash/149/> (дата обращения: 11.03.2025)
4. Cacciari M. Europe and Empire: On the Political Forms of Globalization. Fordham, 2016. 216 р.
5. Friedlander H. The origins of Nazi genocide: from euthanasia to the final solution. London, 1995. 421 р.
6. Hales B. Cinematically Transmitted Disease. Eugenics and Film in Weimar and Nazi Germany. New-York; Oxford, 2024. 263 р.
7. Ich Klage An (1941): видеофильм / реж. Вольфганг Либенайнер. 1:51:21 (время воспроизведения). – URL: <https://archive.org/details/forbiddenfilmlnr18of36ichklagean1941> (дата обращения: 15.03.2025).
8. Kay A. Empire of Destruction. A History of Nazi Mass Killing. New Haven, 2021. 437 р.
9. Leiser E. Nazi Cinema. Translated from the German by Gertrud Mander and David Wilson. New-York, 1974. 179 р.
10. Phayer M. The Catholic Church and the Holocaust, 1930–1965. Bloomington, 2000. 301 р.
11. Reichsgesetzblatt. Jahrgang 1933. Teil I. Berlin, 1933. 1244 р.
12. Steven Spielberg Film and Video Archive: Special collections // United States Holocaust Memorial Museum. – URL: [https://collections.ushmm.org/search/?f\[special_collection\]\[\]=Steven%20Spielberg%20Film%20and%20Video%20Archive](https://collections.ushmm.org/search/?f[special_collection][]=Steven%20Spielberg%20Film%20and%20Video%20Archive) (дата обращения: 10.03.2025).
13. Trials of War Criminals Before the Nuernberg Military Tribunals. Vol. I. «The Medical Case». Under Control Counsil Law No. 10. Nuernberg, October 1946 – April 1949. Washington, 1949. 1004 р.
14. Wallerstein I. European Universalism. The Rhetoric of Power. New York, 2006. 128 р.

15. Арендт Х. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дащевского. М., 2014. 148 с.
16. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 644–706.
17. Мельников Д., Черная М. Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. М., 1987. 415 с.
18. Рид Д., Массон Дж. Генетика, евгеника и массовые убийства // Модели безумия: Психологические, социальные и биологические подходы к пониманию шизофрении. Ставрополь, 2004. 411 с.
19. Старгардт Н. Свидетели войны: Жизнь детей при нацистах. М., Азбука-Аттикус, 2023. 496 с.

Астафьевая Екатерина Александровна, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; Yourkaterina9@gmail.com

Political violence and universalism in the politics of nazi Germany

The article deals with the problem of political violence and universalism in the politics of Germany in the period of National Socialism. The state program “T-4” is chosen as an example of the implementation of these principles and policies. Based on the analysis, it was noted that the use of T-4 was supported not only by medical findings and theory, but also by state propaganda, in which cinema played a significant role.

Keywords: Political violence, universalism, Germany, Nazism

Astafeva Ekaterina Aleksandrovna, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia Yourkaterina9@gmail.com

УДК 94(430).087

Исай А.Н.

Студенческое протестное движение в ФРГ в 1960-е гг.

Статья посвящена особенностям молодежных протестов и левого радикализма в Западной Германии в 1960-е годы. Рассматривается период зарождения движения, его кульминация (1967–1968 гг.) и распад. Призывы к самоуправлению, борьбе с «обществом потребления», отрицание буржуазных ценностей и морали становятся главными лозунгами протестующих студентов в разных частях света. Резкий спад активности протестующей молодежи в ФРГ к 1970 г. привел многих на легальный путь борьбы в реальную политику, однако незначительная часть встанет на путь терроризма и вооруженной борьбы с системой.

Ключевые слова: «новые левые», левый радикализм, социализм, антифашизм, революция

1968 год оставил неизгладимый отпечаток в истории обилием событий и радикализацией молодежных протестов в различных регионах мира. У каждого региона были как общие черты, так и свои особенности. Одной из таких стран со своей спецификой была Западная Германия, в которой студенты боролись, как они

считали, с имперскими тенденциями в государстве. В статье рассматривается анализ и специфика студенческих протестов в ФРГ.

В стране, пережившей денацификацию, поделенной на зоны оккупации, а в последующем на два государства, конфликт «отцов и детей» и государства с молодежью воспринимался намного острее на личном уровне. Преодоление наследия, оставленное нацизмом, была одной из главных тем в конфликте молодежи со своими родителями. Несмотря на то что большинство бунтарей выросло в семьях с относительно левых взглядами, некоторые из вождей движения были детьми нацистов. Некоторые студенты опубликовывали диссертации своих преподавателей времен Третьего рейха, в которых они выражали симпатии к нацистской политике. Они обвиняли старшее поколение в пособничестве нацистскому режиму, возлагали вину за ужасы концлагерей [4, с. 277].

Как и во многих европейских странах, к 1960-м гг. в Германии сложилось «государство благосостояния». Стремление к материальному изобилию возмущало оппозиционно настроенную молодежь, которая разочаровалась в рабочем классе, считавшимся главной революционной силой. В среде радикального студенчества одной из главных и влиятельных работ была книга, написанная в 1964 г. философом «Франкфуртской школы» Г. Маркузе «Одномерный человек», в которой акцентировалось внимание на революционной роли студенчества в современном обществе [7].

Стоит упомянуть, что период конца 50-х и 60-е гг. XX в. – это время моды и популярности различных левых движений, преимущественно радикального толка (маоизм, троцкизм, анархизм и др.). В Германии левое студенческое движение начинает складываться вокруг Социалистического союза немецких студентов (ССНС), который являлся крылом Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Стремление СДПГ в конце 50-х гг. к союзу с христианскими демократами (ХДС), постепенный уход «вправо», реформистское направление в политике привело к разрыву ССНС с социал-демократами. СДПГ опасалось радикальных коммунистических тенденций в этом движении, которые могут негативно повлиять на их избирательную компанию. Большое влияние на ССНС оказало похожее студенческое движение в США – «Студенты за демократическое общество», даже аббревиатура была схожей (SDS).

В 1960 г. СДПГ создает новую студенческую секцию, которая будет действовать под пристальным контролем партии. В ноябре 1961 г. происходит окончательный раскол социал-демократов с ССНС, партия запрещает одновременное членство в этой организации. Изначально ССНС была относительно умеренной, по срав-

нению с периодом конца 60-х гг. В отличии от молодежных организаций других стран, участвовавших в протестных акциях второй половины 1960-х гг., ССНС действительно имел тесные связи с рабочим движением [4, с. 266-267].

Интересным явлением в политической жизни ФРГ является образование «внепарламентской оппозиции» (АРО), ядро которой составил упомянутый выше ССНС. Причиной ее создания послужило отсутствие оппозиции в политической жизни Германии. СДПГ стремилось к коалиции с ХДС/ХСС, продвигая умеренную политическую линию, и перестало выражать интересы людей левых взглядов. Первой широкой акцией протesta АРО стало движение против планируемого ядерного вооружения Бундесвера. Акцию поддержали будущий философ «франкфуртской школы» Юрген Хабермас и еще молодая Ульрика Майнхоф, журналистка и одна из лидеров «Фракции Красной армии» (РАФ) [8, с. 327-330].

Взгляды философов «франкфуртской школы» по поводу молодежного радикализма расходились. Маркузе в 1967 г. выступал перед студентами и подбадривал их, говоря, что нынешний мир и систему можно изменить, что совместными коллективными действиями можно преодолеть «репрессивную действительность» и «одномерность». Но более молодое поколение философов отпугивал левый радикализм молодежи, они считали, что в ФРГ вполне достаточно средств для легальной борьбы за преобразования.

Отличительной чертой протестов в ФРГ было отсутствие совместных действий студентов с рабочими. Во Франции и Италии наблюдалось объединение и поддержка, забастовочное движение и захват заводов рабочими. Это связано как с консервативностью рабочих, так и с критикой протестующих против индустриального общества. Молодежь перешла к критической переоценке марксистской теории, зарождается течение «новых левых», противостоящих «старым» ревизионистам, вписавшимся в системное политическое пространство. Главными теоретиками для «новых левых» были философы-франкфуртцы, которые критиковали авторитарные и буржуазные тенденции в обществе.

Студенческие протесты в ФРГ начинаются в 1965 г. после запрета ректором Свободного университета выступления публициста Эриха Кубы. Среди требований протестующих было прекращение войны во Вьетнаме, борьба с колониализмом и сопротивление империализму. Эти лозунги не случайны, так как у бунтующих студентов, не только в Германии, были симпатии и сочувствие к партизанам из стран «третьего мира» (Мao Цзэдун, Че Гевара и др.). В 1966 г. новую волну протестов вызывает закон о чрезвычайных полномочиях, который готовился еще с 1960 г. Согласно ему, ис-

полнительной власти предоставлялись большие полномочии в кризисные для страны периоды. ССНС сразу же выступила с критикой этого закона, утверждая об отсутствии демократии в Германии и становлении авторитарного государства. Но этот закон также привлек внимание немецких профсоюзов, которые опасались злоупотребления этим правом для ограничения права на забастовку [4, с. 270–271].

Волнения на улицах ФРГ выходят на новый уровень после убийства студента Бенно Онезорга. Во время визита 2 июня 1967 г. иранского шаха Реза Пехлеви студенты устроили демонстрацию возле здания театра, в котором он находился, протестуя против репрессивного диктаторского режима в Иране. В этот раз полиция применила жесткие меры для пресечения беспорядков. Во время столкновения с сотрудниками правопорядка был застрелен в затылок студент Бенно Онезорге, который позже умер в больнице. Убийцей оказался полицейский в штатной форме Карл-Хайнц Курурас. Возмущение вызвало то, что погибший не являлся в полной мере радикалом, а присоединился к протестующим из любопытства, тем самым став случайной жертвой. Многие считают это событие точкой отсчета левого терроризма в ФРГ. После этого события У. Майнхоф назвала свою страну полицейским государством, тем самым побуждая к ответным действиям со стороны радикалов, развязывая им руки.

Новая волна возмущения и протестов со стороны студентов была вызвана оправдательным приговором в отношении Курураса, вынесенным 21 ноября. Негативная реакция последовала после провокационных статей таблоида «Bild», развязавшего пропагандистскую кампанию против студентов. Пресса сравнила протестующих студентов со штурмовиками 1933 г., а убитого Онезорге назвала «хулиганом». Концерн Акселя Шпрингера, которому принадлежал ультраконсервативный «Bild», являлся одним из основных противников левого движения в Германии 1960–1970-х гг. Изданию объявило бойкот литературное объединение «Группа 47», состоявшее из крупных немецких писателей. В 1968 г. «Die Zeit» опубликовала открытое письмо «Обращение четырнадцати», которое подписали «левые интеллектуалы», требуя публичной дискуссии о методах «журналистской манипуляции» издательства Шпрингера [3, с. 4].

Основная кульминация протестов в ФРГ происходила с момента трагической гибели Бенно Онезорга до зимы 1968/1969 гг. Во многом эти акции носили спонтанный, непредсказуемый характер. Для молодежи это было временем новых возможностей, попытки самореализации и стремления к свободе. Изначально

беспорядки охватили Гамбургский университет в период зимнего семестра 1967–1968 гг., а затем волна протестов прокатилась и по остальным университетам, включая Западный Берлин (как правило, в виде хепенингов, театрализованных представлений при участии художников).

Одним из уникальных региональных явлений молодежной культуры 1960-х стало образование в 1967 г. в Западном Берлине скандальной «Коммуны № 1» («Kommune Nummer 1»), которая просуществует до 1969 г. Цель создания этой организации заключалась в объединении на основе общины свободомыслящей молодежи, пропагандирующей новые ценности, и преодоления буржуазного понимания семьи. Под общим воздействием идей сексуальной революции и свободной любви в коммуне нередким явлением были групповые сексуальные контакты и частая смена партнеров. С менее радикальными взглядами на совместное общежитие была создана еще и Коммуна № 2, в которой пары жили с детьми (распространяя на своем примере либеральное воспитание). Большая часть ее представителей входила в ССНС, которая исключила из своего состава участников Коммуны № 1 из-за вызывающее провокационного поведения.

Коммуна оказалась в центре скандала после заявления по поводу инцидента в Бельгии. В результате пожара, вспыхнувшего в универмаге Брюсселя в мае 1967 г., погибло 350 человек. Коммуна №1 выпустила серию листовок, касающихся этого события, и призывами к подобным действиям внутри ФРГ. В ответ на это против них было выдвинуто обвинение в предумышленном призывае к поджогам. На суде представителей коммуны защищал знаменитый левый адвокат Хорст Малер, которому удалось преподнести содержимое листовок как «сатиру», не имеющую в своей основе серьезного подтекста. Суд снял все обвинения с Коммуны №1 [5, с. 180–184].

В середине 1968 г. в немецком студенческом движении начинается раскол, который позже приведет к спаду протестной активности. Аналитики спецслужб объясняли эти события покушением на одного из ключевых фигур бунтующей молодежи – Руди Дучке. Он смог выжить после покушения, но оно оказало огромный вред здоровью и послужило причиной его смерти в 1979 г. На раскол в студенческом движении повлияло принятие Закона о чрезвычайном положении 30 мая 1968 г., которое оттолкнуло многих от радикальных позиций. Профсоюзные организации сочли содержание законодательного акта терпимым и отказались от поддержки студентов, протестовавших против него, тем самым отталкивая рабочий класс от потенциального сотрудничества с молоде-

жью. Зимой 1968 г. распадается ССНС на различные леворадикальные группы (маоисты, троцкисты и др.), которые начинают друг друга критиковать.

После богатого на революционные события 1968 г. студенческие волнения к началу 1969 г. идут на спад. До знаменитых майских событий во Франции главным протестным городом в Европе считался Берлин. Студенты боролись с авторитарными традициями в системе образования, бюрократизацией учреждений и привилегированностью профессоров. Процесс распада связывают с разногласиями внутри студенческих организаций, в первую очередь ССНС, которая объявила о самороспуске в 1970 г. Со временем, по решению Федерального суда, в 1973 г. было реформировано управление в университетах. Теперь в принятии важных решений принимали участие студенты совместно с профессорами и преподавателями младшего состава.

После роспуска ССНС на смену самоуправляющимся организациям студентов приходят новые ячейки с более авторитарной «большевистской» программой и революционной дисциплиной. В основном это были маоистские партии с марксистско-ленинской идеологией, именующие себя «Красными ячейками» («Rote Zellen»). Согласно правительенным данным, в 1971 г. в ФРГ было 250 леворадикальных групп с общим количеством около 84 тыс. человек. После запрета КПГ в 1956 г. в период протестного движения в 1968 г. образуется ГКП (Германская коммунистическая партия). Большое количество леворадикальных молодежных групп в начале 1970-х гг. примыкают к партиям с близкой для себя (коммунистической) идеологией. Вновь образовавшаяся в 1971 г. КПГ объединяет вокруг себя маоистские группы, но просуществует она незначительное время и будет распущена в 1980 г.

В конце 1960-х гг. часть радикально настроенных активистов переходят на позиции вооруженного сопротивления. Вдохновленные партизанским движением в странах «третьего мира», они объявляют войну господствующей системе и переходят к, так называемой, городской герилье. Учитывая антифашистский акцент в среде радикальной молодежи, «красноармейцы» (RAF) идут глубже в этом вопросе и публикуют списки бывших нацистских преступников, которые ведут вполне комфортабельную жизнь или участвуют в политике, с доказательствами их вины. Большая часть исследователей темы левого терроризма в ФРГ указывают на причину его возникновения резкий спад студенческих протестов после 1969 г. Будучи в состоянии разочарования и отчаяния, незначительная часть движения занимает позицию вооруженной борьбы.

Таким образом, протесты второй половины 1960-х гг. оказали значительное влияние на развитие Германии, способствовали переменам не только в политике, но и в обществе. Студенты, стремившиеся изменить окружающий мир, если не достигли конечной цели, то, безусловно, оставили значительный след на становлении современной западной цивилизации. Они повлияли не столько на политиков левых взглядов, сколько на представителей консервативного и либерального лагеря, которые становились более уступчивыми и более демократичными. Говоря словами немецкого политика Рихарда фон Вайцзеккера: «Республика стала намного демократичней после 1968 года».

Библиография

1. Frei N. Jugendrevolte und globaler Protest. Munchen, 2008. 298 s.
2. Али Г. Наша борьба. 1968 год: оглядываясь с недоумением. М., 2018. 272 с.
3. Белль Г. Как возникает насилие и к чему оно может привести: Генрих Белль и RAF. М., 2023. 112 с.
4. Вайнен Р. Долгий 68: Радикальный протест и его враги. М., 2020. 627 с.
5. Кенен Г. Веспер, Энслин, Баадер. Немецкий терроризм: начало спектакля. М., 2004. 480 с.
6. Майнхоф У. От протesta к сопротивлению. Из литературного наследия городской партизанки. М., 2004. 192 с.
7. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2023. 364 с.
8. Пленков О. «Революция» 1968-го. Эпоха, феномен, наследие. СПб., 2023.

473 с.

Исай Алексей Николаевич, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; alex8926osn@mail.ru

Student protest movement in West Germany in the 1960s

The article is devoted to the peculiarities of youth protests and left-wing radicalism in West Germany in the 1960s. The period of the movement's origin, its culmination (1967–1968) and disintegration are considered. Calls for self-government, the fight against the "consumer society", the denial of bourgeois values and morality are becoming the main slogans of protesting students in different parts of the world. The sharp decline in the activity of protesting youth in Germany by 1970 led many to the legal path of struggle in real politics, but a small part will take the path of terrorism and armed struggle against the system.

Keywords: The "new left", left-wing radicalism, socialism, anti-fascism, revolution

Isai Aleksej Nikolaevich, graduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia alex8926osn@mail.ru

Вершинин М.А.

Экономические отношения США и Кубы в 50-х годах XX века как пример имперской политики

В статье рассматривается трансформация имперских практик в XX веке на примере отношений между США и Кубой в преддверии Кубинской революции (1953–1959). Автор анализирует переход от классического имперского господства к неоимпериализму, основанному на экономической зависимости, политическом вмешательстве и поддержке лояльных режимов. Особое внимание уделяется тотальной интеграции кубинской экономики в американскую систему, включая доминирование иностранного капитала, монокультурность сельского хозяйства и ограничение суверенитета Кубы в торговой политике. Показано, как эти факторы привели к социально-экономическому кризису, усилению неравенства и в конечном итоге к революции. На примере Кубы демонстрируется механизм современного имперского господства, где вместо прямого колониального контроля используются экономические рычаги и дипломатическое давление. Делается вывод о сохранении имперских моделей в мировой политике, но в новых формах, порождающих конфликты между зависимыми государствами и их внешними покровителями.

Ключевые слова: империя, империализм, неоимпериализм, США, Куба, Кубинская революция, экономическая зависимость, колониализм, холодная война

Обычно под термином «империя» в широком значении понимается государство с обширной территорией, включающее в свой состав, путем завоевания или добровольного присоединения, территории других стран и народов. Многие западные историки, такие как Ф. Купер и Дж. Бербанк, указывают, что для империи характерно различие прав и принципов управления для различных входящих в ее состав территорий [10, р. 8]. Словарь Даля определял империю как «государство, властелин которого носит сан императора, неограниченного, высшего по сану правителя» [5, с. 96]. Таким образом, империя как формальный тип государственного устройства в чистом виде, если, разумеется, не брать самое широкое значение, едва ли существует на данный момент. Однако многие государства периодически возвращаются к опыту имперской политики. Важно понимать, что здесь речь идет не только о классической системе – государства как центр и подчиненные ему провинции, а скорее о практике, окончательно оформленвшейся во второй половине XIX века, получившей название «империализм».

Сам термин ввел в научный оборот британский экономист Дж. А. Гобсон в своей работе «Империализм» 1902 года [3, с. 19], впоследствии В.И. Ленин в своем знаменитом труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» 1916 года выведет теорию империализма на новый уровень [6, с. 387]. В дальнейшем общая тео-

рия была дополнена в рамках теории зависимого развития и мир-системным анализом И. Валлерстайна.

Кратко сформулировать практику современного империализма можно следующим образом: современные «империи» не захватывают территории других стран и народов напрямую, а стремятся включить их в отношения неэквивалентного обмена при котором формально суверенные страны становятся экономически и культурно зависимы от более развитого государства. При этом государство, проводящее такую неоимперскую политику, вполне способно использовать политические и силовые методы давления на страны, сопротивляющиеся втягиванию в неэквивалентный обмен [1]. Несогласные могут столкнуться с угрозой переворота или даже интервенции со стороны государств – союзников гегемона. Обычно интересы граждан стран, становящихся жертвами такой политики, не учитываются, государство-империалист будет поддерживать любой режим до тех пор, пока тот отвечает его интересам в регионе, в таком случае конфликты в обществе зависимой страны могут копиться десятилетиями без возможности их адекватного разрешения. Такое положение вещей может спровоцировать классический еще для империй прошлого конфликт метрополии с периферией или даже создать революционную ситуацию.

Ярким примером такой новой «имперской» уже в XX веке политики и пораженного ею конфликта может служить взаимоотношения Кубы и США незадолго до начала Кубинской революции 1953–1959 годов. Логика развертывавшейся после 1946 года Холодной войны и географическая близость стран региона к Соединенным Штатам подталкивали последние к идее установления гегемонии. В 1948 году США инициируют создание Организации американских государств (ОАГ). В рамках этой организации была утверждена декларация, направленная на сохранение и защиту демократических принципов в Америке. Этот документ предоставил ОАГ полномочия принимать меры против так называемой «коммунистической угрозы» в любом из государств региона. Соглашение об экономическом сотрудничестве, подписанное странами-участницами, обязывало их правительства не препятствовать деятельности иностранного капитала на своих территориях [9, с. 4]. Некоторые исследователи даже утверждают, что на фоне столь сильного влияния в обществе ряда латиноамериканских стран даже начали распространяться идеи «географического детерминизма» согласно которым соседи США буквально обречены на тесную зависимость от могущественного северного соседа, а любая попытка противиться этому влиянию просто бессмысленна. Соединенные Штаты оказывали поддержку или напрямую помогали приди к

власти военным хунтам – в Гондурасе, Венесуэле, Панаме и Парагвае. В 1954 году в Перу при поддержке ЦРУ свергнуто правительство Я. Арбенса. С 1952 г. США активно вмешивались в ход Боливийской национальной революции, продавив возмешение экономического ущерба для горнодобывающих синдикатов, пострадавших от национализации шахт [8, с. 70–71].

К 50-м годам американский капитал уже глубоко проник в экономику многих стран Латинской Америки, а идеи сотрудничества с США – в головы их политиков. Куба не была исключением. Ни правительство Кубинской революционной партии (истинной) (*Partido Revolucionario Cubano – Auténtico*), ни военная диктатура кубинского президента Фульхенсио Батисты никогда всерьез не ставили под вопрос справедливость положения Кубы в отношениях с США и уж тем более не угрожали напрямую интересам американского капитала. Как уже отмечалось выше, большая часть стран Латинской Америки, так или иначе, стремились привлечь иностранный капитал. То, что Куба была активным образом включена в товарообмен с США, удивления не вызывает, однако современники отмечали не просто тесное сотрудничество двух стран, а тотальную зависимость Кубы в промышленном и ресурсном плане.

При Батисте инвестиции Соединенных Штатов в экономику островного соседа достигли приблизительно миллиарда долларов, другой стороной этого процесса было массовое приобретение кубинской земли и промышленных предприятий собственниками из США [14, р. 248]. Так, по подсчетам кубинского историка Оскара Пино Сантоса, в период 50-х годов XX века 60 % всех продуктов питания имели импортное происхождение, в частности, лишь около 38 % мясомолочной продукции производилось непосредственно на Кубе. Остров буквально жил за счет производства табака и сахара: из семимиллионного населения до 475 тыс. человек были заняты в цикле его переработки. Половина пригодных к обработке земель на острове была выделена под выращивание сахарного тростника, по разным оценкам, на эту отрасль приходилось до трети всего национального дохода страны. Эту отрасль сельского хозяйства кубинцы вряд ли однозначно могли бы назвать своей, так как к концу 50-х годов 30 % всех площадей плодородной земли, отведенных под эту культуру, принадлежали американским собственникам [12, р. 170–177]. Характерно, что в плане экономического развития, предложенном Кубе в 1950 году Международным банком реконструкции и развития, предполагалась дальнейшая приватизации земельной собственности в пользу кубино-американского капитала. При этом заработную плату рабочих сахарной отросли предполагалось поддерживать на уровне 1940 года для

сохранения высокой рентабельности. План также учитывал возможное сопротивление рабочего класса, поэтому рекомендовалось организовать картельный сговор крупнейших предпринимателей и латифундистов для координации их действий в лоббировании своих интересов [13].

Примечательно также, что большую часть прибыли от продажи продуктов сельского хозяйства Куба в основном тратила не на инвестиции в инфраструктуру, социальные программы или развитие сельского хозяйства, а на закупку товаров у экономических партнеров, крупнейшим из которых были США. Последние занимали 89 % кубинского рынка электробытовых приборов, 71 % ткани и готовой одежды, 81 % рынка продовольствия. До 88 % экспорта Кубы было завязано на Соединенные Штаты Америки, Великобританию и ФРГ. Здесь стоит подчеркнуть, что предложения национальной буржуазии правительству Фульхенсио Батисты об установлении экономических отношений с другими странами и, в частности, с государствами социалистического лагеря были отвергнуты. А после подписания Лондонской сахарной конвенции 1952 года Куба и вовсе ограничила свои торговые интересы в пользу партнеров. Фактически подписание этого соглашения означало, что ради стабилизации мировых цен на сахар островное государство обязалась сократить и производство, и продажу товара, от которого напрямую зависело благосостояние национальной экономики. В пользу иностранного капитала на острове работала и законодательная система. Так, до революции для наиболее крупных торговых партнеров Кубы действовали более выгодные «конвенциональные» пошлины [4, с. 121-124]. Перечисленные выше особенности экономической политики островного государства приводили к чудовищному перекосу в хозяйственном развитии страны. Монополия сельского хозяйства и общая неразвитость других сфер экономики делали страну буквально зависимой от цен на рынках ее главных экономических партнеров. В результате значительных инвестиций, которые США и другие государства направляли в экономику Кубы, страна становилась все более зависимой от одной ключевой отрасли – производства сахара. Это привело к серьезному дисбалансу в ее экономическом развитии и еще большей экономической зависимости от рынка своего главного партнера – Соединенных Штатов.

К 50-м годам сложившаяся система не устраивала даже некоторых земельных собственников. Ярким примером здесь может служить позиция «Национальной крестьянской ассоциации Кубы», которая неоднократно призывала правительство способствовать расширению продажи сахара в страны народной демо-

кратии и КНР. Столкнувшись с игнорированием своих предложений со стороны правительства, ассоциация выступила с возванием ко всем жителям Кубы, в котором режим Батисты напрямую обвинялся в сознательном подрыве национальных интересов страны. Более того, ассоциация призвала к борьбе за экономические интересы острова, отдельно акцентируя внимание на проблемах бедности и неравенства [4, с. 120].

Схожим образом действовали и организации, представлявшие интересы промышленного капитала. «Национальная ассоциация промышленников Кубы» и «Союз фабрикантов табачной промышленности» уже давно задумывались о поиске новых рынков сбыта для своей продукции. С 1952 года к Батисте обращается ряд крупных кубинских предпринимателей с просьбой установить торговые отношения с СССР. Наиболее активно за экономическое сотрудничество с социалистическим лагерем выступали хозяин крупной обувной фабрики Рехино Гонсалес Ариас, компания «Братья Альварес» и крупнейший производитель консервированных ананасов на Кубе Пальмарито Норман Бетчер [4, с. 121]. Оптимизм национальной буржуазии острова в отношении перспективы торговли с социалистическими странами подкреплялся результатами Московского международного экономического совещания, проходившего в 1952 году. В нем приняли участие делегаты от 49 стран, в числе которых был известный кубинский экономист Хасинто Торрас. Последний обладал огромным авторитетом среди деловых кругов острова, он консультировал как частных лиц, так и государство в вопросах экономики, статистики и отраслевого управления. Вместе с одним из лидеров профсоюзного движения Кубы Хесусом Менендесом Ларрондо он защищал интересы острова на переговорах с США по вопросам торговли сахаром, поддерживал инициативу Московского совещания о создании глобального, альтернативного долларовому, рынка товаров, услуг и капитала. В свою очередь, члены Совета Экономической Взаимопомощи, если верить Торрасу, сами выступили с инициативой начать торговлю с Кубой [7, с. 58-59]. Установление подобных экономических отношений могло подорвать гегемонию США на острове и, соответственно, были проигнорированы правительством Батисты [11, р. 409-422].

Взаимоотношения США и Кубы являются ярким примером практически полной экономической и политической зависимости без формального имперского господства одной страны над другой. Социальная сфера жизни общества оказалась зависима от более мощного государства, так как необходимые глубокие социальные реформы слишком сильно затрагивали интересы американского

капитала. Пример Кубы отлично иллюстрирует ключевую особенность современной «имперской» политики: вместо прямого военно-политического контроля используются экономические рычаги, дипломатическое давление и поддержка лояльных режимов. Неудивительно, что такое положение дел на острове в итоге привело к революции и присоединению Кубы к социалистическому лагерю. Также не менее любопытно преобразование конфликта центра и периферии на новом историческом этапе развития человечества: причиной конфликта становится не противоречия между властью суверена и жителями провинции, и не противостояние колонии власти метрополии, а недовольство политикой, проводимой местной национальной элитой в пользу другого государства. Таким образом, хотя классические империи ушли в прошлое, имперские практики трансформировались и продолжают влиять на мировую политику, создавая новые формы зависимости и конфликтов.

Библиография

1. Валлерстайн И. Мироисистемный анализ: Введение. М., 2006. 248 с.
2. Гобсон Дж. А. Империализм. Ленинград, 1927. 287 с.
3. Гриневич Э.А. Куба: путь к победе революции. М., 1975. 239 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1907. Т. 3.
5. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 27.
6. Липкин М.А. Московское экономическое совещание 1952 г.: тактический маневр или новая стратегическая линия СССР? // Вестник РУДН. Сер. История России, 2010. № 2. С. 52-64.
7. Строганова Е.Д. США и левые режимы Латинской Америки (вторая половина XX – начало XXI вв.). М., 2017. 288 с.
9. Фурсенко А.А., Нафтали Т. Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М., 2016. 510 с.
10. Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. New Jersey, 2010. 528 р.
11. Orlando B.V. Influencia martiana en el pensamiento económico de Jacinto Torras Ariadna Ediciones. Caridad Massón (Ed.). Las Izquierdas Latinoamericanas, Santiago, 2017. 522 р.
12. Oscar Pino Santos. La Oligarquía Yanqui En Cuba. México, 1973. 522 р.
13. Report on Cuba. Findings and Recommendations of an Economic and Technical Mission Organized by the International Bank for Reconstruction and Development in Collaboration with the Government of Cuba in 1950. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/509231468770694282/pdf/multiopage.pdf> (дата обращения: 01.03.2025)
14. Smith H.F. What Happened in Cuba? By Smith, Robert F., Samuel Shapiro (Ed.) American Historical Review. New-York, 1963. 655 р.

Вершинин Марк Антонович, научный сотрудник, Музейно-выставочный центр р.п. Выездное, Арзамасский районный музей «Природа» имени С.И. Трофимова; магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; markvershinin@gmail.com

U.S.-Cuba economic relations in the 1950s as an example of imperial policy

The article examines the transformation of imperial practices in the 20th century through the lens of U.S.-Cuba relations in the lead-up to the Cuban Revolution (1953–1959). The author analyzes the shift from classical imperial domination to neo-imperialism, characterized by economic dependency, political interference, and the backing of loyal regimes. Special attention is paid to the total integration of Cuba's economy into the U.S. system, including the dominance of foreign capital, monoculture agriculture, and restrictions on Cuba's sovereignty in trade policy. The study demonstrates how these factors precipitated a socioeconomic crisis, exacerbated inequality, and ultimately fueled the revolution. The Cuban case exemplifies the mechanisms of modern imperial domination, where economic leverage and diplomatic pressure replace direct colonial control. The conclusion highlights the persistence of imperial models in global politics, albeit in new forms, which generate conflicts between dependent states and their external patrons. **Keywords:** empire, imperialism, neo-imperialism, United States, Cuba, Cuban Revolution, economic dependency, colonialism, Cold War.

Keywords: empire, imperialism, neo-imperialism, USA, Cuba, Cuban Revolution, economic dependence, colonialism, Cold War

Vershinin Mark Antonovich, Researcher, Museum and Exhibition Center of the village of Exit, Arzamas district, S.I. Trofimov Museum of Nature; master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; markvershinin@gmail.com

УДК 327

Галикеева А.Р.

«Мягкая сила» британского неоколониализма как инструмент политики правительства Энтони Блэра

В статье рассматривается использование «мягкой силы» как инструмента неоколониальной политики Великобритании в Африке в период правления Энтони Блэра. Были изучены механизмы влияния Великобритании через программы помощи, торговую либерализацию и внедрение агротехнологий, которые маскируют неоколониальные практики. На основании проведенного анализа были выявлены противоречия между декларируемыми целями (борьба с бедностью, развитие демократии) и фактическими результатами, которые привели к усилению экономической зависимости. Статья основана на критическом анализе официальных документов (отчетов DFID), публикаций прессы, а также экспертных оценок специалистов, применен метод сравнений современных практик с колониальной эксплуатацией, проведен анализ преемственности инструментов влияния в области культуры, образования, экономики.

Ключевые слова: мягкая сила, Великобритания, неоколониализм, Африка, Энтони Блэр

Проблема неоколониализма является доминирующей во внешней политике британского правительства. Она основана на экономических, политических и культурных механизмах контроля, кото-

рые позволяют сохранять и усиливать влияние над развивающимися странами, несмотря на формальный суверенитет последних. Одним из важнейших компонентов неоколониальной политики является «мягкая сила». Термин был введен американским политологом Джозефом Наэм в конце 1980-х годов. Согласно Дж. Наю, «мягкая сила» – это способность государства достигать желаемых результатов в международной политике не через принуждение, а через привлечение, убеждение, формирование положительного имиджа и создание симпатий к стране [13, р. 10]. Данный подход проявляется во внешней политике Великобритании, которая прибегает к мягкой силе при реализации своих задач: достижение привлекательности культуры (продвижение языка, искусства, музыки, кино и образования), пропаганда политических ценностей демократия, права человека, верховенство закона), гуманитарная дипломатия (участие в международных организациях и оказании гуманитарной помощи).

Учитывая исторический опыт присутствия Великобритании в разных регионах земного шара, реализация «мягкой силы» неизбежно сталкивается с колониальными и постколониальными практиками. Кваме Нkruma, теоретик панафриканизма и первый премьер-министр (1957–1960 гг.), а затем президент (1960–1966 гг.) независимой Ганы, в своей работе «Неоколониализм: последняя стадия империализма» 1965 г. дал первое системное определение сущности неоколониализма. Он заключается в том, что государство, ему подчиненное, теоретически независимо и обладает всеми внешними атрибутами международного суверенитета, но в действительности его экономическая система, а следовательно, и политика направляются извне. В своей работе он детально описывает механизмы «мягкого» воздействия на государства: пропаганда и манипуляция сознанием – через средства массовой информации, кинематограф, контроль над информационными агентствами; экономическое давление – кабальные кредиты, контроль над ценами на сырье, «помощь» с политическими реформами, использование МВФ и Всемирного банка для навязывания невыгодных условий кредитования; политическое вмешательство – поддержка марионеточных режимов, организация переворотов, убийства неугодных лидеров, работа через «агентов влияния»; профсоюзное и рабочее движение – контроль над профсоюзами; разведывательная деятельность – шпионаж, подкуп элит и подрыв суверенитета и т.д. [12, р. 4, 186–197]

Проблема «мягкой силы» во внешней политики Великобритании освещалась в работах Е.М. Харитоновой «”Мягкая сила” Великобритании» [6], Н.К. Капитоновой и Е.В. Романовой «История

внешней политики Великобритании» [1], О.С. Кульковой «Политика Великобритании в странах Африки при лейбористском правительстве Т. Блэра: 1997–2007 гг.» [3], А.И. Сироткина «Неоколониализм XXI века: Глобализм и мир-системность» [5]. В рамках данных работ раскрывается широкий спектр проблем, связанных с британской внешней политикой, включая критический анализ реализации «мягкой силы» и элементов неоколониализма, в том числе в период правления Э. Блэра. Авторами отмечается, что политика совмещала мягкую силу с «этическим интервенционизмом», который фактически реализовывался через неоколониалистские практики – военные интервенции, экономическое давление и поддержку зависимых режимов. Риторика о «гуманитарных миссиях» конфликтовала с реальной политикой, особенно после поддержки интервенции США в Ирак в 2003 году. Поддержка Содружества наций при Блэре сохраняла элементы экономической зависимости бывших колоний, особенно в Африке. Авторы подчеркивают, что за гуманитарной риторикой скрывались стратегические интересы, что в итоге подорвало международный авторитет Британии.

В зарубежной историографии можно выделить, например, работы Д. Чандлера – британского исследователя, профессора политических и международных отношений Вестминстерского университета, который в своем исследовании «Empire in Denial: The Politics of State-Building» критикует «либеральный интервенционизм» Э. Блэра как форму современного империализма, отмечая, что проекты «строительства государств» по западным шаблонам игнорируют местные реалии, создают зависимые режимы и ведут к дестабилизации, а не к подлинному развитию. Д. Чандлер делает вывод, что, несмотря на заявления о защите прав человека и демократии, политика Блэра была направлена на сохранение доминирования Запада, сочетая элементы «мягкой силы» с жестким неоколониальным управлением [9].

В 1997 г. Лейбористская партия во главе с Э. Блэром одержала победу после 18-летнего пребывания в оппозиции. Лейбористы были намерены использовать процессы глобализации для возвращения Великобритании ключевой роли в мировой политике [1, с. 693]. В период предвыборной компании в 1996 г. был опубликован манифест, который излагал новый центристский подход партии к политике под названием «Третий путь» – между изоляционизмом и полной интеграцией, который впоследствии принес успех на всеобщих выборах. Касательно внешней политики в манифесте можно выделить следующие задачи, которые они планируют реализовать, такие как: 1) усиление обороны и безопасности,

сохранение ядерного потенциала, поддержка многостороннего разоружения, опора на НАТО как основу оборонной политики; 2) реформирование международных институтов 3) борьба с глобальной бедностью, 4) борьба за права человека, как приоритет внешней политики, 5) активное участие в международных климатических соглашениях, 6) сделать Британию лидером в Европе [7].

Для разделения сфер ответственности и координации работы касательно международной политики, включая политики «мягкой силы» Великобритании, предполагалось задействовать следующие институты: Министерство международного развития (DFID), Министерство иностранных дел и по делам Содружества (FCO) и Министерство культуры, СМИ и спорта (Department for Culture, Media & Sport, DCMS). Важной частью должна была стать Всемирная служба Би-би-си (BBC World Service) – крупнейшая в мире государственная радиовещательная корпорация, финансируемая FCO. Так же «мягкая сила» должна была продвигаться за счет недепартаментских общественных органов, неминистерских департаментов и исполнительных агентств в Великобритании, называемых квазиавтономными неправительственными организациями (*quasi-autonomous non-governmental organizations, quangos*), которые получают финансирование от государства, сохраняя автономность для исключения политического влияния. К таким органам относятся Комиссия по стипендиям Содружества наций (Commonwealth Scholarship Commission in the UK) и Британский Совет (British Council), финансируемые соответствующими министерствами. Они работают по принципу «вытянутой руки», что позволяет им оставаться независимыми и одновременно способствовать реализации правительственные целей [2, с. 50, 54–55].

В своих мемуарах «A Journey» Э. Блэр неоднократно подчеркивал, что в условиях глобализации традиционное разделение на внешнюю и внутреннюю политику теряет смысл. Он писал, что международные кризисы «мгновенно влияют на внутреннюю жизнь», будь то экономические потрясения или миграционные волны, а благодаря СМИ граждане эмоционально вовлекаются в события, происходящие за тысячи километров. По его мнению, современный мир взаимосвязан не только экономически, но и на человеческом уровне – люди сопереживают страданиям других, что делает глобальные проблемы лично значимыми. Именно это, как считал Э. Блэр, требует нового подхода к внешней политике: решения должны основываться не на узком национальном интересе, а на коллективных действиях и общих ценностях, как в случае с изменением климата. Однако он признавал парадокс: хотя публика понимает важность международных вопросов, они часто вос-

принимаются как отдаленные от повседневности. Это, по его словам, заставляло политиков балансировать между глобальной ответственностью и внутренними ожиданиями. В итоге, как заключал Блэр, традиционная политика невмешательства устарела, но военные интервенции (включая действия в духе «либеральной демократии») стали ассоциироваться с неоконсерватизмом, а изоляционизм – с прогрессивными взглядами, что отражает противоречия современной эпохи [8, р. 211-213].

Рассмотрим применение политики «мягкой силы» в период премьерства Э. Блэра на примере Африки. С самого начала Лондон предпринял ряд шагов с целью убедить Африку в том, что она находится в центре внимания британской политики. При этом упор был сделан на формирование взаимовыгодного партнерства на основе новой парадигмы поддержки усилий самих африканцев по созданию более благоприятного делового климата: в Африке в рамках либеральной концепции глобализма и «Вашингтонского консенсуса» [6, с. 4]. Э. Блэр в мемуарах «A Journey» пишет: «Мы будем использовать наше членство в Европе и союз с США, чтобы влиять на решения глобального масштаба, даже по мере того, как наше влияние относительно новых держав будет уменьшаться. Мы займем новую роль на таких континентах, как Африка, став партнерами в развитии. Мы создадим новую политику, в которой успешное предпринимательство и амбиции будут гармонично сочетаться с обществом равных возможностей и сострадания» [8, р. 10]. Таким образом, развитие партнерства Великобритании со странами Африки, в том числе вне ее бывших колоний, было обусловлено четырьмя причинами: борьба за африканские минерально-сырьевые ресурсы, практические интересы, идеологические мотивы и личностные особенности самого Э. Блэра.

В своих мемуарах Э. Блэр описал риторику «жесткого и мягкого» подходов к Африке в рамках тезиса доклада G8: «...Африка должна сама разобраться с Африкой. Они придерживались классического принципа “рука помощи, а не подачек”. Нам нужно было увеличить помощь, цель помочь Африке встать на ноги, без всякой чепухи о невозможности управления из-за ужасного колониального прошлого. Мой взгляд на Африку всегда был сущностно “третьим путем”: нам нужно партнерство между развитым и развивающимся миром, а не отношения донора и получателя. Управление и коррупция были такой же проблемой, как долги и помощь. Разрешение конфликтов было ключевым. Другими словами, жесткий и мягкий подходы. Давать деньги было моральным императивом, но мало кто действительно верил, что это принесет

результат, что, в свою очередь, привело к “усталости доноров” [8, р. 507–508].

В гуманитарной политике наиболее заметным стал международный проект «Make Poverty History» («Сделаем бедность историей»), лидером которого в 2005 году выступила Великобритания. По данным BBC News, 2 июля того же года в Эдинбурге прошли маршем 225 000 участников кампании, что привлекло внимание властей к проблемам Африки. Однако проект запомнился прежде всего коррупционными скандалами. Популистский характер африканской политики правительства Э. Блэра подтверждают и другие примеры. Так, созданная по его инициативе Комиссия для Африки («Комиссия Блэра по Африке») ставила перед собой задачу разработки новых подходов к развитию и выполнению международных обязательств. В нее вошли многие африканские лидеры, что, однако, демонстрировало скорее «псевдопартнерский» подход, где они выступали не как равные участники, а как получатели западной помощи. Несмотря на определенные шаги по реализации проектов Комиссии, их эффективность оказалась сомнительной. В 2007 году был проведен мониторинг помощи, обещанной G8 в 2005 году по инициативе Великобритании, и установлено, что ее объем крайне ограничен, а поставленные цели не достигнуты [4, с. 30–31].

Великобритания проявила особую заинтересованность в развитии стабильных отношений с Нигерией, которая не только являлась крупнейшим поставщиком нефти в Африке к югу от Сахары, но и представляла собой второй по значимости рынок сбыта британской продукции на континенте (после ЮАР). С приходом к власти в 1999 году президента Олугесуна Обасанджо межгосударственное взаимодействие стало более гармоничным и предсказуемым. Правительство Э. Блэра, уделявшее особое внимание укреплению связей с Африкой, стремилось продвигать модель «нового типа» африканского лидерства, основанного на демократии, экономических реформах и борьбе с коррупцией. Обасанджо в значительной степени соответствовал этому образу, что способствовало укреплению партнерства между странами [6, с. 20].

Одним из ключевых направлений англо-нигерийского сотрудничества при Э. Блэре стал экономический аспект. Великобритания закрепила за собой статус одного из крупнейших инвесторов в экономику Нигерии. В июле 2005 года «Парижский клуб (неформальное объединение стран-кредиторов)», при активном участии Великобритании, объявил о крупнейшем в истории Африки списании долгов Нигерии (18 млрд долл.). Однако эта «помощь» была обусловлена внедрением международного контроля над

бюджетом через создание Комитета по целям развития тысячелетия, куда вошли представители МВФ, Всемирного банка и британских НПО (Oxfam, Action Aid). Фактически, Лондон, действуя в рамках «этической внешней политики», интегрировал своих акторов в нигерийскую систему управления, превратив их в часть государственного аппарата [9, р. 87–88]. В Нигерию вернулись прежние британские инвесторы и появились новые. Самым важным из них по-прежнему оставалась компания «Шелл», готовая на увеличение вложений несмотря на растущие проблемы в дельте р. Нигер. Британский Совет также расширил свою деятельность в Нигерии, активно поддерживая национальную программу Всеобщего начального образования.

Важное место в двусторонних отношениях занимала также сельскохозяйственная политика, которая рассматривалась как ключевой инструмент устойчивого развития и снижения уровня бедности в стране. При Э. Блэрэ была разработана Сельскохозяйственная политика департамента международного развития Великобритании (DFID). В центре политики была идея, что развитие сельского хозяйства является неотъемлемой частью стратегий борьбы с бедностью. Политика была направлена на улучшение условий для фермеров, увеличение их доходов, повышение продовольственной безопасности и создание устойчивых сельских экономик. В отчете «Сельскохозяйственная политика DFID (Департамент международного развития) 2005 года» выделяется семь приоритетов данной политики: 1) разработка политики и процедур, поддерживающих сельское хозяйство, 2) более эффективное распределение государственных расходов, 3) преодоление рыночных провалов, 4) ликвидация дефицита финансирования в сельском хозяйстве, 5) распространение преимуществ новых технологий, 6) улучшение доступа к земле и защита прав собственности, 7) снижение искажений на международных рынках. Один из ключевых успехов DFID, упомянутых в документе, это сотрудничество с британскими и южноафриканскими супермаркетами, чтобы помочь африканским фермерам выйти на «высокодоходные экспортные рынки» [10, р. 1-4].

Критика сельскохозяйственной политики очень ярко отражена в британской газете «The Guardian» в статье «Бедные фермеры жаждут высказать свое мнение о сельском хозяйстве». В статье отмечено, что в рамках реализации данной политики потребности бедных фермеров отражены не в полной мере, что отсутствуют новые источники финансирования или альтернативные подходы к работе, налицо непродуктивное повторение прежних экономических принципов, упрямо осуществляется поддержка либерализа-

ции торговли вопреки негативным последствиям, игнорируется влияние агробизнеса на повседневную жизнь фермеров, имеет место скрытая поддержка ГМО и продуктов биотехнологических корпораций и т.п. [11].

Таким образом, проблема неоколониализма во внешней политике Великобритании в период правления Э. Блэра проявлялась через сочетание экономического давления, политического вмешательства и инструментов «мягкой силы». Несмотря на риторику о партнерстве и гуманитарной помощи, британская политика в Африке, в частности в Нигерии, сохраняла элементы неоколониальной эксплуатации. Политика Блэра, сочетавшая «мягкую силу» с экономическим и политическим доминированием, не столько способствовала реальному развитию Африки, сколько укрепляла влияние Великобритании, подтверждая тезис о неоколониализме как скрытой форме империализма.

Библиография

1. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М.: Международные отношения, 2020. 840 с.
2. Кулькова О.С. Нигерия во внешней политике Лондона // Азия и Африка сегодня. 2010. №12. С. 47–51.
3. Кулькова О.С. Политика Великобритании в странах Африки при лейбористском правительстве Т. Блэра: 1997–2007 гг. Автореф. дис. ...к.и.н. М., 2011. 28 с.
4. Медушевский Н.А., Бусыгина А.В., Сопот М.А. Современная политика Великобритании на Африканском континенте // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 2. С. 28–43.
5. Сироткина А.И. Неоколониализм XXI века: глобализм и мирсистемность // Теоретическая экономика. 2020. № 12. С. 96–105.
6. Харитонова Е.М. «Мягкая сила» Великобритании. М., 2018. 139 с.
7. Манифест лейбористской партии. – URL: <http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1997/1997-labour-manifesto.shtml> (дата обращения: 30.03.2025).
8. Blair T. A Journey: My Political Life. New York, 2010. 729 p.
9. Chandler D. Empire in Denial: The Politics of State-Building. London, 2006. 231 p.
10. DfID's 2005 Agriculture Policy: An Interim Evaluation / J. Heath. 2007. 4 p.
11. Mulvany P. Poor farmers are hungry to have their say on agriculture. – URL: <https://www.theguardian.com/society/2005/dec/14/guardiansociety supplement.development> (дата обращения: 30.03.2025).
12. Nkrumah K. Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism. New York, 1966. 205 p.
13. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004. 192 p.

Галикеева Алена Робертовна, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; alonka02@gmail.com

«Soft power» of British neocolonialism as a tool of Anthony Blair's government policy

The article examines the use of “soft power” as a tool of Britain's neo-colonial policy in Africa during the reign of Anthony Blair. The mechanisms of the UK's influence through aid programs, trade liberalization, and the introduction of agricultural technologies that mask neocolonial practices were studied. Based on the analysis, contradictions were revealed between the declared goals (combating poverty, developing democracy) and the actual results, which led to increased economic dependence. The article is based on a critical analysis of official documents (for example, DFID reports), press publications, as well as expert assessments of specialists. A comparative historical method is applied – a comparison of modern practices (for example, the export of raw materials without processing) with colonial exploitation and an analysis of the continuity of instruments of influence (culture, education, economic pressure).

Keywords: soft power, Great Britain, neocolonialism, Africa, Tony Blair

Galikeeva Alena Robertovna, master student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; alonka02@gmail.com

УДК 329.8

Губайдуллин Р.Р.

Революционные движения в Латинской Америке (на примере ФАРК и Сендеро Луминосо)

В статье исследуются конфликты между местными культурами и имперскими структурами в Латинской Америке на примере двух революционных движений: Революционных Вооруженных Сил Колумбии (ФАРК) и Сендеро Луминосо (Сияющий путь). Целью исследования является выявление общих черт и различий в идеологиях, методах и последствиях деятельности этих групп. В статье рассматриваются исторические контексты, в которых возникли ФАРК и Сендеро Луминосо, а также их влияние на местные сообщества и культурные идентичности. Результаты показывают, что, несмотря на схожесть в стремлении к социалистической системе и использовании насилиственных методов, подходы этих организаций к вопросам культуры и идентичности значительно различаются. Статья подчеркивает важность учета местных традиций и идентичностей в контексте глобализации и современных революционных движений.

Ключевые слова: ФАРК, Сендеро Луминосо, Латинская Америка, имперские структуры, культурная идентичность, революционные движения, радикализм

В современном мире изучение причин возникновения радикальных организаций и движений вызывает большой интерес у исследователей. Радикальные группы часто ассоциируются с террористической деятельностью, что поднимает вопросы о природе этих движений, причинах их жестоких кампаний и целях их активистов. В то время как многие связывают радикализм с Ближним

Востоком, существуют и другие организации, нарушающие мировой порядок, такие как «Сендеро Луминосо» и Революционные вооруженные силы Колумбии (ФАРК) [1; 2].

Обе организации стремились создать социалистическую систему, ориентированную на интересы беднейших слоев общества, и использовали схожие методы для достижения своих целей. Однако, несмотря на эти общие черты, у них также были значительные различия.

Таким образом, цель данного исследования заключается в определении общих черт и различий в процессе подготовки и реализации проектов ФАРК и Сендеро Луминосо. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью понимания текущих вопросов территориальной целостности государств и сохранения культурной идентичности, что приводит к возникновению движений национализма и радикализма.

С эпохи Великой Октябрьской революции 1917 года не прекращаются попытки реализации различных леворадикальных проектов. Анализ радикальных движений в Колумбии и Перу, особенно в конце XX века, становится особенно актуальным в свете современных конфликтов, которые могут привести к дестабилизации в этих странах и формированию новых радикальных движений.

Имперские влияния в Латинской Америке. С начала XX века Латинская Америка стала ареной значительного внешнего вмешательства, особенно со стороны Соединенных Штатов, что способствовало возникновению революционных настроений и социального недовольства. Это вмешательство проявлялось в различных формах, включая экономическое, политическое и культурное влияние, что в свою очередь создавало сложные условия для развития местных обществ [3; 4].

Политика «доллара» и ее последствия. Политика «доллара», введенная в начале XX века, стала ключевым инструментом для США в их стремлении укрепить влияние на страны Латинской Америки. Суть этой политики заключалась в использовании финансовой помощи и инвестиций для создания экономической зависимости. Как отмечает историк Эдвард Г. Рэндолф в своей книге «Американская дипломатия в Латинской Америке», США использовали экономическую поддержку как средство давления на правительства стран региона, заставляя их следовать проамериканской политике. Это вмешательство часто приводило к поддержке авторитарных режимов, которые, несмотря на свою жестокость, обеспечивали краткосрочную стабильность и защищали интересы американских компаний [5].

Примером этого может служить поддержка режима Фульхенсио Батисты на Кубе, который, несмотря на свою репрессивную политику, пользовался поддержкой США до 1959 года, когда Кубинская революция привела к его свержению. Это событие стало символом того, как американская политика могла привести к неожиданным и часто разрушительным последствиям.

Неоколониальные практики и их влияние на местные идентичности. Неоколониальные практики, проявлявшиеся в виде экономической зависимости и вмешательства в внутренние дела, подрывали местные идентичности и традиции. Исследования, такие как работа Лауры Б. Эскобар «Постколониальные исследования в Латинской Америке», подчеркивают, как эти практики способствовали утрате культурных ценностей и исторической памяти [6]. Местные сообщества часто чувствовали себя отчужденными от своих корней, что приводило к росту социального недовольства.

В ответ на эти вызовы начали возникать различные движения, стремящиеся восстановить утраченные культурные ценности, права и автономию. Например, индейские движения в таких странах, как Боливия и Перу, начали активно бороться за свои права и признание культурного наследия. Эти движения не только боролись за социальную справедливость, но и акцентировали внимание на важности сохранения местных традиций, языков и обычая, что стало важным шагом на пути к восстановлению культурной идентичности и независимости.

Социальные движения и культурное возрождение. Социальные движения, возникшие в ответ на неоколониальные практики и экономическое вмешательство, стали важными агентами изменений в Латинской Америке. В 1990-х годах началось активное движение за права индейцев, которое акцентировало внимание на необходимости признания прав коренных народов и защиты их культурных традиций. Эти движения стремились восстановить историческую память и культурную самобытность, что стало значительным шагом к социальной справедливости и равенству [7].

Одним из ярких примеров этого культурного возрождения является движение «Конфедерация индейских народов Боливии» (CIDOB), которое борется за права коренных народов и их культурную идентичность. Это движение добилось значительных успехов в политической сфере, включая принятие новой Конституции в 2009 году, которая признала многонациональный характер страны и права коренных народов [8].

В Аргентине и Чили также возникли движения, направленные на восстановление прав человека и памяти о жертвах диктатур. Эти инициативы не только боролись за справедливость, но и стали

важными шагами к восстановлению общественного доверия и социальной сплоченности. Например, в Чили движение «Мать Пласа» стало символом борьбы за правду и справедливость, помогая семьям жертв диктатуры искать информацию о своих пропавших без вести близких [9].

Конфликты культур. Конфликты культур в Латинской Америке часто становятся ответом на доминирование имперских структур и глобализацию. В этом контексте две важные группы – Революционные вооруженные силы Колумбии (ФАРК) и Сендеро Луминосо (Сияющий путь) – представляют собой разные подходы к борьбе за социальную справедливость и культурные права.

ФАРК: Марксизм и крестьянская революция. ФАРК, основанная в 1964 году, была вдохновлена марксистскими идеями и стремилась к созданию социалистического государства. Одной из ключевых характеристик ФАРК было ее стремление опираться на крестьянские массы, что отражало глубокую социальную и экономическую несправедливость в Колумбии. ФАРК видела в крестьянах основной движущей силе революции, что отличало ее от многих других вооруженных группировок, которые часто фокусировались на городских рабочих [2; 10].

ФАРК использовала различные тактики, включая партизанскую войну, захваты заложников и контроль над наркотрафиком, чтобы финансировать свои операции. Однако, несмотря на свои идеологические устремления, ФАРК часто подвергалась критике за использование насилия и за то, что ее действия приводили к страданиям гражданского населения.

Сендеро Луминосо: Индейская идентичность и культурное наследие Сендеро Луминосо, основанный в 1980-х годах в Перу, отличается от ФАРК своим акцентом на индейской идентичности и культурном наследии. Эта группа рассматривает марксизм не как конечную цель, а как инструмент борьбы с империализмом и неоколониализмом. Сендеро Луминосо подчеркивает важность восстановления культурных традиций и прав коренных народов, что делает его подход уникальным в контексте латиноамериканских революционных движений [11; 22].

Сендеро Луминосо использовал насилие как средство для достижения своих целей, что привело к масштабным нарушениям прав человека в Перу. Однако их акцент на культурных ценностях и идентичности привел к более глубокому осознанию прав коренных народов и их места в перуанском обществе.

Сравнительный анализ. Хотя обе группы борются против имперских структур, их подходы и идеологии существенно различаются. ФАРК делает акцент на классовой борьбе и социалистиче-

ской революции, в то время как Сендеро Луминосо акцентирует внимание на культурной идентичности и праве коренных народов на самоопределение. Эти различия отражают более широкий контекст конфликтов культур в Латинской Америке, где местные идентичности и традиции сталкиваются с внешними давлениями и доминированием.

Необходимо отметить, что обе леворадикальные организации имели много общих черт в таких вопросах, как:

1. Истоки образования двух леворадикальных организаций. История их возникновения идентична по своему характеру [15].

2. Зарождение леворадикальных движений на основе учений марксизма и его последующих форм. Эти организации и первые их лидеры вдохновлялись идеями и целями Карла Маркса, Владимира Ленина и Мао Цзэдуна [12].

3. Тяжелые условия жизни в период единоличного правления в государстве: крайняя бедность местного населения и жесткая политическая цензура. «Сендеро Люминос» и ФАРК по своим социальным и политическим обстоятельствам являются схожими организациями, например, формирование идей, целей и самих группировок зародились еще при жестком политическом режиме, как в Колумбии, так и в Перу; поиск единомышленников в основном приходился на времена экономического кризиса, более того, рекруты набирались в основном из бедных районов региона [20; 21].

4. Финансирование. На момент формирования ФАРК и «Сендеро Люминос» активисты были отрезаны от легального финансирования, поэтому они вступили на путь незаконного дохода путем выращивания и продажи наркотических веществ, похищения мирных граждан, военных и политиков с целью их дальнейшего выкупа, а также внедрения налоговых систем на контролируемые ими земли [17].

5. Терроризм. Оба движения использовали методы террора, что вызывало значительное беспокойство как на внутреннем, так и на международном уровнях [17].

6. Ответ правительства на действия организаций. Власти обеих стран жестко отреагировали на насильственные действия со стороны ФАРК и «Сендеро Люминос». Чем жестче активистов пытались подавить, тем больше было сомнений в стане организации по вопросу применения насилия [21; 22].

Также для полного проведения сравнительного анализа необходимо отметить, что, несмотря на некоторые общие черты, «Сендеро Люминос» и ФАРК имели и значительные различия в таких вопросах, как:

1. Смешение марксистской идеологии с другими ее формами. ФАРК более активно интегрировала элементы других идеологий, таких как национализм, в свою практику [21].

2. Политическая деятельность и работа политических партий. ФАРК в конечном итоге приняла участие в политическом процессе, тогда как Сендеро Луминосо оставался более изолированным и радикальным [23, 24].

3. Отношение организаций к крестьянам. В первые годы своей работы «Сендеро Луминосо» вербовала в свои ряды крестьян, студентов и рабочих из-за нехватки активистов в организации [23; 24].

4. Перемирия и мирные переговоры. Организации по-разному относились к вопросу о проведении перемирий и возможности мирных переговоров, что отражало их стратегические приоритеты и внутренние разногласия [23; 24].

Результаты и последствия Воздействие ФАРК и Сендеро Луминосо на местные культуры было многогранным. С одной стороны, они мобилизовали массы против имперских структур, создавая новые формы идентичности. С другой стороны, их методы часто приводили к дестабилизации и насилию, подрывая социальные структуры и традиции. Эти движения изменили политическую и социальную динамику в своих странах, оставив глубокий след в общественном сознании.

ФАРК и Сендеро Луминосо иллюстрируют конфликт между местными культурами и имперскими структурами в Латинской Америке. Их существование подчеркивает важность понимания культурных и исторических контекстов, в которых развиваются революционные движения. Эти примеры служат напоминанием о необходимости учитывать местные идентичности и традиции в современных процессах глобализации. Революционные движения, как ФАРК и Сендеро Луминосо, не только отражают конфликты прошлого, но и продолжают влиять на формирование будущего Латинской Америки.

Библиография

Источники

1. Ataque del PCP-SL a la Localidad de Marcas (1985) // Comisión de la Verdad y Reconciliación: [сайт]. 2003. 28 мар. – URL: Cverdad.Org.Pe (дата обращения: 03.03.2025).
2. Conflicto en Colombia: Antecedentes Históricos y Actores // Barcelona Centre for International Affairs: [сайт]. – URL: Cidob.Org (дата обращения: 02.03.2025).
3. Country Reports on Terrorism // United States Department of State. – URL: state.gov (дата обращения: 02.03.2025).
4. Country Reports on Terrorism. // United States Department of State. – URL: state.gov (дата обращения: 02.03.2025).

5. Decreto Legislativo del Estatuto de Seguridad. // Red Jurista. – URL: redjurista.com (дата обращения: 02.03.2025).
6. Estigma de comunista. // Comisión de la Verdad y Reconciliación. – URL: comisiondelaverdad.co (дата обращения: 02.03.2025).
7. La Guerra Civil Bipartidista. // Comisión de la Verdad y Reconciliación. – URL: Comisiondelaverdad.Co (дата обращения: 03.03.2025).
8. La Masacre de Lucanamarca (1983). // Comisión de la Verdad y Reconciliación: 2003. 28 авг. – URL: Cverdad.Org.Pe (дата обращения: 03.03.2025).
9. La Noche que Cambió Bogotá: un Relato del Bogotazo // Revista In-Usual. 2023. 9 января. – URL: Revistainusual.Com (дата обращения: 02.03.2025).
10. Informe Fina. // Comisión de la Verdad y Reconciliación. – URL: Cverdad.Org.Pe (дата обращения: 03.03.2025).

Литература

11. Боготазо: причины и основные последствия // Thpanorama: [Электронный ресурс]. – URL: Thpanorama.Com (дата обращения: 28.02.2025).
12. Бурлацкий Ф.М. Маоизм или марксизм? М., 1967. 128 с.
13. Дабаян Э.С. Колумбия: трудные дороги к миру // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 118-125.
14. Ивановский З.З. Колумбия: государство и гражданское общество: опыт экономических и политических реформ в условиях нестабильности. М., 1997. 293 с.
15. Коларов Г.И. «Неконвенциональный» левый радикализм: истоки и уроки // Латинская Америка. 2007. № 12. С. 66-74.
16. Колпакиди А. Правда о «Сендеро Луминосо» // Бумбараш. 1994. Т. 3. № 14. С. 4-10.
17. Магомедов Р. М. Особенности эволюции леворадикальной идеологии в Латинской Америке в 70-е гг. XX века (на примере «Сендеро Луминосо») // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. № 4. С. 147-152.
18. Макеева Л.А. Перу 1980 г.: когда военные вернулись в казармы // Латинская Америка. 2005. № 9. С. 42-59.
19. Партизанская война в Колумбии // Конфликтолог. – URL: Conflictology.Ru (дата обращения: 28.02.2025).
20. Повстанческое движение «Сендеро Луминосо» в Перу // Конфликтолог: [Электронный ресурс]. – URL: Conflictologist.Org (дата обращения: 03.03.2025).
21. Селезнев А.А. Колумбия: леворадикальная вооруженная оппозиция как субъект внутригосударственного конфликта: автореф. дис. ... к.полит.н. М., 2006. 25 с.
22. Сендеро Луминосо (Partido Comunista del Perú – Sendero Luminoso). // Blogpost: [сайт]. 2013. 31 авг. – URL: Blogspot.Com (дата обращения: 03.03.2025).
23. Сендеро Луминосо: «Сияющий Путь, Залитый Кровью» // Hasta Pronto: [Электронный ресурс]. 2016. 9 ноября. – URL: Hasta-Pronto.Ru (дата обращения: 03.03.2025).
24. Чумакова М.Л. Колумбийская драма: разлом общества, эскалация террора, поиски мира. М., 2002.

Губайдуллин Ремир Радикович, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; remirg@inbox.ru

Revolutionary movements in Latin America (using the Example of the FARC and Sendero Luminoso)

This article examines the conflicts between local cultures and imperial structures in Latin America through the lens of two revolutionary movements: the Revolutionary Armed Forces of Colombia (FARC) and Sendero Luminoso. The aim of the study is to

identify the similarities and differences in the ideologies, methods, and consequences of these groups' activities. The article explores the historical contexts in which FARC and Sendero Luminoso emerged, as well as their impact on local communities and cultural identities. The findings indicate that, despite similarities in their pursuit of a socialist system and the use of violent methods, the approaches of these organizations to issues of culture and identity differ significantly. The article emphasizes the importance of considering local traditions and identities in the context of globalization and contemporary revolutionary movements.

Keywords: FARC, Sendero Luminoso, Latin America, imperial structures, cultural identity, revolutionary movements, radicalism

Gubaidullin Remir Radikovich, graduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; remirg@inbox.ru

УДК 327.3

Оксимов К.Е.

Европейская идентичность как разновидность имперской идентичности

В статье анализируются Европейский союз и европейская идентичность с позиции рассмотрения их как империи и имперской идентичности соответственно; актуализируется анализ политики Европейского союза как имперской политики;дается общий прогноз для европейской идентичности как разновидности имперской идентичности.

Ключевые слова: международные отношения, европейский союз, европейская идентичность, идентичность, империи

Эпоха империй прошла, однако в современных международных отношениях некоторые акторы все еще обладают явными имперскими чертами и имперской идентичностью. Анализируя империи, нельзя ассоциировать их лишь с угнетением и эксплуатацией. Так или иначе, все империи выдвигали некую идеологическую базу для легитимизации своей политики, и опыт Европейского союза показывает, что имперскую политику можно вести и руководствуясь имиджем, построенным на либеральных ценностях и мягкой силе, выраженной в создании образа империи как символа экономического изобилия и мира.

Ян Зеленка, профессор Оксфордского университета, считает, что в текущей системе международных отношений в мире существуют четыре империи: Европейский союз, Китай, Россия и США [1, р. 281-301]. Термин «империя» имеет негативную историческую коннотацию, в связи с чем в академическом сообществе не сложилось однозначного мнения о том, насколько приемлемо его применение по отношению к современным международным акторам.

Сами империи, как правило, не видят себя таковыми. Как следствие, все современные империи можно охарактеризовать как «империи в отрицании».

Исходя из предложенных Яном Зеленкой критерии империй, можно проанализировать общие черты и особенности имперской модели Брюсселя, рассмотреть имперские перспективы ЕС и Европейскую идентичность как разновидность имперской идентичности. По мнению Яна Зеленки, империи – это особые по природе акторы. Это обширные территориальные единицы, в разной степени вовлеченные в глобальную политику, обладающие широким военным, экономическим, дипломатическим и идеологическим влиянием. Среди основных критерии империй Я. Зеленка называет следующие: 1) отсутствие четких границ; 2) зависимость по линии центр – периферия; 3) наличие цивилизаторской миссии; 4) отсутствие четких границ [2, р. 502-503].

Характер границ оказывает значимое влияние на имперскую политику, во многом формируя ее. Границы определяют территорию империи и отделяют метрополию от периферии. Они могут быть относительно стабильными и изменчивыми. В отличие от обычных государств, империи, как правило, не имеют фиксированных границ. Как следствие, в рамках империй нет четкой дифференциации между инсайдерами и аутсайдерами, а также между внутренней и внешней политикой.

При рассмотрении границ современных империй, помимо правовых аспектов, особенно важно понимать их многогранные исторические, культурные и идейные составляющие. Имперская политика предполагает установление контроля метрополии над периферией посредством ее присоединения/аннексии или различных форм военного, экономического, политического или культурного доминирования. Контроль может основываться на принуждении или побуждении, или сочетании того и другого. Он может осуществляться военными, экономическими и культурными средствами, быть формальным или неформальным.

Этот контроль, как правило, оправдывается имперской цивилизаторской миссией. Некоторым периферийным акторам представляются инвестиции, защита, доступ к ресурсам и процессу принятия решений в рамках метрополии. Тогда отношения между центром и периферией характеризуются взаимозависимостью и являются более гармоничными и менее конфликтными.

Империи должны обладать некой цивилизаторской миссией по отношению к внешней среде. Цивилизаторские миссии и нормативные системы империй играют большую роль в формировании внешней политики. Их суть и содержание зависят не столько

от материальных возможностей метрополии и ее рациональных расчетов, сколько являются следствием исторических, культурных, идеологических и моральных факторов. Миссии демонстрируют самовосприятие империй, видение ими себя и окружающего мира. Они определяют цели и приоритеты имперской политики, среди которых, к примеру, наиболее часто может упоминаться необходимость обеспечения мира и стабильности, борьбы с терроризмом, распространения просвещения и так далее. большинства империй, по мнению Я. Зеленки, следует признать борьбу с «варварством» на своем заднем дворе, обращение «варваров» в «добропорядочных» граждан, а также «цивилизацию» и «институционализацию» своей периферии. Миссии выполняют важную мотивационную, легитимизирующую и интегрирующую функции. Они оправдывают цели и методы имперской политики и даже жертвы, принесенные ради достижения имперских целей, придают политике моральную значимость, какой бы жестокой она ни была, генерируют имперскую гордость и славу [там же].

Цивилизаторские миссии направлены на упрочение связей между различными частями империи, культивирование лояльности и преданности периферии по отношению к центру, предотвращение периферийных бунтов. В рамках цивилизаторской миссии метрополия должна предложить периферии обоснованную версию интеграции или ассимиляции в духе свободы и взаимного процветания. При этом, несмотря на общие качества, империи все же не являются идентичными. Исторический опыт во многом определяет их индивидуальный характер. Империи относятся к различным типам государств (и не только государств), имеют разные формы правления и государственного устройства в своих метрополиях и на периферии, опираются на различные формы силы [3, р. 316].

Территория и границы Евросоюза размыты и неопределенны, также как и их представления об инсайдерах и аутсайдерах. Границы ЕС не лимитированы и меняются в результате постоянных расширений посредством вступления в Союз новых государств-членов. Став эффективной и привлекательной моделью, Евросоюз притягивает другие страны, которые в обмен на членство в нем готовы принимать общие для Союза ценности и принципы. Таким образом, территориальные приобретения осуществляются Брюсселем без завоеваний и аннексий. При отсутствии каких-либо притязаний ЕС присоединяет все новые страны через приглашение вступить. Каждое расширение приводит к тому, что у ЕС появляются новые соседи, которые, в свою очередь, могут стремиться к получению статуса кандидатов. Расширение рассматривается в качестве значимого элемента развития Европы как империи.

Более того, процесс расширения сопровождается постоянным обновлением интеграционных процессов в Европе. Отсутствие четкой дифференциации между инсайдерами и аутсайдерами демонстрирует европейская концепция доместикации международных отношений [4, р. 471-484].

Под доместикацией следует иметь придерживание одних и тех же принципов во внутренней и внешней политике: «отношение к загранице, как к дому». Франсуа Дюшен, французский политический деятель и мыслитель, отмечал, что смысл существования ЕЭС состоит в доместикации отношений между государствами. С его точки зрения, доместикация означает привнесение в международные отношения сознания общей ответственности, усиление договорных основ политики, разрешение внешних, некогда «чужих» вопросов, как своих собственных, внутренних проблем [5, р. 1-21].

Несовпадение географических, административных, правовых, экономических и культурных границ также можно считать одной из особенностей Европы как Империи. Границы ЕС, валютного союза и Шенгенской зоны не идентичны: членство в Евросоюзе не обязательно влечет за собой участие в Шенгенском соглашении или в зоне евро. Культурные границы Европы, безусловно, выходят за пределы Европейского союза.

Обычно довольно сложно определить, какие территории относятся к периферии той или иной империи. С некоторой вольностью, внутренней периферии ЕС можно отнести страны Восточной Европы, особенно поздно вступившие в союз. В результате каждого расширения присоединившиеся страны из внешней периферии переходили в разряд внутренней окраины ЕС.

Евросоюз, «импортирует» разнообразие и затем направляет немало усилий на осуществление правовой и экономической конвергенции, формирование общей культурной идентичности и реформирование институтов для поддержания эффективности ЕС. К внешней периферии принадлежат как страны-кандидаты к вступлению в Союз (Албания, Исландия, Македония, Сербия, Турция и Черногория, а также Босния и Герцеговина и Косово, которые входят в официальную программу расширения), так и те, которые на данный момент не имеют такой перспективы. В целом имперская политика ЕС наиболее очевидна в отношении Восточной Европы, Балкан и Северной Африки. Проецируя свое влияние на данные регионы, Евросоюз видит свою роль в реализации экономического, правового и институционального сближения периферии с имперским центром. Отношения по линии центр – периферия в рамках ЕС характеризуются одновременно и асимметрией, и взаимозависимостью. Брюссель устанавливает экономический,

политический и идеологический контроль над периферийными акторами, тем самым существенно ограничивая их суверенитет. При этом европейская модель отношений центра и периферии все же предполагает существование разделенного суверенитета: по мере принятия стандартов ЕС периферия получает доступ к ресурсам метрополии и процессу принятия решений. Евросоюз выступает для периферийных акторов в роли донора, оказывает им помошь в создании институтов и разработке правовых норм и, в конечном итоге, страны периферии, ставшие членами ЕС, получают почти такие же права, что и его «старые» участники [6].

Статус периферии ЕС могут приобретать и географически отдаленные от Евросоюза страны, так как помимо активной региональной политики в отношении соседей у Брюсселя имеется глобальная имперская повестка дня. ЕС имеет возможности оказывать влияние на третьи страны в различных уголках мира, формировать их политику и ограничивать их суверенитет

Имперские миссии имеют целью представить ЕС особыми, уникальными акторами, играющими позитивную роль на своей периферии и в мире в целом. Брюссель имеет четкие представления о своей цивилизаторской миссии с выраженным акцентом на моральном абсолютизме. Миссия ЕС состоит в формировании представлений о норме, экспорте европейских норм и системы управления в различные части мира, в приближении третьих стран к европейским правовым, экономическим и торговым стандартам. В ее основе лежит идея универсальности европейских ценностей [7].

Договоры ЕС определяют девять фундаментальных внутренних ценностей Союза, ставших одновременно и его внешнеполитическими принципами, – это устойчивый мир, свобода, демократия, права человека, правопорядок, равенство, солидарность, устойчивое развитие и эффективное управление. Данные нормы стали неотъемлемой составляющей европейской идентичности, а их распространение в мире рассматривается Евросоюзом в качестве одного из ключевых направлений внешней политики. Внешнеполитическая миссия ЕС нацелена на расширение зоны общечеловеческих ценностей через осуществление идейной трансформации третьих стран по примеру ЕС. Она направлена на создание таких обществ, которые признают европейские нормы и живут в согласии с ними. Лидеры ЕС надеются на то, что нормы и модель, экспортируемые Брюсселем, будут способствовать укреплению стабильности и верховенству права на периферии Евросоюза. Другими словами, стремление «воспроизвести себя», сформировать окружающий мир по своему подобию можно считать главной

внешнеполитической целью Евросоюза. Тем самым ЕС «цивилизует» и «организовывает» свою периферию.

Выступая в таком качестве, Брюссель видит себя просветителем, защитником прав и свобод и стабилизатором политической и экономической ситуации в мире. Зачастую европейская внешняя политика рассматривается в альтруистическом ключе, как политика, которая определяется чувством долга и ответственности и развивается под влиянием благородных целей достижения благополучия для других. Официальные лица ЕС, а также представители стран-членов активно пропагандируют имидж Европейского союза в качестве «силы во благо» в международных отношениях. При этом многие эксперты, включая И. Маннерса, критикуют определение ЕС как «цивилизаторской силы» за ярко выраженный европоцентризм. В любом случае экспорт норм стал одним из главных критерии, позволяющих говорить о Европейском союзе как об империи. ЕС легитимизирует свою политику через демонстрацию универсальности своих ценностей, эффективности своей модели и через собственную привлекательность [8].

Для распространения своих ценностей, установления контроля над периферией и осуществления идейной трансформации нестабильной внешней среды Брюссель применяет разнообразные механизмы и инструменты, преимущественно невоенные, гражданские, экономические, политические, правовые и бюрократические. Внешнеполитический метод «сила примера» означает, что единая Европа играет значимую роль в мире в качестве примера и образца для подражания.

Под этим методом подразумевается непреднамеренная, спонтанная передача идей ЕС, вызванная лишь фактом существования Союза и желанием других акторов копировать европейскую модель. Европейская стратегия распространения ценностей во многом связана с умением формировать дискурсы. ЕС с успехом формирует международный дискурс в отношении прав человека, эффективного управления, устойчивого развития и прочих универсальных ценностей.

Продвижение норм осуществляется через институционализацию взаимоотношений ЕС с третьими странами, например через политику расширения и соседства. Продвижение норм может также являться следствием физического присутствия ЕС, его институтов или государств-членов в третьих странах или международных организациях. Представляя собой внушительную экономическую силу, способную формировать глобальную торговую политику и финансы, ЕС эффективно использует экономические рычаги для достижения своих целей. Распространение европейских норм

происходит вследствие развития торговли, обмена товарами, в ходе оказания Евросоюзом различных видов помощи, через материальные и финансовые средства (механизм «передачи»). Механизмы ЕС обладают большим трансформационным потенциалом и способны достаточно эффективно менять поведение и практики третьих стран.

Чтобы заставить третьи страны жить в соответствии с европейскими нормами, ЕС побуждает или принуждает их к исполнению через различные механизмы поощрения и наказания. Главным образом стратегия ЕС состоит не в том, чтобы сдерживать беспокойных соседей или отгораживаться от них, а в том, чтобы сблизиться с ними, создать общую зону процветания, установить дружественные и долгосрочные правовые, экономические и дипломатические отношения. ЕС имеет в своем арсенале и военные инструменты. Военные инструменты были, в частности, применены в Косово. ЕС, однако, испытывает недостаток эффективных средств принуждения и не обладает ресурсами для проецирования своей мощи за рубежом в стратегической манере. Сложный межправительственный переговорный процесс ЕС лишает его возможности предпринимать быстрые, необдуманные и односторонние шаги на международной арене, особенно по вопросам вооруженного вторжения в другие страны. Одновременно политическая система ЕС способствует сотрудничеству и мирному разрешению конфликтов. Более того, преодоление силовой политики стало важной внешнеполитической миссией ЕС [9].

Для успешной реализации своей политики Брюсселю необходимы определенные условия: 1) привлекательность европейской модели в глазах третьих стран – реципиентов; 2) заинтересованность реципиентов норм в развитии привилегированных отношений с ЕС; 3) наличие асимметрии во взаимоотношениях ЕС и реципиентов; 4) наличие возможности у ЕС предложить членство в Союзе. Трансформация третьих стран происходит тогда, когда ЕС обладает высокой степенью привлекательности и авторитетности, а реципиент открыт по отношению к новым идеям, готов встать на путь реформ и следовать за дистрибутором норм.

При таком сценарии европейские ценности в идеале должны восприниматься реципиентами как возможность изменить свою идентичность к лучшему. Одновременно Европейский союз должен обладать существенными ресурсами для реализации принуждения. Сила и влияние ЕС должны неизмеримо превышать силы и ресурсы реципиентов. Вышеперечисленные условия имелись в странах Центральной и Восточной Европы, где имперская политика ЕС стала наиболее успешной.

После масштабного расширения на Восточную Европу ЕС не смог также преуспеть в сфере своей новой внешней периферии. Отсутствие асимметрии, глубокие культурные или идеологические различия между ЕС и потенциальными реципиентами лишают Брюссель эффективных рычагов влияния. В такой ситуации инструменты внешней политики и имперская политика ЕС может терпеть неудачу. Проблематично идет процесс трансформации тех стран, которые не заинтересованы в членстве в ЕС или на данный момент не имеют такой перспективы. Имперская политика Евросоюза малоэффективна в отношении стратегически значимых стран. ЕС не имеет в своем распоряжении действенных механизмов ограничения их суверенитета и не может навязывать им свои нормы.

Во многих сферах ЕС конкурирует с Соединенными Штатами, но не вступает в прямую конфронтацию. Выдвигать свои условия ЕС может относительно слабым и небольшим государствам. В итоге можно говорить о лимитах имперской политики Брюсселя. Европейские ценности распространяются в мире неравномерно. Европейский союз не стал столь же успешен за пределами Европы. Сложно ожидать расширения европейской континентальной империи на глобальном уровне в ближайшее время. Брюсселю еще предстоит совершенствовать методы своей имперской политики. Задача Европы сегодня состоит в том, чтобы выработать эффективную стратегию распространения норм в неевропейском мире, не разделяющем ценности ЕС. Инструменты и механизмы Евросоюза в регионах, культурно отличающихся от Европы, должны быть скорректированы и усовершенствованы.

Библиография

1. Zielonka J. The EU as International Actor: Unique or Ordinary? // European Foreign Affairs Review. 2011. Vol. 16:3. P. 281-301.
2. Zielonka J. Empires and the Modern International System // Geopolitics. 2012. Vol. 17:3. P. 502-503.
3. Bretherton C., Vogler J. The European Union as a Global Actor. London, 1999. 316 p.
4. Zielonka J. Europe as a global actor: Empire by Example? // International Affairs. 2008. Vol. 84:3. 471 p.
5. Duchene F. The European Community and the uncertainties of interdependence // Kohnstamm M., Hager W. (eds.). A Nation writ Large? Foreign policy problems before the European Community. London, 1973. P. 1-21.
6. Royuela V., Lopez-Bazo E. Understanding the process of creation of European identity – the role of Cohesion Policy // Investigations Regionals – Journal of Regional Research. №46. 2020/1. P. 51-70.
7. Declaration on European Identity. Copenhagen, 14 December 1973. – URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-fo3a8db7da32/publishable_en.pdf (дата обращения: 07.03.2025).
8. Bergbauer S. Explaining European Identity Formation. Springer, 2018.

9. Jørgensen K.E., Laatikainen K.V. The EU and the UN: Multilateralism in a New Key? – URL: <https://pure.au.dk/portal/en/publications/the-eu-the-un-multilateralism-in-a-new-key> (дата обращения: 01.03.2025).

Оксимов Кирилл Евгеньевич, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; Oximov@gmail.com

European identity as a type of imperial identity

This article analyzes the European Union and European identity from the perspective of considering them as an empire and imperial identity respectively; provides the analysis of the European Union policy as an imperial policy; and provides a general forecast for European identity as a type of imperial identity.

Keywords: international relations, European Union, European identity, identity, empires

Oximov Kirill Evgen'evich, graduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; Oximov@gmail.com

УДК 930.1

Кулаков А.А.

Таможенная война как инструмент трансформации мир-экономики в мир-империю

Статья посвящена роли таможенной войны в преобразовании мир-экономики в мир-империю. Указанная тема представляет особую актуальность в свете применения экономических санкций ведущими мировыми державами в последние десятилетия. Проблема влияния таможенных войн на формирование сильных централизованных государств остается малоизученной. На основе трудов И. Валлерстайна определены понятия и признаки особых исторических систем – мир-экономики и мир-империи. Применяя мир-системный анализ к характеристике таможенных войн, происходивших в XIX – XX вв., и на основе выделенных признаков автор приходит к выводу о том, что соответствующие конфликты могут приводить к качественному изменению исторической системы. К числу таких признаков относятся переход от автономной таможенной политики к конвенционному регулированию экспортно-импортных операций, перераспределение ресурсов, выравнивание товарообмена между «ядром» и «периферией», объединение соседних территорий в единое политическое образование с высокой экономической централизации и формирование иерархической структуры нового миропорядка.

Ключевые слова: таможенная война, мир-системный анализ, мир-система, мир-экономика, мир-империя, таможенный тариф, нетарифные ограничения, таможенная автономия

Тема таможенной войны в современном мире приобрела особую актуальность. В последние годы так называемые «ведущие мировые державы» снова вернулись к практике обеспечения собственных политических и (или) торговых интересов посредством

применения экономических санкций: введения заградительных пошлин, установления запрета на поставки товаров в отдельные страны, злоупотребления ветеринарно-санитарными мерами, установления квот и т.д. Таможенная война представляет собой не что иное, как дискриминационное применение тарифных или нетарифных ограничений к товарам конкретных государств, их объединений или даже отдельных территорий, не имеющих государственного суверенитета, но правомочных самостоятельно определять свою таможенную политику, с целью получения торговых и (или) политических уступок.

При этом несмотря на то, что с каждым годом растет количество исследований о различных последствиях таможенных войн для противоборствующих стран, их влияние на формирование сильных централизованных государств за счет перехода от мир-экономики к мир-империи, остается недостаточно изученным.

Понятия «мир-экономики» и «мир-империи» были разработаны в рамках мир-системного подхода, получившего наибольшую известность благодаря работам И. Валлерстайна. Одной из главных идей мир-системного подхода является необходимость отказа от изоляционизма при изучении истории: исследовать надлежит не процесс развития отдельно взятых национальных государств, а исторические системы в целом. Постижение истории через призму эволюции национальных государств приводит к параллельному исследованию идентичных процессов, тогда как закономерности и общие черты, свойственные системе в целом, остаются вне поля зрения историков, что, в свою очередь, исключает правильную интерпретацию причинно-следственных связей и результатов развития общества.

Согласно И. Валлерстайну, существует всего два типа исторических систем: минисистемы и мир-системы (последние, в свою очередь, подразделяются на мир-экономики и мир-империи). Минисистемы были характерны для первобытных обществ: они существовали на небольшой территории и непродолжительное время, для них свойственны примитивные однородные управленческие структуры и неразвитые культуры. Хозяйственную основу таких систем составляет бартерный обмен. По мнению И. Валлерстайна, минисистемы по состоянию на конец XX в. являются пережитком прошлого и в современном мире уже не встречаются [5, с. 24].

Мир-экономика объединяет системы обществ, имеющие друг с другом тесные экономические связи. При этом они не представляют собой единое политическое образование. Каждая мир-система состоит из ядра, полуперефирии и перефирии. И. Валлерстайн придерживался позиции, что современный ему мир представляет

собой одну мир-систему – капиталистическую. Она не является конечной и по собственным оценкам автора прекратит свое существование в середине XXI в. В настоящее время капитализм находится в глубоком системном кризисе, обусловленном внутренними противоречиями мир-экономики (фактор хаоса) на фоне geopolитической нестабильности.

К числу капиталистических отнесены помимо буржуазных социалистические и развивающиеся общества. Полемизируя с марксистами, И. Валлерстайн подчеркивал, что выделенные ими признаки неправильно отражают сущность капитализма. В основе капитализма лежит не отличный способ производства, а принципиально иная система разделения труда [7, с. 84].

Мир-империи – вторая форма мир-системы, имеющая единое политическое управление. Они образуются посредством трансформации мир-экономики, через объединение ядра и периферии. Для них характерны культурное многообразие и экономическая централизация. При этом концепция данного типа системы в представлениях И. Валлерстайна достаточно непоследовательна и логически противоречива. Например, рассуждая о путях эволюции мир-экономик, американский социолог задается вопросом, «почему никому так и не удалось превратить мир-экономику в мир-империю, хотя достичь гегемонии удавалось?» [7, с. 145]. Отвечая на самому себе заданный вопрос, автор обосновывает невозможность такого перехода тем, что «в условиях мир-империи капитализм бы задохнулся, потому что там политическая структура имеет возможность расставлять приоритеты по-своему, и бесконечное накопление капитала пришлось бы отодвинуть на задний план, что постоянно и происходило во всех мир-империях, существовавших до появления современной мир-системы» [7, с. 84]. Происходило, значит, подобные системы все-таки существовали, а мир-экономика почему-то отождествляется автором исключительно с капитализмом. В другом месте И. Валлерстайн снова отмечает, что, хотя за последние 500 лет и было предпринято несколько серьезных попыток создать мир-империю (Карлом Великим, Наполеоном и Гитлером), все они не увенчались успехом [7, с. 84].

Между тем, историческим примером такой мир-империи на докапиталистическом этапе развития общества могли бы служить империя Александра Македонского или Римская империя, также, согласно мир-системному подходу, являвшиеся мир-экономиками до своей трансформации. На современном этапе развития можно увидеть признаки мир-империи на примере Европейского союза, представляющего собой единое политическое пространство, своего

рода конфедеративное образование, созданное на базе общих экономических связей и культурных ценностей.

Критическую оценку этому положению мир-системного анализа давали и некоторые отечественные исследователи работ И. Валлерстайна. Например, А.И. Фурсов во введении к одному из русскоязычных изданий работ американского социолога указал следующее: «Противопоставление мир-империй и мир-экономик в докапиталистическую эпоху представляется мне довольно уязвимым местом в схеме Валлерстайна. На мой взгляд, это разделение недостаточно продумано: неясно, чем отличается система торговли мир-империй между собой от мир-экономики? Карфаген – мир-империя или мир-экономика? А Древний Рим? «Индоокеанская мир-экономика» – это мир-экономика или зона торговли азиатских мир-империй? Как отличить мир-экономику от системы устойчивых торговых контактов между мир-империями? Я уже не говорю о том, что крушение римской «мир-империи» стало и крушением экономики этого макрорегиона» [6, с. 23].

И. Валлерстайн отмечал, что в основе мир-системного анализа лежат три формы экономической организации: взаимность (по принципу «ты – мне, я – тебе»), перераспределение (когда поступившие снизу товары политическая верхушка частично отдает назад) и рынок (когда обмен осуществляется на общественных площадках кредитно-денежных отношений). Каждая из этих форм дала начало своему типу мир-системы: взаимность – минисистеме; перераспределение – мир-империи; рынок – мир-экономике.

В работах И. Валлерстайна мы, само собой, не обнаружим упоминания о таможенных войнах и их роли в трансформации мир-системы одного типа в другую, но отдельные мысли, сформулированные им в своих работах, позволяют сделать некоторые выводы. Например, характеризуя капиталистическую мир-экономику, И. Валлерстайн отмечал, что «современная мир-система создала радикально иную правовую и моральную структуру, в которой суверенные государства, действующие на межгосударственной системе и ограниченные ею, претендуют на исключительную юрисдикцию над всеми лицами, обитающими на их территории», причем «эти территории... связаны географически, то есть... пограничным и таможенным режимом» [5, с. 194].

Точность авторских наблюдений находит подтверждение в событиях конца XIX в. – начала XX в., когда таможенные войны стали своего рода реакцией на стремление отдельных стран проводить независимую таможенную политику, не учитывающую интересы соседей. Сознательно провоцируя конфликт, более сильные государства стремились заставить противника заключить конвен-

ционный (договорный) таможенный тариф, фиксирующий ставки пошлин на определенном уровне, изменить которые в одностороннем порядке становилось невозможным. Такой, в частности, была таможенная война между Россией и Германией (1892–1914 гг.) [8, с. 54–64], спровоцированная рейхом с целью ограничить автономную тарифную политику царского правительства.

Заключение многочисленных торговых договоров, устанавливающих режим наиболее благоприятствующей державы, и, как следствие, распространение преференций, дарованных одному государству, на всех торговых партнеров страны – участницы соглашения создавало принципиально новую архитектуру международных экономических отношений. В этой связи таможенная война являлась одним из первых проявлений глобализации, свидетельством трансформации мировой экономической системы, обусловленной переходом от таможенной автономии к конвенциальному регулированию экспортно-импортных операций – отказом от ключевого признака капиталистической мир-системы, по И. Валлерстайну.

Таможенная война также способствует сглаживанию различий в отношении «ядро-периферия». Это отношение определяет неравный обмен между элементами системы и степень прибыльности производственных процессов. Для «ядра» характерны квазимонополии, в «периферии» реализуются конкурентные процессы. При осуществлении обмена цена конкурентных товаров оказывается ниже произведенных квазимонополями, из-за этого наблюдается приток денежных средств от «периферии» к «ядру».

В ходе таможенной войны ограничительные меры затрагивают обычно ту продукцию, в отношении которой противник обладает абсолютным преимуществом; иными словами, составляющей основную статью его экспорта, производство которой в силу конкурентных преимуществ государства (союза, территории) является избыточным. Для этого типа конфликтов всегда характерно участие стран с разным преобладающим видом деятельности: аграрного и промышленно развитого государства. Причем это соотношение может изменяться в зависимости от уровня технологического развития противника: например, Австро-Венгрия в «свиной войне» с Сербией (1906–1911 гг.) [11, с. 232] выступала в качестве индустриальной державы, в серии таможенных конфликтов с Германской империей (1890–1891 [12, л. 28], 1903 [1, р. 5] гг.) – в качестве сельскохозяйственной. Эта особенность тоже была подмечена И. Валлерстайном. «Сильные государства, – пишет он, – оказывают давление на слабых и не позволяют им закрывать границы на пути продвижения факторов производства, выгодных фирмам

сильных государств. Отношения строятся таким образом, что слабые государства не могут рассчитывать на взаимность в ответ. Так, в ходе дебатов по вопросам мировой торговли Соединенные Штаты и Европейский союз постоянно требуют от остальных государств открыть свои границы их товарам и услугам. Но сами они вовсе не собираются распахивать свои границы навстречу сельхозпродукции и текстилю из стран периферии, которые составят серьезную конкуренцию их собственной продукции» [2, с. 141].

За счет ограничения поставок отсутствующего вида товаров таможенная война оказывает стимулирующее воздействие на развитие собственного производства, ведет к перераспределению ресурсов и тем самым способствует выравниванию товарообмена между «ядром» и «периферией».

Наконец, нередко таможенные войны усиливают интеграцию соседствующих государств и территорий в единое политическое пространство, способствуя образованию империй. Так было с Германией, объединившейся в единое государство в результате череды подобных конфликтов в первой половине XIX в. Пруссия использовала повышение таможенных тарифов с целью расширить границы формируемого ею таможенного союза [9, с. 29]. Немецкий историк Г. фон Трейчке считает, что к образованию будущей Германской империи привела борьба трех экономический объединений на территории в 1828–1834 гг.: Прусского-Гессенского таможенного союза, Южногерманского таможенного союза и Среднегерманского торгового союза [4, с. 603–681]. Затем Берлин, сформировавший национальное государства из немецких земель, прибегал к таможенным войнам сначала с целью сформировать экономическую основу Тройственного союза [3, с. 188; 10, с. 264], а впоследствии «Срединной Европы» [2].

Таким образом, таможенные войны могут выступать инструментом трансформации мир-экономики в мир-империю, поскольку: 1) предполагают переход от таможенной автономии к конвенционному регулированию экспортно-импортных операций; 2) влекут перераспределение ресурсов и выравнивание товарообмена между «ядром» и «периферией»; 3) способствуют объединению территорий в единое политическое образование с высокой степенью экономической централизации; 4) создают условия для формирования закрытых экономических блоков, контролируемых крупными державами, стремящимися доминировать над ресурсами и рынками. В результате возникает иерархическая структура мирового порядка, где сильные государства устанавливают правила игры, ограничивая суверенитет слабых стран.

Библиография

1. Hong Kong Daily Press. 26.02.1903. № 14, 018.
2. Kiesewetter H. Der Mitteleuropäische Wirtschaftsverein. Eine Schweizer Initiative im frühen 20. Jahrhundert // Themenportal Europäische Geschichte, 2008. – URL: www.europa.clio-online.de/essay/id/fdae-1335 (дата обращения: 10.03.2025).
3. Tischert G. Fünf Jahre deutscher Handelspolitik: 1890–1894. Leipzig, 1898. 371 S.
4. Treitschke H. v. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Leipzig, 1896. 816 S.
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. 461 с.
6. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М., 2008. 176 с.
7. Валлерстайн И. Мироисистемный анализ: введение. М., 2006. 246 с.
8. Кулаков А.А. Таможенная война России и Германии на рубеже XIX – XX вв.: проблема периодизации // Исторический журнал: научные исследования, 2023. № 4. С. 54-64.
9. Кулаков А.А. Проблемы обеспечения международной экономической безопасности в условиях таможенной войны // Сборник материалов научного студенческого кружка при кафедре административного и таможенного права. Вып. 1 / под общ. ред. ст. преподавателя Е.С. Недосековой. М., 2011. С. 27-33.
10. Кулишер И.М. Основные вопросы международной торговой политики. 4-е изд. Челябинск, 2002. 479 с.
11. Ленин В.И. Соч.: В 45 т. Изд. 4-е. Т. 22. М., 1948. 376 с.
12. РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 48.

Кулаков Алексей Александрович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», руководитель центра, г. Москва, Россия; Alexey_kulakov@inbox.ru

Tariff war as a tool for transforming world-economy into world-empire

The article is devoted to the role of tariff war in the transformation of the world-economy into a world-empire. This topic is of particular relevance in light of the use of economic sanctions by leading world powers in recent decades. The problem of the influence of tariff wars on the formation of strong centralized states remains poorly studied. Based on the works of I. Wallerstein, the concepts and features of special historical systems – world-economy and world-empire – are defined. Applying world-system analysis to the characteristics of tariff wars that took place in the 19th–20th centuries and based on the identified features, the author makes to the conclusion that the corresponding conflicts can lead to a qualitative change in the historical system. These signs include the transition from an autonomous customs policy to conventional regulation of export-import operations, the redistribution of resources, the equalization of commodity exchange between the «core» and the «periphery», the unification of neighboring territories into a single political entity with high economic centralization and the formation of a hierarchical structure of the new world order.

Keywords: tariff war, world-system analysis, world-system, world-economy, world-empire, customs tariff, non-tariff restrictions, customs autonomy

Kulakov Aleksej Aleksandrovich, National Research University «Higher School of Economics», Head of the Center, Moscow, Russia; Alexey_kulakov@inbox.ru

Мухъялдин Мухаммед Ахмед Аль-Халеди

Йеменский кризис: между внутренней напряженностью и внешним вмешательством

С самого начала своего существования Йемен находится в состоянии политической нестабильности, обусловленной рядом взаимосвязанных факторов, как внутренних, так и внешних, которые способствуют сохранению конфликта, непрекращающемуся насилию и боевым действиям. Кризис не остался в рамках внутренних отношений между местными сторонами, а стал театром конфликта между региональными державами, поэтому целью данной статьи является мониторинг и анализ политики региональных стран, прямо или косвенно участвующих в этом конфликте, и ее влияния на безопасность и стабильность в Йемене. Региональные страны стремятся достичь своих интересов и целей в соответствии с собственными проектами и пытаются заполнить политический вакуум, оставшийся после революций «арабской весны».

Ключевые слова: Йемен, кризис, местные акторы, региональные государства

В Йемене, как и в других арабских странах, в феврале 2011 г. произошли политические события, известные как революции «арабской весны», в результате которых между политическими силами возникли разногласия по поводу распределения власти и влияния. Политическим и общественным силам не удалось выработать всеобъемлющее видение будущего правления в Йеменской Республике, которое было воплощено на Конференции по национальному диалогу, проходившей под эгидой Организации Объединенных Наций.

В соответствии с вышесказанным можно утверждать, что каждая из сторон, борющихся за власть и влияние внутри Йемена, стремилась к союзу с региональными державами, чтобы добиться контроля над другими сторонами, пусть даже силой оружия. Однако у региональных держав есть свои собственные цели и интересы, которых они стремятся достичь путем прямого и косвенного вмешательства в йеменские дела, пытаясь заполнить политический вакуум в Йеменской Республике.

В соответствии с вышесказанным, в данной статье мы рассмотрим вопрос о том, как региональные державы использовали местных йеменских акторов в своей борьбе за расширение влияния и контроля над арабским регионом, а также мотивы вмешательства региональных государств в дела Йеменской Республики.

1. *Внутренние причины и действующие стороны йеменского кризиса в 2011 году.* Во внутренней среде Йемена наблюдается состояние действия и реакции между группой местных акторов, ко-

торые представляют собой стороны конфликта в Йемене, поскольку они играют важную роль в усугублении и осложнении кризиса, а некоторые из них косвенно работают над реализацией программ региональных стран и считаются их внутренними доверенными лицами. В этом контексте мы можем разделить этих акторов по их характеру на формальных и неформальных следующим образом.

1.1. Официальные актеры

В условиях продолжающегося военно-политического противостояния в Йемене важно определить официальных акторов, в частности, основные политические партии, которые находятся на переднем крае политической сцены в Йемене.

Йеменская конгрегация за реформы

Йеменская конгрегация за реформы – крупнейшая оппозиционная партия Йемена, сыгравшая важную роль в управлении процессом участия йеменского движения в народном восстании 11 февраля 2011 года. Молодежь «Аль-Ислах» стала костяком, сформировавшим основную структуру и ценностную базу для молодежи площадей в различных провинциях республики, но при этом она сохранила приверженность остальным оппозиционным политическим силам и партиям в процессе призыва к политическим реформам. Она выразила свою позицию по отношению к движению не напрямую, а коллективно – через призыв Объединенного партийного собрания ко всем партийным и общественным компонентам выйти на улицы и поддержать протестующих, требующих ухода президента Али Абдаллы Салеха от власти.

Йеменские политические партии, включая «Ислах», не хотели объявлять о своем официальном участии в «Хираке» и по-прежнему пытались убедить правящий класс принять политические реформы, что возмущало революционную молодежь. Власти воспользовались этим и заставили большую часть общества поверить в то, что партии стоят во главе коррупции и являются ядром проблемы, поэтому их нельзя допускать к участию в «Хираке», чтобы не испортить его. Власти старались свести термин «партии» к йеменской Конгрегации за реформы, делая упор на то, чтобы называть ее «Братьями-мусульманами» и подстрекать против нее как международной террористической организации. Затем власти были обвинены в организации нападений в разных частях Йемена и использовали все инструменты войны, чтобы создать впечатление, что народное движение не является мирным, однако площади и скверы протестующих оставались мирными.

Каждый последователь йеменского народного молодежного движения знает, что партии и, в частности, партия «Ислах» оказали большое влияние на ход движения, учитывая его размеры

и широту базы в йеменском обществе через благотворительные ассоциации и штаб-квартиры в провинциях во имя призыва к Богу, а также его административные, технические и материальные возможности [1].

Партия Всеобщий народный конгресс (ВНК)

Партия Всеобщий народный конгресс (ВНК) была основана в Сане 24 августа 1982 г. бывшим президентом Али Абдаллой Салехом в качестве политической базы и национальной хартии, объединяющей различные политические партии и организации (националистические, левые, религиозные), и до 2011 г. была известна как правящая партия.

После протестов 2011 г. в Йемене в партии начались разногласия, и раскол между Салехом и Хади стал постепенно проявляться, особенно после того, как Салех отказался передать председательство в Конгрессе президенту Абд Раббу Мансуру Хади, в дополнение к союзу бывшего президента Али Абдаллы Салеха и его верного крыла в партии с движением Хути Ансар Аллах, что привело к вторжению ополчения Хути в столицу Сану и большинство провинций Йемена и перевороту против власти президента Мансура Хади [2].

1.2. Неформальные акторы

Местные неформальные акторы играют разные роли в Йемене благодаря власти, которую они приобрели в силу различных исторических, политических, религиозных и других соображений. Такое положение и влияние позволяет им конкурировать с государством и даже препятствовать ему, ослабляя его до такой степени, что возможность раскола государства стала весьма реальной.

Йеменские племена

Племена в Йемене являются ключевым элементом социальной структуры страны, и йеменские племена стали участвовать в протестах после объявления старших шейхов племен Хашид и Бакиль. Это был сильный удар по политической системе, который можно рассматривать как отказ от политической системы и президента Али Абдаллы Салеха. Такая позиция помогла увеличить темп протестов и открыть площади для сидячих забастовок, к которым присоединились йеменские племена во многих йеменских городах, таких как Сане, Амран и другие [3].

Мотивом участия племени в народных протестах в Йемене стало желание президента Али Абдаллы Салеха передать правление своему сыну и дать членам своей семьи высшие посты в государстве и армии, что вызвало волну чувствительности и семейной вражды в племени Хашид, особенно в семье Аль-Ахмар, в дополнение к унаследованному негативу в отношении племени как об-

разования, социальной структуры и отдельных людей. В то время как некоторые лидеры племен хашид и бакиль объявили о своей поддержке протестов в 2011 г., режим обратился к другой группе шейхов, чтобы привлечь их на свою сторону, создав тем самым раскол на племенном уровне. Режим стал сдерживающей силой после того, как большинство племен поддержали его, и вступил в вооруженный конфликт с племенами, которые объявили о своей поддержке протестов в столице Сане из-за домов, принадлежащих аль-Ахмари.

Так племя стало частью игры балансов на политической сцене, поскольку присоединение к политическим партиям придает ему больший вес и помогает изменить условия политической игры в свою пользу. После эскалации протестов лояльные режиму племена отступили, учитывая силу и численность племен хашид и бакил, что вынудило политический режим принять инициативу по передаче власти [4].

Движение Хути Ansar Allah

Движение Хути – это движение или идеологическая организация, возникшая как «верующая молодежь» в провинции Саада в 1990 году после достижения единства между двумя частями Йемена и открытия пространства для плюрализма. Первоначально оно заявило о себе как об образовательной и культурной структуре, поскольку его деятельность в то время ограничивалась образованием молодежи и ее квалификацией путем изучения некоторых шариатских наук с сопровождающей деятельностью и развивалась в соответствии с преимущественно доктринальным видением Зайди.

Движение имеет политическую идеологию, направленную на восстановление имамата, который является фундаментальным столпом религиозной веры всех шиитских сект. С момента своего основания движение находилось в состоянии конфликта с йеменским правительством, и этот конфликт не ограничивался идеями, принципами или политической оппозицией, но также включал военные столкновения [5].

Движение было преобразовано некоторыми факторами в вооруженную военную организацию, начиная с 2004 г., и провело шесть раундов войн с йеменской армией, зная, что стычки между двумя сторонами продолжались в течение перемирия, объявленного между каждой войной, несмотря на официальное заявление обеих сторон об их приверженности прекращению войны, отмечая, что инициатива прекращения войны обычно исходит от руководства йеменской армии, в частности от бывшего президента Йемена Али Абдаллы Салеха [6].

Хути стремились расширить свое влияние в Йемене после того, как режим передал им управление провинцией Саада и был занят противостоянием сидячим забастовкам и демонстрациям с требованием свержения режима. Хути уже удалось взять под контроль большинство районов Саад [7].

Трагические обстоятельства, сложившиеся в Йемене после отставки президента Али Абдаллы Салеха, способствовали превращению движения Хути в ведущую силу политического процесса в стране. Технократическое правительство при президенте Абд Раббу Мансуре Хади еще больше радикализировало риторику движения Хути и его агрессивное отношение к тем, кого оно считает своими противниками, что сделало йеменские стороны далекими от достижения какого-либо соглашения [8].

После февральских протестов 2011 года движение Хути добилось значительных военных успехов по сравнению с суннитскими исламистами и племенными оппонентами на севере страны, а также возник альянс между Хути и сторонниками Салеха, которые чувствовали себя маргиналами в ходе продолжающегося переходного процесса.

Группы Южного движения

Южное движение – крупнейшая сила на юге страны, состоящая из нескольких южных и сепаратистских движений, которые борются за восстановление южного государства и отсоединение от севера в рамках единства, установленного в 1990 г. Южное движение стремится использовать город Аден в качестве столицы Южного Йемена [9].

Эскалация протестов 2011 г. имела серьезные последствия для Южного движения. Стремление к смене режима распространилось по всему Йемену, но его способность объединить мобилизационные усилия остается непредсказуемой. Призыв к свержению президента Салеха нашел отклик в южных провинциях, где прошли многочисленные демонстрации. Акции солидарности с крупными юеменскими городами, подвергшимися кровавым репрессиям со стороны режима, создали связи между активистами на севере и юге, но некоторые протестующие Адени изменили символический лозунг арабских революций с «Народ хочет свергнуть режим» на «Народ хочет освободить юг». Военная экспансия ополчения Хути привела к освобождению юга.

Военная экспансия ополчения Хути, которое в 2015 г. вступило в союз с армейскими подразделениями, находившимися под контролем бывшего президента Али Абдаллы Салеха, в южных провинциях, еще больше разделила север и юг и привела к мобилизации южных войск для сопротивления вторжению северных сил [10].

Аль-Каида (организация, запрещенная на территории РФ)

После февральских протестов 2011 г. и роста политических беспорядков в Йемене экстремистские группировки, в первую очередь Аль-Каида и ИГИЛ на Аравийском полуострове, воспользовались политическим недовольством и народным гневом против власти и сумели взять под контроль некоторые территории в Йемене. Война режима против хути открыла экстремистским группировкам путь для деятельности, расширения и использования существующего вакуума путем предоставления услуг обездоленным йеменцам, чтобы завоевать их доверие и поддержку [11].

Сила «Аль-Каиды» достигла пика в 2015 г. после взятия под контроль Мукаллы, пятого по величине города Йемена, но в 2016 г. после атаки сил коалиции, возглавляемой Саудовской Аравией при поддержке США, они покинули его, сохранив плацдарм в Йемене и по сей день [12].

2. Роль региональных держав во вмешательстве в йеменский кризис

Конфликт региональных держав на Ближнем Востоке – это конфликт с историческими корнями и постоянством, поскольку каждая страна стремится достичь своих интересов и навязать свою волю другим странам Ближнего Востока, конкурирующим с ней, особенно после революций «арабской весны». Роль и влияние региональных сторон в Йемене варьируется в зависимости от поведения региональных акторов с точки зрения их роли и статуса в регионе, поэтому мы попытаемся в рамках данного направления рассмотреть роль региональных акторов в йеменском кризисе, а именно:

2.1. Роль Саудовской Аравии в йеменском кризисе

После того как в сентябре 2014 г. группировка «Ансар Аллах» (Хути) взяла под контроль Сану и разгромила правительственные войска, Саудовская Аравия заявила, что захват Саны шиитами является попыткой Ирана укрепить свое влияние на Ближнем Востоке, что представляет угрозу ее национальной безопасности. После принятия 14 апреля 2015 г. резолюции Совета Безопасности, косвенно санкционировавшей военную интервенцию в Йемен и получившей 14 голосов, за исключением России, которая воздержалась от голосования [13]. Саудовская Аравия создала под своим руководством альянс, состоящий из десяти стран: ОАЭ, Кувейта и Катара, Судана, Бахрейна, Иордании, Египта, Марокко, отметив, что последние три страны участвовали символически [14].

Саудовская Аравия воспользовалась существующими дисбалансами в Йемене, представленными дисбалансами в экономической и политической структуре, что привело к возникновению

множества хронических проблем, в первую очередь к снижению темпов экономического роста, снижению среднего дохода на душу населения [15], сбоям в политическом диалоге, накоплению внешнего долга, высоким темпам инфляции, нестабильности инвестиционного климата и распространению явления безработицы, не говоря уже о нежелании национальных сил вести диалог и взаимопонимание, что привело к превращение Йемена в несостоявшееся государство [16], а также после решения президента Хади перейти от Саны к Эр-Рияду. В Адене Саудовская Аравия объявила, что возглавит коалицию по изгнанию хуситов (Ансар Аллах) из Саны и возвращению Хади к власти с американского благословения [17].

В марте 2015 г. они вмешались в военную операцию под названием «Решительный штурм» и проинформировали американских чиновников, что война, направленная на изгнание хуситов, длилась не более года, а многие недели [18]. Но его ожидания не оправдались, поскольку заявленная цель Саудовской Аравии заключалась в том, чтобы остановить продвижение хуситов в направлении Адена, заставить их вернуться за стол переговоров, сохранить региональный баланс с Ираном и помешать последнему заключить соглашения о безопасности и стратегических договоренностях в регионе [19], и что среди факторов этого являются Соединенные Штаты, согласно сообщениям саудовских СМИ [20]. Кроме того, Йемен выходит к Баб-эль-Мандебскому проливу, через который проходят нефтяные танкеры, и Саудовская Аравия считает Йемен своим задним двором, где она играет важную роль в реализации своих интересов [21].

Идея состоит в том, чтобы построить нефтепровод через Йемен, который позволил бы ему достичь Аденского залива, не опираясь на Ормузский пролив, в котором доминирует Иран [22].

2.2. Историческая роль Ирана в йеменском кризисе

Иран не был значительным фактором в йеменских делах, поскольку долгое время сохранял дипломатическое присутствие в Сане. Однако во время шести войн в Сааде в период с 2004 по 2010 год бывший президент Али Абдалла Салех утверждал, что Иран поддерживает хути, но американские аналитики нашли мало доказательств в пользу его утверждений.

Хотя Иран не был участником переговоров, приведших к отставке Салеха, после его отстранения от власти Салех обратился к Ирану, просчитывая перспективы возвращения к власти, и иранцы, возможно, сыграли определенную роль в формировании партнерства между Хути и Салехом, которое привело к нынешней гражданской войне. Поддержка Ираном хути также становилась

все более прозрачной после успешной военной кампании хути и сторонников Салеха летом 2014 г., когда они взяли под контроль столицу Сану. Лидеры хути приехали в Тегеран и подписали соглашения об установлении регулярного авиасообщения между двумя столицами, а также договорились о расширении йеменско-иранского сотрудничества.

Иран продолжал оказывать хути политическую, военную, дипломатическую, медицинскую и финансовую поддержку. Учитывая цену действий Ирана, будь то деньги, оружие, рабочая сила или дипломатические отношения, полезно обсудить причины и мотивы, по которым Иран вообще мог вмешаться в дела Йемена:

Первый мотив: учитывая близость Йемена к Саудовской Аравии, а также историю вмешательства последней в дела Йемена, вполне логично, что Саудовская Аравия оказывает огромное влияние на Йемен. Частично это влияние носит военный характер, но частично – религиозный. Саудовская Аравия распространяет печатные материалы и финансирует ваххабитскую пропаганду в Йемене. Более того, саудовские священники занимаются прозелитизмом на севере Йемена (где проживает большинство зейдитов), а саудовские элиты создали сети патронажа, которые угрожают секте зейдитов, что рассматривается хутитами как нарушение их суверенитета. Начальник штаба объединенных вооруженных сил генерал-майор Хасан Фируз Бади назвал участие Саудовской Аравии ваххабитским государственным терроризмом, что очень беспокоит Иран. Поскольку Иран считает себя региональной державой и лидером исламского мира и давно стремится повысить свой статус за счет поддержки исламских стран и организаций, вполне логично, что Иран признает хути в качестве своего доверенного лица в регионе и будет противостоять США и их региональным союзникам, таким как Саудовская Аравия. Кроме того, Иран рассматривает конфликт в Йемене как способ помешать Саудовской Аравии передать власть в другие части региона, в результате чего Саудовская Аравия не сможет пойти на эскалацию в Сирии.

Второй мотив: Иран, будучи официально шиитским государством, защищает шиитский ислам и выступает в качестве ориентира для многих шиитских движений по всему миру через программы финансирования или политическую поддержку, поддержка хути, которые идеологически близки к нему, является приоритетом для Ирана, хотя зейдиты остаются отличными от иранских шиитов, контакты Ирана с хути и их поддержка привели к тому, что некоторые из них обратились в шиизм и посещают Иран в религиозных целях. Таким образом, Иран работает на свою цель

расширения так называемого «шиитского полумесяца» на Ближнем Востоке.

Третий мотив: интерес Ирана к Йемену обусловлен его стратегическим положением, выходящим к Баб-эль-Мандебскому проливу, Аденскому заливу и Красному морю. Иран уже некоторое время стремится обеспечить свое присутствие в этих акваториях международных морских путей. Иран имеет тесные связи с Эритреей и, по данным разведки, арендовал некоторые эритрейские острова для подготовки боевиков Хути под руководством офицеров иранской революционной гвардии и ливанской «Хезболлы», а также для хранения оружия, которое впоследствии будет переправлено на небольших рыболовецких судах на йеменское побережье Красного моря, а затем в опорный пункт боевиков Хути в провинции Саада на севере страны.

Исходя из вышеизложенного, мы можем прийти к выводу. Война в Йемене привела к грубым нарушениям прав человека, в том числе к военным преступлениям по всей стране. К концу 2019 г., по оценкам, более 233 000 йеменцев были убиты в результате боевых действий и гуманитарного кризиса. Между тем Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) документально подтвердило, что с марта 2015 г. в ходе боевых действий было убито и ранено более 200 000 мирных жителей. Усилился рукотворный гуманитарный кризис, в результате которого около 16 миллионов человек ежедневно просыпаются голодными. Конфликт в Йемене не подает реальных признаков прекращения, поскольку он продолжается уже девятый год, и мирные жители по всей стране и целые поколения людей продолжают нести на себе основное бремя военных действий и противоправных действий как внутренних, так и внешних правительственные и неправительственные вооруженные группы.

Все действующие лица в Йемене способны устанавливать отношения или региональные союзы, выходящие за рамки национальных границ государства, например, отношения некоторых юеменских племен и правительства Хади с Саудовской Аравией, отношения движения Хути с Ираном, переплетение региональных и международных отношений некоторыми символами Южного движения на основе преемственности государства на юге Йемена, а также транснациональный характер Аль-Каиды и ее непризнание существования государства в целом. Такое переплетение отношений подпитывает вооруженный конфликт в Йемене.

Библиография

1. Абдул Вахаб М.А. «Йеменцы переходят путь к гражданскому государству» // Центр стратегических исследований Аль-Захра, Сане, 2012.
2. Абдула М.Ф. Влияние внешнего фактора на вопросы реформ в политической системе Йемена. Университет Асют, 2010.
3. Аль-Рухани А.М. Управление Йеменом и демократическое единство. Каир, 2008.
4. Аль-Хумайри М.А. Племя и его роль в йеменских протестах 2011–2012. Берлин, 2013.
5. Аль-Хамдани С., Аль-Мадхаджи М. Роли местных игроков в войнах в Йемене. Сане, 2015.
6. Военная интервенция в Йемене – URL: [https://www.acrseg.org/38037/](https://ar.wikipedia.org/wiki/%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%AF%D8%AE%D9%84%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B3%D9%83%D8%B1%D9%8A_%D9%81%D9%8A_%D8%A7%D9%84%D9%8A%D9%85%D9%86#:~:text=%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%AF%D9%8AE%D9%84%D8%A7%D9%84%D8% (дата обращения: 05.02.2025).7. Мухаммед А.К. Юридическая справка по йеменским переговорам // Manarat Al-Semin. 2020. № 5. С. 199–201.8. Пуаре М. Революционный поворот Йемена. Бейрут, 2016.9. Ahmed Zaki Othman, The Limits of the Role: Operation Decisive Storm and the Role of Saudi Arabia in the Arab Regional System, Arab Center for Research and Policy Studies. – URL: <a href=) (дата обращения 22.02.2025).
10. Aldaghshi A.M. The Houthis and their Military, Political and Educational Future. Doha, 2013.
11. Asmaa Tariq Fathi Saad The Saudi Role in the Conflict in Yemen: 2011–2016. Arab Democratic Center. – URL: <https://democraticac.de/?p=39856> (дата обращения: 23.02.2025).
12. Al-Hunaiti A. The Houthi Ansar Allah Movement and Iranian Expansion in the Arabian Gulf Region. Amman, 2016.
13. Gregory D. Johnsen Foreign Actors in Yemen: The History, the Politics and the Future. – URL: <https://policycommons.net/artifacts/1763424/foreign-actors-in-yemen/2495070/> (дата обращения: 22.02.2025).
14. Isari A. The armed conflict in Yemen: a complicated mosaic. – URL: <https://www.geneva-academy.ch/joomlatools-files/docman-files/The%20Armed%20Conflict%20in%20Yemen.pdf2011> (дата обращения: 13.02.2025).
15. Jonathan F.H. Saudi-Led Coalition's Focus on Expelling the Houthis Has Given Al Qaeda More Space to Reorganize in Yemen. 2018. – URL: <https://carnegieendowment.org/sada/77335> (дата обращения: 13.02.2025).
16. Maktoum Kayber Center for the Middle East Yemen and the Geopolitical Impacts of Regional Interventions 2020. – URL: www.carnegie.mec.or (дата обращения: 23.02.2025).
17. O'Driscoll D. Violent Extremism and Terrorism in Yemen. Manchester: University of Manchester. – URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/59ad50b540fob6616a1cbd68/154-156-Violent-Extremism-and-Terrorism-in-Yemen.pdf> (дата обращения: 13.02.2025).
18. Shaimaa Ezzat, From Decisive Storm to the Hodeidah Agreement: Four Years of War in Yemen. – URL: [https://www.france24.com/ar/20190326-%D8%A7%D9%84%D9%8A%D9%85%D9%86D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B2%D9%85-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D9%88%D8%AB%D9%8A%D9% \(дата обращения: 22.02.2025\)/](https://www.france24.com/ar/20190326-%D8%A7%D9%84%D9%8A%D9%85%D9%86D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B2%D9%85-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D9%88%D8%AB%D9%8A%D9% (дата обращения: 22.02.2025)/)

Аль-Халеди Мухъялдин Мухаммад Ахмад, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; alkhaledi@inbox.ru

The Yemen crisis: between internal tensions and external intervention

Since its inception, Yemen has been in a state of political instability due to a number of interrelated factors, both internal and external, which have contributed to the persistence of the conflict and the ongoing violence and fighting. The crisis has not remained within the framework of internal relations between local parties but has become a theatre of conflict between regional powers, hence the aim of this article is to monitor and analyse the policies of regional countries directly or indirectly involved in this conflict and its impact on security and stability in Yemen. Regional countries seek to achieve their interests and goals according to their own projects and try to fill the political vacuum left by the Arab Spring revolutions.

Keywords: Yemen, crisis, local actors, regional states

AL-khaledi Muh'yaldin Mokhammed Akhmed, graduate student, Kazan Federal University, Kazan, Russia; alkhaledi@inbox.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Теоретико-методологические, исторические и историографические вопросы восприятия и изучения мировых империй Запада и Востока	3
Агапов О.Д. Категории «империя», «цивилизация», «федерация» в контексте современной философии истории	3
Булычев П.М. Образ Испанской империи в визуальном пространстве Нидерландов XVII века	12
Глухова А.С. Социально-политический статус имперского рыцарства в свете данных юридических источников 1790-х гг.	17
Артиюх Г.Ю. «Повсюду царил дух праздника». Коммеморативная практика во Франции в 1805 г.	23
Шмелев Д.В. «Луи-Наполеон Великий» Ф. Сегэна и начало ревизии истории Второй империи	30
Гафуров С.О. Представления о борьбе немецкого народа с мировыми империями в немецкой публицистике XIX в.	37
Самигуллин Н.Э. Этические вопросы освещения действий правительств Родезии и Великобритании в контексте расового неравенства второй половины XX – начала XXI века	45
Соколов Д.А. Идея нации и практики имперского строительства в России первой половины XIX в. как историографическая проблема	50
Недашковская Н.И. Создатели имперского дискурса Александровской эпохи: к истории идеи памятника Минину и Пожарскому	58
Гавриленков А.Ю. Формирование авторского подхода Л.П. Лаптевой в период 1950–1980-х гг. на примере работ по истории российского славяноведения	66

Раздел 2. Проблемы отечественной истории в свете империологических подходов	74
Шакирова А.И. Вклад почетных смотрителей в развитие народного образования в имперской России в первой половине XIX в. (на примере уездных училищ Казанской губернии)	74
Хасанов Т.Н. Формирование системы охраны здоровья и оказания медицинской помощи в русской армии в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	79
Якупов А.Г. Систематизация отчетной работы Казанской городской думы в 1871–1880 гг.: хозяйствственно-экономический аспект	85
Афанасьев А.Ю. Влияние конфессиональной политики российских государей на численность старообрядческого купечества казанской губернии в XIX – начале XX вв.	93
Субботина А.М. Интеграция народов и сохранение этно-культурных различий в условиях модернизации Российской империи в XIX – начале XX в.	99
Яковлев А.Е. Гендерный вопрос в кадровой политике контор Торгсина Среднего Поволжья	104
Иванова М.А. Трансформация политических элит на постсоветском пространстве: динамика взаимодействия центра и периферии в условиях федеративной модернизации	109
Раздел 3. Имперская история: древность и средневековье	113
Бочаров В.В. Внешняя политика Гиерона Сиракузского: борьба за сохранение державы Дейноменидов	113
Шмелева Л.М. Рим и Латинский союз в V–IV вв. до н.э.: изменения во взаимоотношениях	117
Качан С.А. Победоносный образ императора в римском Египте	125
Беденко Э.В. Влияние римских имперских традиций на становление варварских королевств	132
Бикеева Н.Ю. Дипломатические отношения между франками и Восточной Римской империей в 60-х гг. VI в.	136
Рахов Д.Д. Проблема обороны крепостей Византийской империи	146
Садретдинов Р.А. Влияние имперского дискурса на	

конфликт между Римской католической церковью и Мартином Лютером	151
Анисимов И.О. Предпосылки введения надельной си- стемы в Китае при первых империях	156
Сапарова Ш. Родоплеменные традиции в Монгольской империи на этапе зарождения	163
Раздел 4. Имперская история: новое и новейшее время	169
Пузикова М.В. Место и статус Елизаветы Баварской при имперском дворе, ее функции и роль	169
Сахбиев И.Ф. Колониализм и имперская идея в Герма- нии в правление Вильгельма I	174
Акимов Е.С. Роль трехклассной избирательной системы в формировании немецкого консерватизма	180
Герасимов И.Ю. Имперские принципы в политике Тре- тьей республики во Франции	185
Аль Зидейн Арин Ахмад Оде. Империи и международ- ные отношения: формирование Иордании от османов к британцам	191
Лозовский А.С. Колониальная политика II Речи Поспо- литой в период «санационного режима»	198
Астафьевая Е.А. Политическое насилие и универсализм в политике нацистской Германии	203
Исай А.Н. Студенческое протестное движение в ФРГ в 1960-е гг.	210
Вершинин М.А. Экономические отношения США и Кубы в 50-х годах XX века как пример имперской политики	217
Галикеева А.Р. «Мягкая сила» британского неоколониа- лизма как инструмент политики правительства Энто- ни Блэра	223
Губайдуллин Р.Р. Революционные движения в Латин- ской Америке (на примере ФАРК и Сендеро Луминосо)	231
Оксимов К.Е. Европейская идентичность как разновид- ность имперской идентичности	238
Кулаков А.А. Таможенная война как инструмент транс- формации мир-экономики в мир-империю	246
Аль-Халеди М.М.А. Йеменский кризис: между внутрен- ней напряженностью и внешним вмешательством	253

**Электронное научное издание
сетевого распространения**

Редакционная коллегия:
Н.Ю. Бикеева, В.Е. Козлов, Г.П. Мягков (сост., отв.
редактор), Р.Р. Фахрутдинов, Д.В. Шмелев (сост., отв.
редактор),
Л.М. Шмелева

**ИМПЕРИИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И ПРЕПОДАВАНИЯ**

Сборник статей и сообщений

Подписано к печати 08.12.2025

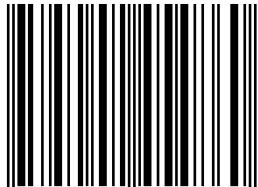
Формат 60x841/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать цифровая.

Усл. печ. 15,46 л. Печ. 16,63 л. Тираж 100. Заказ № 269.
420111, г. Казань, ул. Дзержинского, д. 9/1. Тел.: 8-917-264-84-83.

E-mail: ric-school@yandex.ru

ISBN 978-5-00245-486-0

9 785002 454860 >